

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ  
ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЪ.

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 6-я.

ЮНЬ, 1885.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Google

# ШУГНАНЪ

АФГАНИСТАНСКІЕ ОЧЕРКИ.

Самый жгучій вопросъ дня связанъ съ вопросомъ о нашей границѣ съ Афганистаномъ. Центръ пожара—Герать.

Упоминаю здѣсь о немъ однако не съ цѣлью такъ или иначе коснуться пресловутаго „ключа къ Индіи“, а лишь потому, что событія, происшедшія въ 1883 г. на сѣверовосточной окраинѣ Афганистана, имѣютъ близкую связь съ афганскимъ пограничнымъ вопросомъ. Событія эти — занятіе афганцами Шугнана и Рошана <sup>1)</sup>).

Означенный восточный уголокъ—такой темный, такой заброшенный, что о немъ одиннадцать лѣтъ тому назадъ не было и рѣчи у дипломатовъ, обсуждавшихъ сѣверовосточную границу Афганистана; имя его и не упоминалось въ тогдашней дипломатической перепискѣ: ни Шугнана, ни Рошана не знали, и говорили только о сосѣднемъ Бадахшанѣ. Даже совсѣмъ недавно, почти „на дняхъ“, шли серьезныя несогласія между „знатоками“: одни утверждали, что владѣнія наши граничатъ съ шугнанскими, другіе настаивали, что они не могутъ даже соприкасаться. Дѣло очевидно, было въ простомъ недоразумѣніи. Карты этихъ мѣстъ не было, да и не совсѣмъ отчетливое знакомство со всѣми разспросными данными вызывали крайне неясное пониманіе топографіи тѣхъ странъ.

Участвуя въ послѣдней Памирской экспедиціи 1883 г. въ

<sup>1)</sup> Чтобы легко и правильно произносить туземныя слова, нужно держаться одного правила: удареніе всегда ставить на концѣ, напр. Шугнанъ, Алэй, Кара-Булэкъ, Амъ-Даръя, Тухузъ, Бураманъ, Туря и т. д.

качествъ заведующаго ея геологическимъ отдѣломъ, я имѣлъ случай быть въ восточныхъ частяхъ Шутнана и Рошана. О нихъ то я и намѣренъ разсказать въ настоящей статьѣ.

Предлагаемый очеркъ, который можно разсматривать какъ одну изъ главъ моего будущаго сочиненія о путешествіи на Памиръ, появляясь нынѣ отдѣльно, требуетъ хотя краткаго предисловія о самомъ Памирѣ, непосредственно примыкающемъ къ шутнанскимъ владѣніямъ. Сознаю, что быть краткимъ и яснымъ — самое трудное дѣло. Постараюсь, насколько для меня возможно, сдѣлать самое введеніе простымъ.

Памиръ лежитъ въ верховьяхъ Аму-дарьи <sup>1)</sup>. До настоящаго времени многимъ еще представляется спорнымъ вопросъ о томъ, что считать Памиромъ. Зависитъ это прежде всего отъ различія въ точкахъ зрѣнія.

Для меня этотъ вопросъ не представляется вовсе такимъ сложнымъ, и я отвожу Памиру очень опредѣленное мѣсто въ тѣхъ границахъ, которыя отмежеваны ему туземцами, живущими на самомъ Памирѣ и въ его окрестностяхъ, ибо ближайшее знакомство съ его физико-географическими особенностями дѣйствительно позволяетъ характеризовать Памиръ, какъ область вполне обособленную, съ опредѣленными природными признаками, съ самостоятельной фizioноміей. Это — высокое нагорье, долины котораго подняты на высоту отъ 11 до 14 сличкомъ тысячъ футовъ надъ ур. моря, а горы, вздымающіяся на немъ, имѣютъ среднюю абсолютную высоту въ 15—16 тыс. ф. Съ трехъ сторонъ оно ясно ограничено окраинными цѣпами высочайшихъ горъ; на сѣверѣ Заалайскими, на востокѣ Кашгарскими, на югѣ Гиндукушемъ, пики которыхъ вздымаются выше 20.000 ф. <sup>2)</sup>. Съ этого нагорья сбѣгаютъ двѣ рѣки: на западъ, верховье Ок-

<sup>1)</sup> Слово Памиръ обыкновенно отождествляютъ съ „крышей міра“, дѣлая переводъ съ персидскаго Ба-ми-ду-ниа. Едва-ли однако легко отсюда произвести въ какихъ-бы то ни было сокращеніяхъ слово Памиръ. Что въ послѣднемъ словѣ участвуетъ *бамъ*-крыша, это весьма вѣроятно; но переходъ дуніа въ *иръ* или *ръ* — очень мудренъ. Мнѣ кажется, можно проще объяснить происхожденіе этого слова. Памиръ по древне-китайск. источникамъ назывался *Pomilo*; жѣстныя киргизы и теперь говариваютъ *Памиль*. Если корень его персидскій, то вѣроятно, что первоначальное его значеніе было *Ба-ми-ба-ла*, т. е. *высокая крыша*, откуда уже легко допустить и сокращенія: Ба-ми-ло или Памило, Памиль... Тогда „крыша міра“ будетъ переводъ вольный, а не подстрочный.

<sup>2)</sup> Въ Заалаѣ гора Кауфмана 28.000, на востокѣ гора Музтагъ-ата 25.800, въ Гиндукушѣ г. Дунхо 22.600 футовъ.

суса—р. Пянжъ; на востокъ, притоки р. Тарима—верховья рѣкъ Камгарской и Яркентской.

Высота мѣста обусловила природныя свойства страны: климатъ суровый (7 мѣс. зима, 1 мѣс. лѣто); растительность преимущественно луговая высокой альпійской зоны; животный миръ состоитъ изъ видовъ горныхъ, степныхъ и полярныхъ. Культура здѣсь невозможна, и население исключительно бѣдные кочевники киргизы, число которыхъ весьма не велико (3000 чел.). Въ восточной части мы встрѣчаемъ цѣлую систему открытыхъ рѣчныхъ и озерныхъ долинъ, образующихъ въ общей связи степное плоскогорье, величиною равное почти Бельгiи, или востромской губерніи. На западѣ оно переходитъ въ горную страну, быстро понижающуюся, входящую въ зону лѣса и земледѣльческой культуры, первые зачатки которой я и считаю западной пограничной линіей Памира. Такимъ образомъ, для всего Памира я отвожу всю пустынную и самую высокую площадь къ востоку отъ культурной зоны. Въ общемъ поверхность его равняется площади Португаліи. Размѣры этого четырехугольника примѣрно такіе: отъ сѣвера къ югу 270 верстъ, отъ востока къ западу 240.

На сѣверѣ, Памиръ примыкаетъ къ нашей Ферганской области, именно къ ея южной самостоятельной высокой долины Алая. На востокъ у него лежитъ Камгаръ. На югѣ за Гиндукушемъ—рядъ мелкихъ владѣній: Канжутъ, Яссинъ, Читраль, Каджирстанъ; по сѣверную сторону Гиндукуша, у его подошвы, долина Вахана—небольшое таджикское владѣніе. Западную-же, чисто горную окраину Памира занимаютъ родственныя по населенію ваханскимъ горцамъ владѣнія—по порядку съ сѣвера къ югу: Дарвазъ (нынѣ бухарское бекство), Рошанъ, Шугнанъ и часть Бадахшана <sup>1)</sup>.

Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ общая картина страны.

Пусть читатель, открывъ карту Азии (хоть напр. новое изд. Главн. Шт. 1883 г. <sup>2)</sup>) и прослѣдя Аму-дарью до ея верховья, обратить вниманіе на ту часть р. Пянжа, гдѣ она, передъ слияніемъ съ другой р. Сурхабомъ (или Вахшемъ), дѣлаетъ двойное рѣзкое коленъ: сперва бѣжитъ на западъ вдоль Гиндукуша, под прямымъ угломъ поворачиваетъ на сѣверъ и снова на югозападъ. Меридиональная часть рѣки у города Калаи-Вамаръ принимаетъ въ себя справа другую значительную рѣку, бѣгущую съ востока

<sup>1)</sup> Въ градусахъ его положеніе опредѣляется:  $37^{\circ}$  и  $39\frac{1}{2}^{\circ}$  с. ш., и  $72\frac{1}{2}^{\circ}$  и  $75^{\circ}$  в. д. отъ Гринв.

<sup>2)</sup> Новая схематическая карточка Памира помѣщена въ „Извѣстіяхъ“ Инвер-Рус. Геогр. Общ. за 1885 г., вып. 2 при моей статьѣ „Что считать Памиромъ?“

Мургабъ. Если пространство между рѣками Панжемъ и Мургабомъ мы отрубимъ на востокъ меридіаномъ города Панжа, то получимъ параллелограмъ, въ предѣлахъ котораго лежатъ слезанные владѣнія Шугнана и Рошана. Они занимаютъ не весь этотъ четырехугольникъ, а большую ( $\frac{4}{5}$ ) сѣверную его часть; южная же узкая полоса ( $\frac{1}{5}$ ) принадлежитъ къ Бадахшану.

Подробности выяснятся потомъ сами собой, — покуда ограничимся этой схемой.

# I.

4-го августа 1883 г., на р. Памиръ, близъ впаденія въ нее руч. Харгошъ, Памирская экспедиція раздѣлилась кореннымъ образомъ на двѣ части.

Одна изъ нихъ, большая, изъ капит. Путяты съ тоногр. Бендерскимъ, семью казаками и трюми переводчиками джигитами — направлялась на югъ, намѣреваясь заняться изслѣдованіями преимущественно за Гиндукушемъ, въ областяхъ Читрала, Яссина и Кяфиристана; другая, руководимая мною, должна была двинуться на западъ и, захвативъ Шугнанъ и Рошанъ, выйти на сѣверо-западную часть Памира, а оттуда на Нижній Каратегинъ Алай, въ Каратегинъ и Дарвазъ. Мой отрядъ состоялъ изъ пяти казаковъ и одного переводчика; кромѣ того, при обозѣ было два туземца, и одинъ мѣстный киргизъ проводникъ.

Мы разставались надолго. Даже приблизительно нельзя было сказать, когда, гдѣ, при какихъ обстоятельствахъ мы можемъ встрѣтиться: гдѣ-то, когда-то... а можетъ быть и никогда. Каждый изъ отдѣловъ экспедиціи съ этого дня предоставлялся исключительно самому себѣ. Всякая связь между ними кончилась.

Я направился внизъ по р. Памиру, чтобы пройти на верховья р. Шахдары переваломъ Масъ.

На другой день я былъ уже въ предѣлахъ Шугнана <sup>1)</sup>.

Это маленькое „ханство“ занимаетъ бассейнъ р. Гунта <sup>2)</sup>, бассейнъ, состоящій изъ двухъ долинъ: собственно Гунта и его лѣв. притока Шахдары. Обѣ онѣ начинаются отъ Памирской выси и сбѣгаютъ на западъ къ рѣкѣ Панжу въ томъ пунктѣ, гдѣ стоитъ столица Шугнана — крѣп. Барпаянжъ. Остальная тер-

<sup>1)</sup> Часто подъ именемъ Шугнана подразумеваютъ и Рошанъ, такъ какъ и тѣмъ, и другимъ владѣлъ Шугнанскій ханъ. Я говорю о каждомъ отдѣльно, употребляя для обоихъ выраженіе „Шугнанскія владѣнія“.

<sup>2)</sup> На картѣ гл. III. названа Сутанъ.

риторія Шугнана лежитъ вдоль меридіанальнаго колѣна рѣки Пянжа, на разстояніи верстъ 70, считая въ сѣверу отъ сел. Дармаракхъ. На лѣвомъ берегу Пянжа, несомнѣнно принадлежащемъ Шугнану, граница неясна, и ширина полосы проводится довольно гадательно. Рошанъ занимаетъ нижніе теченіе р. Мургаба (верстъ около 150).

Такимъ образомъ, площадь Шугнана выразится 176 кв. г. миль, Рошана 132, общая величина 308 кв. г. м., или половина московской губерніи (также казниковскій уѣздъ вологодской губ.).

Но эта величина представить для насъ всю площадь, входящую въ бассейны названныхъ рѣкъ, до самыхъ недоступныхъ хребтовъ водораздѣльныхъ горъ. Если же мы попытаемся вычислить примѣрную площадь того пространства, которое такъ или иначе эксплуатируется населеніемъ, или вообще представляетъ доступную для человѣка область, то величина шугнанскихъ угодій вѣроятно уменьшится болѣе чѣмъ на половину, т.-е. шугнанское ханство (вмѣстѣ съ Рошаномъ) едва будетъ равняться уѣзду средней величины и во всякомъ случаѣ меньше нижнетагильскаго имѣнія Демидовыхъ на Уралѣ.

Эта то крошечная земляца подлежала теперь моему изслѣдованію.

Годъ тому назадъ въ западной ея части нашъ соотечественникъ докторъ Регель развѣзжалъ совершенно свободно, собирая свой гербарій. Тогда г. Регель считался почетнымъ гостемъ шугнанскаго правителя Юсуфъ-Али-хана. Теперь имя хана не смѣлъ никто произносить въ присутствіи афганцевъ. Ханъ сидѣлъ арестованнымъ въ Файзабадѣ, и главнымъ обвиненіемъ противъ него былъ этотъ самый докторъ Регель...

Верховья Шахдары на значительное протяженіе представляютъ пустырь, и поселенія по этой долинѣ начинаются гораздо ниже. Въ верхней части я могъ встрѣтить случайно пастуховъ или проѣзжихъ—только. Переваль (Масъ), которымъ я вступилъ въ долину Шахдары, и гдѣ находятся ея истоки, лежитъ на высотѣ 15.120 ф. Отсюда быстрымъ спускомъ въ нѣсколько очень красивыхъ каменныхъ ступеней, чередующихся съ террасами сочныхъ луговъ, выйдешь изъ узкой части ущелья и сразу попадаешь въ открытую долину, гдѣ собираются со всѣхъ сторонъ верхніе ручьи, сбѣгающіе съ амфитеатра горъ въ одинъ циркъ, чтобы образовать солидную рѣчку. Тамъ, на перевалѣ, едва уже тлѣла растительная жизнь <sup>1)</sup> въ видѣ рѣдкихъ травянистыхъ пуч-

<sup>1)</sup> Нужно оговориться впрочемъ, что растительность на Памирѣ доходитъ до высоты около 17.000 футовъ.

ковъ; здѣсь—всего въ 6 верстахъ разстоянія—уже росли кусты ивняка (12.400) довольно рослые, чтобы разнообразить пейзажъ.

Внизъ по Шахдарѣ я не пошелъ, а напротивъ постѣпшилъ уйти изъ этой долины, чтобы случайной встрѣчей съ какими-нибудь проѣзжающими не испортить дѣла. Съ Путятой я условился, что въ Шугнанѣ не появлюсь раньше тѣхъ нѣсколькихъ дней, которые нужно было ему для того, чтобы дойти до поворота дороги съ Вахана къ перевалу Боръ-агылъ (т.-е. до с. Сараата).

Чтобы сдѣлать понятнымъ дальнѣйшій рассказъ, я долженъ нѣсколько вернуться назадъ.

Наша экспедиція вела все время работы двумя партіями, которыя раздѣлялись, назначая себѣ опредѣленные маршруты на 10—12—20 дней, и потомъ въ условленныхъ пунктахъ сходились, чтобы снова опять разойтись по разнымъ направленіямъ. Передъ послѣднимъ кореннымъ раздѣленіемъ, о которомъ я говорилъ, наши два отдѣла работали на давно значительномъ разстояніи. Въ то время какъ я съ Бендерскимъ изслѣдовалъ юго-восточную часть Памира, программа Путаты сосредоточивала его рекогносцировки на западѣ, близъ восточной окраины Роина и Шугнана. Не попавъ на р. Гунтъ, онъ направился по его лѣв. притокъ Тукузъ-булаку, по дорогѣ, ведущей въ первое шугнанское селеніе Сардымъ. Въ его задачу входило между прочимъ и то, нельзя ли добыть для отряда муки и крупы.

Недойдя до Сардыма, онъ послалъ туда двоихъ джигитовъ съ товарами (ситцы, бусы, халаты и т. п.). Чтобы не вызвать какихънибудь подозрѣній, они должны были назваться торговцами и, обмѣнявши товары на провіантъ, а также добывши точныя свѣденія о событіяхъ съ ханомъ, возвратиться. Вымышленные „купцы“ (савдагары) двинулись нагруженные товаромъ и съ очень хитрыми соображеніями о томъ, какъ ловко они проведутъ глухихъ шугнанцевъ. Приѣхали въ Сардымъ и началось вранье. Они — кашгарскіе купцы, идутъ въ Бадахманъ, оставили караванъ на Аличурѣ, сюда заѣхали купить хлѣба для людей... Выходила такая чепуха, которую могъ выдумать только ребенокъ: дорога съ Аличура пла черезъ Сардымъ, они оставили транспортъ за два-за три дня пути, поѣхали впередъ, чтобы съ хлѣбомъ воротиться назадъ и снова ѣхать сюда же съ караваномъ... Мало этого—„кашгарскіе купцы“ оказались незнающими даже того, что въ это время въ Сардымѣ еще только колосился хлѣбъ, и что сѣется его тутъ ровно столько, сколько нужно для себя...

Чѣмъ дальше ихъ разсиранивали, тѣмъ болѣе купцы замирались. Да и товары то у нихъ были не того разбора, который

обыкновенно привозится сюда изъ Капшгара; да и языкъ былъ не капшгарскій. Словомъ, пришлось, наконецъ, отвѣчать прямо.

— Вы должно быть русскіе? — задали имъ вопросъ очень осторожнымъ тономъ.

— Ну такъ что, что русскіе?—вдругъ сорвались купцы.— Мы развѣ боимся кого? Ну да, русскіе,—такъ у насъ вотъ сейчасъ здѣсь, на Аличурѣ, цѣлое войско стоитъ! Насъ никто не смѣетъ тронуть: мы русскіе джигиты. Мы и афганцевъ не боимся...

— Гдѣ же русскимъ бояться афганцевъ, афганцы сами русскихъ боятся. У нихъ съ Аспалыханомъ вся и ссора-то произошла изъ-за русскаго... Мы сами русскихъ любимъ и очень вамъ рады...

Начались мирные переговоры. Джигиты добыли свѣденія объ афганцахъ, объ ханѣ, узнали, что хлѣба теперь пожалуй во всемъ Шугнанѣ не найдешь ни за какія деньги, не только въ бѣдномъ Сардымѣ; купили пару барашковъ, нѣсколько чашекъ сушеной ягоды шелковицы, оставили сколько-то аршинъ ситца и вернулись назадъ. Здѣсь началось новое вранье о томъ, какъ ловко они вели себя, какія важныя свѣденія добыли. Но и тутъ имъ довелось нѣсколько спутаться и намекнуть на то, что, кажется, ихъ жители узнали, только виду не показали, но что конечно афганцамъ теперь отлично уже извѣстно о ихъ пріѣздѣ. Догадки эти для нихъ были тѣмъ легче, что вмѣстѣ съ ними въ Шугнанъ поѣхалъ одинъ старикъ изъ Ферганы, который конечно ихъ „выдалъ“...

Путаница эта произвела смущеніе и тамъ, и тутъ. Испуганные появленіемъ русскаго отряда, жители побоялись скрыть это отъ афганцевъ и послали донесеніе въ Барпянжъ. Даже была идея догнать джигитовъ и арестовать... Афганцы забили тревогу и потребовали поддержаній изъ Бадахшана, ибо въ то время весь Шугнанскій „окупационный отрядъ“ ихъ состоялъ изъ 30 человекъ. Съ другой стороны, смущенъ этой путаницей былъ и Путята, инстинктивно понимая, что комедія съ купцами не удалась, что у афганцевъ можетъ явиться желаніе послать рекогносцировочный отрядъ на Памирь, а такъ какъ афганцы не китайцы (и съ тѣми возня какая была!), то нельзя предвидѣть, какія могутъ выйти затрудненія для экспедиціи...

Всѣ истинныя подробности этого джигитскаго водевиля „съ переодѣваніемъ“ я постигъ уже гораздо позже, теперь же зналъ отъ Путаты только то, что ему наврали наши „купцы“.

Повернувъ съ Шахдары къ сѣверу, на Аличуръ, я уже къ полудню выбрался снова на Памирскую высь, пройдя весьма хо-

рошей въючной дорогой по ущ. Кокбай къ водораздѣлу между водами Шахдары, Тукузь-булака и Аличура.

## II.

Такъ дошелъ я до южнаго берега Яшилъ-куля, самаго главнаго алигурскаго озера и второго по величинѣ на всемъ Памирѣ: послѣ Б. Каракуля должно быть поставлено оно, а затѣмъ уже Памирское, или Большое озеро <sup>1)</sup>.

Озеро Яшилъ-куль интересно во многихъ отношеніяхъ.

Оно лежитъ въ воротахъ Шугнана со стороны Памира, на ближайшей лѣтней дорогѣ изъ Кашгара и съ Алая. Отъ него направляются единственные пути отсюда въ рошанское селеніе Сергъ: одинъ отъ самаго озера черезъ переваль Б. Марзянай; другой въ 5 верстахъ по западную сторону воротъ, переваломъ Ленчеръ. Озеро принимаетъ въ себя всѣ воды Алигура и выпускаетъ изъ себя единственную рѣчку Гунтъ. Оно находится на границѣ травянистой степи и лѣса, лугового Памира и горнаго перехода его къ культурной полосѣ окраины. Только по отношенію къ нему сохранились точныя историческія указанія о переходѣ черезъ Памиръ большого китайскаго отряда въ 1758 г. подъ начальствомъ генерала Фу-дэ. Онъ преслѣдовалъ войска и переселенцевъ изъ Кашгара, бѣжавшихъ съ ходжами въ Бадахшанъ <sup>2)</sup>. Фу-дэ настигъ ихъ близъ Яшилъ-куля, и здѣсь была рѣшена участь ходжей: войска ихъ были разбиты, масса добычи (въ видѣ нѣсколькихъ тысячъ плѣнныхъ, скота и оружія) попала въ руки китайцевъ, которые подъ предводительствомъ своего гордаго генерала проникли затѣмъ въ Шугнанъ, въ Ваханъ и дошли

<sup>1)</sup> Поверхность Б. Каракуля равняется 5,4 к. г. м. (264 кв. вер.), Яшилъ-куль—0,88 к. г. м. (43 к. в.), Больш. Озера—0,6 к. г. м. (29 к. в.).

<sup>2)</sup> Ходжи въ исторіи Восточнаго Туркестана играли видную роль въ длинной борьбѣ Кашгаріи съ китайцами и джунгарами за власть и независимость. Первый ходжа, явившійся изъ Бухары въ качествѣ ученаго пилигрима, проповѣдника ислама, заслужилъ огромную славу своей святостью. Потомки его, добившись свѣтской власти и выступивъ въ качествѣ хановъ, упрочили славу ходжей длиннымъ рядомъ войнъ, возмущеній, заговоровъ, страшныхъ казней и преступленій, отозвавшихся на населеніи В. Туркестана огромными потоками человеческой крови. Въ началѣ 60-хъ годовъ нашего столѣтія ходжи (Бузурукъ-ханъ-ходжа) снова овладѣваютъ Кашгаріей, причѣмъ на сцену выдвигается знаменитый политическій дѣятель въ Средней Азій Якубъ-бекъ, счумѣвшій изъ мальчика плясуна (бача) сдѣлаться неограниченнымъ властелиномъ обширныхъ владѣній и длиннымъ рядомъ войнъ и чисто азіатскихъ кровавыхъ расправъ связать свое имя съ длинной исторіей ходжей.

даже до столицы Бадахшана... Безъ всякаго сомнѣнiя, въ честь именно этого торжества китайскаго оружiя былъ воздвигнутъ у западнаго конца Япиль-куля китайскiй памятникъ, развалины котораго сохранились до сихъ поръ съ безразличнымъ именемъ „китайскаго мазара“.

Какъ будто назначенное быть роковымъ мѣстомъ для дезертировъ ханскаго рода, то же озеро Япиль-куль послужило на дняхъ прiютомъ другому бѣглецу, но не съ востока, а съ запада. Какъ разъ на той же самой злополучной горѣ, которая 125 лѣтъ назадъ задержала переходъ ходжей къ Шугнану, я видѣлъ еще ясныя слѣды отъ копытъ лошадей бѣжавшаго сюда Куватъ-хана, сына Юсуфа-Али, послѣ того какъ послѣдняго задержали въ Файзабадѣ <sup>1)</sup>. Отсюда злополучный ханскiй наслѣдникъ затѣвалъ бѣжать на русскую границу. Отсюда онъ рѣшалъ свою судьбу, взглядывая на западъ, гдѣ оставалось „царство“, и на востокъ, куда вела дорога къ далекимъ „урусамъ“. Отсюда его вызвали назадъ обiщанiя... Но объ этомъ рѣчь впереди.

Нельзя отнять у Япиль-куля и нѣкоторой живописности, извѣстнаго интереса въ нему, какъ къ большому и глубокому озеру. Когда передъ вечеромъ я остановился на немъ на стоянку, на озерѣ лежала полная тишина. Стальное зеркало отражало всѣ мельчайшiя подробности его береговъ, опрокинувъ въ глубь озера и дальнiя горы, и красноватые языки моренныхъ склоновъ южнаго берега, и желтые холмы на сѣверныхъ откосахъ, и даже едва замѣтную полосу зелени въ устьѣ длинной косы р. Б. Марзяная. Мелкими точками, какъ песчинки на зеркалѣ, раскидались по озерной глади стада гусей и атаекъ. Масса черныхъ гагаръ облѣпила каменную грядку, высунувшуюся изъ воды вдоль берега, и глупо, неумѣло машетъ крыльями, напоминая собою какую-то картину изъ фантастической сказки о безобразныхъ, тоскующихъ черныхъ вѣдьмахъ надъ пустыннымъ озеромъ. Далеко на горизонтѣ за передними горами торчатъ острые зубцы снѣговыхъ горъ. Лѣниво-граціозно разметались легкiя группы облаковъ надо всей этой картиной.

Пронеслась первая струйка вѣтра. Озеро мелко вздрогнуло, смѣшало ясныя контуры опрокинутыхъ горъ, заволокло вдали свинцовымъ тономъ, заиграло мелкими искрами вблизи. Плавно въ перебой закачались гуси на водѣ. Заметалась на берегу тонкая травка съ мохнатыми колосьями. Вѣтеръ съ запада начался.

<sup>1)</sup> Теперешняя столица Бадахшана.

Всю ночь на песчаной отмели правильно бился сильный прибой, сперва съ непривычки беспокоя нервы, а потомъ ублажившая.

Для меня лично, какъ изслѣдователя Памира, озеро Яшилъ-куль было интересно еще потому, что его западный вонецъ и истоки Гунта оставались до сихъ поръ никѣмъ не осмотрѣнными. Ни экспедиція Сѣверцова, производившая на Аличурѣ инструментальную съемку, ни Путята не проникли западнѣе ущелья Б. Марзянай, оставивъ озеро верстъ на 12 вовсе не осмотрѣннымъ. Свѣденія о дорогахъ вдоль озера были болѣе чѣмъ сбивчивы. Такъ, напр., о сѣверной дорогѣ ходили мнѣнія, какъ о недоступной для ѣзды на лошади. Мнѣ удалось фактически провѣрить эти слухи: сѣвернымъ берегомъ прошелъ мой вьючный обозъ, южнымъ проѣхалъ я самъ. Вьюки нигдѣ не встрѣтили ни малѣйшаго затрудненія. Весь сѣверный берегъ озера западнѣе Б. Марзянай представляетъ крутыя горы, спускающіяся къ самой водѣ. Побережье образуется каменною осыпью съ горъ, по которой и пробирается дорожка у самой воды. Наши привычные кони шли по этому пути какъ нельзя лучше.

Южный путь вдоль самаго озера имѣетъ двѣ преграды. Первая находится у западнаго конца озера (верстахъ въ 5); небольшая каменная горка, отдѣляющая котловину сосѣдняго Булюнъ-куля, надвигается къ самому озеру, спускаясь почти полнымъ отвѣсомъ въ его глубокія воды. По берегу, высоко надъ водой, лѣпится едва замѣтная козья тропочка, часто прерывающаяся промоинами, или же смытая настолью, что даже пѣшаго беретъ на нѣкоторыхъ мѣстахъ раздумье.

На эту тропочку я попалъ случайно, по незнанію проводника. Дорожка же для вьюковъ идетъ южнѣе, въ обходъ обрыва, поднимаясь черезъ гребень довольно тяжелой крутизной. Переваливъ эту горку, южная дорога до самаго западнаго конца озера очень сносная и тянется поперекъ многочисленныхъ овраговъ, сбѣгающихъ къ озеру. Нѣсколько овраговъ орошаются горными ручьями изъ ледниковъ въ южныхъ горахъ. Эти послѣднія характерны своей мрачностью, недоступностью.

Къ концу озера дорожка спускается на низкую отмель и вдоль самой воды доходить до истока изъ него рѣки Гунта. Вторая преграда была здѣсь!

Гунтъ выбѣгаетъ изъ Яшилъ-куля двумя рукавами, образуя островъ. Южный рукавъ бѣжитъ открыто, бойкой кристаллически прозрачной рѣчкой, шириною сажень въ 25; глубина выбраннаго брода въ то время (10-е августа) была по брюхо лошади. Теченіе очень быстрое, но ровное, русло правильное съ средней галь-

кой. Это рукавъ мирный. Другая часть Гунта невидимая: она значительно шире первой и вся завалена огромнымъ каменнымъ обваломъ, подъ которымъ съ сильнымъ журчаньемъ пробирается вода. Весь островъ тоже лежитъ подъ тѣмъ же обваломъ и представляетъ дикое нагроможденіе камней съ поперечникомъ въ нѣсколько сажень. Его обвалъ сливается незамѣтно съ обваломъ на сѣверномъ рукавѣ. Оба рукава рѣки соединяются у самой подошвы южныхъ дико обрывистыхъ гранитныхъ горъ. Отъ сѣверныхъ горъ выдается низенькій отрогъ въ 200 метр. (650) высоты надъ Япиль-кулемъ, представляя какъ бы западный берегъ озера. Отрогъ этотъ — наз. Бураманъ-бель — быть можетъ когда-то замыкавшій долину озера, теперь прорванъ близъ южныхъ горъ истокомъ Гунта. Самый прорывъ тоже загроможденъ обваломъ. Рѣка совершенно скрывается подъ нимъ, давая о себѣ знать глубокимъ журчаньемъ, да кое-гдѣ образуя среди камней небольшие озерки съ сердитыми водоворотами. Появляется она на свѣтъ Божій уже гораздо ниже, отрывая долину Гунта буйнымъ каскадомъ.

Южная дорога переходитъ въ бродъ открытый рукавъ, взбирается на обвалъ и по этой второй преградѣ, съ камня на камень неправильными ступенями и корридорами, спускается къ берегу отрога Бураманъ. Переходъ по обвалу крайне труденъ. Хотя здѣсь несомнѣнно дорога „разработана“, т.-е. кое-гдѣ забиты щели, положены плиты и т. п., но все это очень мало отличается подобную „дорогу“ отъ простого движенія по моренамъ. Ъхать верхомъ здѣсь было почти совсѣмъ немыслимо, и мы очень медленно подвигались, даже проводя нашихъ верховыхъ лошадей пустыми. Во многихъ мѣстахъ „дорогу“ приходилось угадывать чутьемъ и лишь изрѣдка различать ее по остаткамъ стараго навоза. Безъ сомнѣнія, она весьма рѣдко практикуется.

За обваломъ начинается подъемъ на перевалъ Бураманъ, по дорожкѣ сѣвернаго берега озера. Подъемъ косою горомъ очень крутъ и требуетъ не мало труда, хотя и невысокъ.

Взойдя на перевалъ, я оглянулся.

Передо мною прямо къ востоку тянулась узкая лента озера, шириною въ версту, полторы. Черезъ 7 верстъ она расширялась до трехъ верстъ. Еще черезъ 4 версты озеро сразу глубоко вдавалось къ югу, достигая здѣсь болѣе 5 верстъ поперечника; этимъ широкимъ водоемомъ оно тянулось, незамѣтно суживаясь, верстъ на 9, до болотистыхъ разливовъ р. Аличура и протоковъ изъ Булюнь-куля. Дальше за озеромъ виднѣлась уже въ туманѣ широкая Аличурская долина чисто памирскаго степного типа.

Согласно съ фигурой озера измѣнялось и очертаніе крутой подошвы южныхъ горъ: у западнаго конца онѣ подходили близко къ озеру; съ половины быстро отступали къ югу; сѣверныя же горы тянулись однообразно вдоль однообразной линіи сѣвернаго берега.

На западъ съ перевала открывалась совершенно иная картина. Глубокое, чисто горнаго типа ущелье съ шумной рѣкой извивалось между скалистыми, тѣсно сжавшими его горами и затѣмъ быстро заворачивало налѣво. Вдоль рѣчки тянулась безпрерывная полоса кустовъ и деревьевъ.

Дорога отъ Бураманъ-бели <sup>1)</sup> шла по высокой (въ 200 метр. средней высоты надъ рѣчкой) ровной гранитной террасѣ праваго берега. Верстѣ черезъ пять она подходитъ къ крутому краю ступени, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ Гунтѣ впадаетъ справа ущелье Ленгеръ <sup>2)</sup>. Я упоминалъ уже, что по Ленгеру существуетъ дорога въ Рошанъ. вмѣстѣ съ Б. Марзянаемъ эти два перевала суть единственные соединительные проходы между Шутнаномъ и Рошаномъ на протяженіи 120 верстѣ всей долины Гунта. Въ остальныхъ мѣстахъ горы (Алигурскія) раздѣляющія Гунтѣ отъ Мургата, совсѣмъ недоступны для пѣшаго горца. Слѣдующая соединительная линія на западѣ есть уже долина Пянжа.

Бураманъ-бель въ военномъ отношеніи имѣетъ серьезную цѣну. Какъ ворота со стороны Аличура, этотъ маленькій отрогъ отлично бережетъ дорогу, благодаря трудному подступу къ нему только по единой существующей дорожкѣ. Опираясь на просторную каменную террасу до Ленгера, онъ связывается съ дорогой чрезъ этотъ послѣдній въ Рошанъ. Сама терраса представляетъ цѣлую природную крѣпость.

Съ края спуска къ Ленгеру открывается веселый ландшафтъ, подробности котораго отчетливо видны сверху. Сейчасъ же внизу начинаются красивыя купы густого ивняка, убравшаго все устье Ленгера. Вверхъ по послѣднему довольно далеко тянутся дуга, орошенные многими рувавами. Здѣсь мы выбрали нашъ ночлегъ.

Отвыкнувъ въ теченіе долгаго времени отъ лѣснаго пейзажа на Памирѣ, мы встрѣтили нѣкоторое его подобіе здѣсь съ неподдѣльной радостью. Среди густой заросли, нашлось достаточно мѣста, гдѣ на мягкой полянкѣ можно было разбить нашъ маленький бивакъ. Рѣзкій вѣтеръ, дувшій вдоль ущелья, не прони-

<sup>1)</sup> Абсол. выс. перевала 13,400 ф.

<sup>2)</sup> Имя Ленгеръ или Лянгаръ всегда придается такому мѣсту, которое представляетъ хорошія условія для остановки: здѣсь много подножнаго корма, обиліе воды. Въ Кашгарѣ этимъ именемъ обозначается хуторъ.

какъ сюда вовсе. Какой-то давно желанной уютностью пахнуло на всѣхъ въ этомъ уголочкѣ. Впечатлѣнію сначала мѣшала нѣсколько дождь, начавшійся со второго часа дня. Но къ вечеру разяснилось. Веселый костеръ мягко освѣщалъ густыя стѣнки кустовъ, обступившихъ наши палатки. Среди кустовъ изрѣдка потрескивали вѣтки, слышалось фырканье коней, вкусный хрустъ травы. Таинственные пятна глубокой тѣни лежали крутомъ и уносили куда-то далеко, пробуждая смутныя чувства—точно вспоминалось что-то дорогое, забытое въ родныхъ мѣстахъ Россіи... Нечаянная новость этой маленькой обстановки такъ подкупала одичавшаго памирца, что неохота было уходить въ палатку изъ подъ открытаго неба, темнаго, глубокаго, съ чудными яркими звѣздами, и я легъ далеко позднѣе обыкновеннаго.

### III.

Утромъ все было въ туманѣ. Обдавало мелкой изморозью.

Къ узкой долинкѣ Гунта сворѣе подходило бы названіе ущелья. Голыя крутыя горы близко надвигаются къ рѣкѣ съ обѣихъ сторонъ, давая у подошвы склоновъ короткія осыпи и обвалы, загромаждающіе дорогу. Стѣсненная рѣка падаетъ шумнымъ, сердитымъ каскадомъ, обрамленнымъ узкой бахромой тальника и облѣпихи, съ кустами розана, черной смородины и торчащими дудками „вонскаго щавеля“. Къ ней подступа нѣтъ на разстояніи нѣсколькихъ верстъ. Все тѣсно, обрамлено высокими горами, завалено камнями, нѣтъ простора для глаза. Памирскія степи кончились, остались назади, здѣсь царство горъ.

Дорога все время до самаго Сардыма идетъ правымъ, болѣе просторнымъ берегомъ; сперва проходитъ по тяжелому крупному обвалу близъ самой рѣки, потомъ поднимается высоко надъ рѣкой на песчаную почву террасы, уводя сейчасъ же отъ древесной растительности въ область моихъ хорошихъ памирскихъ знаменцевъ—шаровыхъ кустиковъ „терскена“ <sup>1)</sup>, лепешчатого багрянника <sup>2)</sup>, ковыля и др. Новый спускъ къ рѣкѣ опять вводитъ въ переходную полосу низкорослаго тугая <sup>3)</sup>. Дорога здѣсь очень плоха, то по камню, то между кустами и трясинной. Но, пройдя верстъ 8, у крутого поворота рѣки влѣво (къ югу), все измѣняется: долина дѣлается шире, и все пространство между горами

<sup>1)</sup> Вѣлоозникъ—*Eurotia ceratoides* C. Koch.

<sup>2)</sup> *Cercis* L.

<sup>3)</sup> Тугай или Токой отвѣчаетъ нашей дикой древесной заросли.

(болѣе полуверсты) выравнивается; рѣка изъ бурной становится мирной, дѣлится на рукава и ласково охватываетъ нѣсколько красивыхъ островковъ. Веселый Тутай убралъ оба берега и острова, густымъ паркомъ уперся въ крутыя скалы горъ и мило свѣпывается надъ свѣтлой рѣчкой. Стѣва вытянулася небольшою гнейсовый острый гребень и красивой стѣнкой, постепенно понижаясь, врѣзался носомъ въ кусты заросли. Это „Тура“, давшая названіе всему описанному мѣсту. Прямо на югъ, задній фонъ веселой картины замыкаетъ характерная гряда лѣвыхъ („Гунтскихъ“) горъ. Здѣсь она наиболѣе типична: ровная, однообразная, съ небольшими пиками и мелкими зубьями на гребнѣ, съ короткими склонами, съ прямыми промоинами вмѣсто боковыхъ ущелій, которыя видны всѣ сразу сверху къ низу, и съ рядомъ небольшихъ ледяныхъ глетчеровъ въ ихъ вершинахъ.

Правыя горы Гунтской долины хотя въ общемъ и имѣютъ довольно близкое сходство съ лѣвыми—своей оголенностью, скалистостью и крутизною склоновъ, образующихъ самую долину, но отличаются существенно отъ первыхъ. Онѣ гораздо массивнѣе, выше, серьезнѣе. Тогда какъ Гунтская гряда вся на виду, какъ стѣнка, Аличурскія горы выставляютъ въ долину лишь свои передовые отроги и ихъ склоны. Хребетъ ихъ не видѣнъ, онъ лежитъ далеко, на значительной высотѣ, острый, извѣденный ледниковыми цирками. Самыя горы надрѣзаны глубокими боковыми ущельями, обыкновенно тѣсными, мрачными, малодоступными даже въ низовьяхъ, заваленными моренами, а выше занятыми крутыми ледниками. По этимъ ущельямъ въ Гунть справа вливаются серьезные притоки. До Сардыма главныхъ два—Кумышъ-джилка и Айранъ-су. Оба могутъ служить типомъ правыхъ ущелій.

Кумышъ-джилка (серебряное ущелье) впадаетъ въ Гунть шестью верстами ниже Туры, и поражаетъ своей дикостью: отвѣсныя каменные стѣны ущелья, словно ворота, ведутъ въ тѣнину, въ которой вскорѣ уже бѣгутъ снѣгами украшенныя вершины. У самаго „рта“, какъ выражаются киргизы, фантастическія скалы, пещера, какая-то мудреная трещина, каменный холмъ. Названіе свое ущелье получило отъ находящихся въ немъ копей серебряной руды. Среди жителей существуетъ довольно неопредѣленный разсказъ о томъ, что въ прежнее время здѣсь разрабатывалась жила „чистаго серебра“ толщиной въ руку. Копи составляли собственность жителей и давали хорошіе заработки. Когда провѣдали ханы о „чистомъ серебрѣ“, то стали тѣснить жителей и довели, наконецъ, дѣло до того, что послѣд-

нѣ бросили рудникъ и разбѣжались. Копи обвалились, ихъ засыпало снѣгомъ, и теперь никто не знаетъ этого мѣста. Ходитъ слухъ, что есть какіе-то два человѣка, которые знаютъ мѣсто рудника и которыхъ теперь старательно, но напрасно разыскиваютъ афганцы, заинтересованные серебрянымъ богатствомъ.

Переѣхавъ быстрый потокъ Кумынъ-джилки, дорога тотчасъ же поднимается на высокую террасу изъ древнихъ моренныхъ и галечныхъ отложений, вдающуюся мысомъ въ долину Гунта, пересѣкаетъ мысъ поперекъ и (черезъ 5 верстъ) приводитъ къ другому ущ. Айранъ-су, т.-е. „р. Сывороткѣ“.

Изъ темныхъ вертикальныхъ стѣнъ ущелья выносятся съ огромнымъ шумомъ сильный широкій потокъ. Окрашенный сѣтлой ледниковой мукой и взбитый въ пѣну на сильномъ уклонѣ каменистаго русла, ручей-каскадъ дѣйствительно является густымъ, молочнымъ. Впечатлѣніе усиливается еще отъ бѣлаго тона широкаго галечнаго русла, по которому несутся воды Айрана. Разбѣгаясь капризными бѣлыми рукавами и перепутываясь ниже съ кустами ивняка, онъ незамѣтно сливается съ широкимъ тугаемъ Гунта, который здѣсь тоже дробится на нѣсколько протоковъ.

Устье Айрана замѣчательно своими первыми ясными слѣдами бывшихъ здѣсь земледѣльческихъ поселеній: какъ по лѣвому берегу Айрана, такъ и ниже по обоимъ берегамъ Гунта существуютъ несомнѣнные остатки полей, оросительныхъ канавъ и развалинъ домовъ. Вѣроятно, это была предѣльная высота здѣсь полевой культуры, достигавшая 11<sup>1</sup>/<sub>2</sub> тыс. ф. надъ ур. моря. Отсюда же начинается и болѣе обстоятельная дорожка. Хотя она и путается по прежнему между камнями и тугаемъ, но идетъ уже ясной тропкой, безъ особенныхъ трудностей. Вскорѣ за Айранъ-су мы расположились на ночлегъ, послѣдній передъ Сардышомъ. Гунтъ попрежнему бѣжалъ галечнымъ русломъ, среди тугая. Сзади насъ надъ ущельемъ висѣли тучи, производя двойной эффектъ въ тонахъ пейзажа: внизу царилъ густая темнота и сѣялъ мелкій дождикъ; выше висѣла сѣрая дымка, изъ-за которой сквозили контуры зубчатыхъ гребней; еще выше неслась вьюга, пороша бѣлымъ налетомъ верхи горъ; тутъ было полусвѣтло, полупрозрачно, все сливалось въ неясные образы, тонуло и уходило въ туманную даль, точно вмѣстѣ съ облаками пыли и горы, точно облака, зацѣпившись за скалу, становились горой, а горы, обнятыя облаками, дѣлались легкими, прозрачными, тая, и расплывались и уносились, какъ быстрыя тучи.

А первый планъ съ нашей стоянкой весь горѣлъ на раде-

стномъ солнцѣ, каждымъ деревомъ, каждой вѣткой, каждой кампшинкой и травочкой, рисуясь на темномъ фонѣ фантастическаго ущелья. Однообразная, блѣдная и прозрачная зелень ивы пестрѣла многочисленными пятнами густой, оригинально кучной облѣпки. Последняя здѣсь была уже въ видѣ деревьевъ саженой до двухъ ростомъ и издали, на сильномъ солнцѣ, являлась то какъ густой широкій кустовой можжевельникъ, то какъ вѣтвистая, кудрявая сосенка.

Сардымъ былъ отъ насъ всего въ десяти верстахъ.

На завтра, чѣмъ свѣтъ, мой переводчикъ Атабай—лихой джигитъ и преданный мнѣ человекъ—долженъ былъ выѣхать впередъ, чтобы приготовить жителей къ моему приѣзду, назначенному въ 12 час. дня.

#### IV.

13-е августа—день вступленія въ населенный Шугнанъ; начало новыхъ сложныхъ отношеній, дипломатическихъ переговоровъ. Сегодня же конецъ сборовъ для моего походнаго гербарія, такъ какъ собираніе травъ и цвѣтовъ отождествляло бы мои занятія съ занятіями д-ра Регеля, сильно заподозрѣннаго афганцами и сильно неполюбившагося имъ.

Дорога сразу врѣзывается въ густой-густой тугай, разросшійся привольно на солонцеватой почвѣ. Попадъ въ эту силосную заросль ивы, краснаго лозняка, облѣпки, тополя, розы, жимолости, и волчьей ягоды, совершенно скрываешься въ ней. Глубокая, мягкая тропа, пробитая въ почвѣ, вьется мелкими изгибами между стѣнами непроглядныхъ и непролазныхъ кустовъ и деревьевъ. Ничего не видно, кромѣ множества скрещенныхъ вѣтокъ и листьевъ, образующихъ большую, большую, толстую стѣнку, внутри которой играютъ лучи солнца. Сперва ѣдешь и пробуешь бороться съ этой чащей, нагибаешься къ самой шеѣ лошади, отмахиваешься отъ вѣтокъ, загораживаешь лицо локтемъ. Но вскорѣ это надоѣдаетъ, слѣзаешь и ведешь лошадь въ поводу. И такъ хорошо, оригинально какъ-то среди этой чащи; любопытна эта растительная тѣснота, мягкая тропочка, густая трава, переплетъ вѣтокъ надъ головой. Идти легко, хотя и часто ныряешь подъ навѣсомъ тугая, то и дѣло ссоришься съ конемъ, останавливающимся, чтобы набрать полонъ ротъ сочной травы. По кустамъ слышится быстрый чокотъ дроздовъ, неожиданно срывающихся съ вѣтокъ. Изрѣдка мелькнетъ забавная головка зайченка, дрогнетъ

на моментъ, курьезно вглядываясь въ страшнаго челоуѣка, и пригнувъ уши, согнеть подъ густымъ кустомъ. Впереди идетъ трескъ и гомонъ. Это выючки, движеніе съ которыми по чащѣ очень хлопотливо. Въ сторонѣ крикъ и ругательства: якъ (наша „пѣшая говядина“) сошелъ съ травы, затесался въ самую трупобу и его ничѣмъ оттуда не могутъ выжить.

Кончился тугай, пошло голое мѣсто, огромный выносъ камня — такъ-называемый „горумъ“, переходъ по которому, прямо безъ дороги, цѣлая мука.

Наконецъ, вступивъ на древнюю морену, попадаешь снова на сносную тропу. Рѣка повернула вправо. Среди камней показился живой перебой безпокойнаго зова горнаго рябчика „кялика“ <sup>1)</sup>, и вдоль дороги быстро улепetyиваетъ выводокъ свѣренъкихъ птичекъ, гладенькихъ, кургузенъкихъ. Молодые уже въ полматки. Пробѣжали на хорошую дистанцію, забрались въ камни; мать вскочила на самый большой и, граціозно-заботливо вытянувши кверху полосатую шейку, пошла безостановочно причитать на всю округу: вотъ-какъ, вотъ-какъ, вотъ-какъ...

Впереди показалась челоуѣческая фигура. Это былъ посланный изъ Сардыма ко мнѣ на-встрѣчу.

„Почетную встрѣчу“ изображалъ русый горецъ, высокій, худощавый, мрачнаго вида оборванецъ, въ деревенскомъ суконномъ чапанѣ <sup>2)</sup>, въ истрепанныхъ до бахромы короткихъ штанахъ и босикомъ. Онъ нерѣшительно приблизился ко мнѣ, взглянулъ изподлобья, молча приложилъ ладони къ груди, поклонился по азіатски животомъ, и также нерѣшительно отошелъ къ камнямъ, гдѣ стояла его клячка. Пропустивъ меня, онъ забрался на высокій камень, сѣлъ съ него на сѣдло и поѣхалъ сзади, перебрасываясь словами съ моимъ Ахуномъ, горцемъ „гальча“ съ верхняго Зеравшана, во многомъ сходнымъ съ здѣшними, но уже считавшимъ себя столично-образованнымъ (бывать даже въ Ташкентѣ и имѣть золотую медаль!) по сравненію „съ дикимъ шуганцемъ“.

Съ пункта, гдѣ въ Гунтѣ впадаетъ р. Тукузъ-булакъ, долина значительно расширяется и направляется на западъ. Сліяніе рѣчекъ происходитъ подъ южными горами около красивой, отдѣльно стоящей каменной скалы, образующей какъ бы оторванный носъ той горной гряды, которая отдѣляетъ Гунтѣ отъ Тукула. Вокругъ этой сторожевой скалы лежитъ широкая галечная поляна, зарос-

<sup>1)</sup> Perdix Chukar.

<sup>2)</sup> Армякъ.

шая тугаемъ. Мѣсто это называется Саманъ-куль. Отсюда рѣка незамѣтно подается вправо и выходитъ на средину долины, куда съ обѣихъ сторонъ, и въ особенности съ правой, спускаются отъ предгорій склоны мощныхъ древнихъ моренныхъ отложений. Верстахъ въ двухъ къ западу отъ сторожевой скалы стоитъ другая, въ видѣ вытянутаго очень правильнаго холма—тоже остатокъ отъ бывшей здѣсь работы двухъ сливавшихся когда-то ледниковъ. Линія двухъ этихъ скалъ указываетъ линію бывшаго здѣсь ледо-раздѣла.

Въ позднѣйшее время ледниковыя отложенія послужили, какъ и близъ Айранъ-су, мѣстомъ расположенія полей. Но теперь здѣшнія населенія представляютъ ничтожный остатокъ отъ прежняго. Когда-то здѣсь стоялъ цѣлый городъ съ значительнымъ числомъ домовъ—6,660, имѣвшій особаго управителя. Этотъ-то городъ и назывался „Гунтъ“ („г“ выговар. съ придыханіемъ, какъ малорусское). Тогда всѣ моренные склоны были обработаны, разбиты на правильныя террасы, орошены каналами. Тутъ кипѣла жизнь. Остатки ея чувствуются всюду и теперь. Можно замѣтить ясные горизонты основныхъ каналовъ, многочисленныя площадки полей, снесенные въ груды съ нихъ крупные камни, остатки крѣпостцы, оригинальную караулку, помѣщенную на огромнѣйшемъ ледниковомъ монолитѣ, съ котораго далеко видно во всѣ стороны, множество развалинъ домовъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ, курьезнѣйшимъ образомъ, болѣе приспособлены къ большимъ мореннымъ камнямъ, какъ къ основнымъ стѣнкамъ. Конечно, весь городъ былъ изъ камня. Гранитный холмъ въ то время стоялъ въ центрѣ селеній и, безъ сомнѣнія, изображалъ изъ себя тоже наблюдательный постъ.

Послѣдній правитель „Гунта“ отличался самостоятельнымъ характеромъ и разбойнической смѣлостью. Онъ постоянно предпринималъ набѣги, грабилъ караваны, ссорился съ сосѣдней Шахдарой, которая имѣла своего бека. Наконецъ, предѣлъ былъ пройденъ, и Шугнанскій ханъ объявилъ „Гунту“ рѣшеніе: или полная покорность, или война. Кончилось войной. „Гунтъ“ былъ побитъ, разоренъ. Большинство жителей искало спасенія въ Коканѣ и Кашгарѣ. „Гунтъ“ превратился въ небольшое селеніе, которое съ каждымъ годомъ все уменьшалось. Преслѣдованія со стороны побѣдителей вели къ постепенному выселенію. Борьба эта продолжалась до самаго послѣдняго времени, и всего 1½ года назадъ, здѣсь еще было домовъ до 30, т.-е. жило душъ до 150—200. Въ настоящую же минуту весь поселокъ этихъ мѣстъ (уже называющійся Сардымъ) состоялъ изъ 6 домовъ, по три на

каждой сторонѣ долины, и въ нихъ врядъ ли было больше десятка мужиковъ. Последнее выселеніе отсюда жителей сдѣлано Юсуфъ-Али-ханомъ. За версту до праваго поселка меня встрѣтилъ Атабай съ хорошими вѣстами. Приняли его ласково. Главный заправило здѣшнихъ мѣстъ—Мирза, очень хорошій человекъ, и общается всякое содѣйствіе. Живетъ онъ на той сторонѣ.

Передъ поселкомъ стояло нѣсколько горцевъ во главѣ съ Мирзой.

— Какъ живете при новыхъ управителяхъ? — спросилъ я, отвѣчая на привѣтствія Мирзы. — Спокойно ли у васъ?

— Покуда еще спокойно, — отвѣтили мнѣ.

— Очень радъ за васъ: было бы спокойно да справедливо, — для мирныхъ жителей земледѣльцевъ это главное. Остальное пойдетъ само собою ладно.

— Надѣмся, что вашъ прїездъ принесетъ намъ счастье...

— Давай Богъ.

Угощеніе было выставлено. Оно было крайне бѣдно: квашеное молоко и мелкая брюква—вотъ все, что нашлось здѣсь для „до-стархана“, т.-е. обычнаго восточнаго угощенія. Впрочемъ, памирцы довольно искренне занялись брюквой...

День былъ прекрасный: тихій, солнечный, самый подходящій для веденія мирныхъ переговоровъ на открытомъ воздухѣ, въ виду походнаго самовара.

Въ основу своихъ сношеній съ Мирзой я поставилъ полную прямоту. Это имѣло за себя множество преимуществъ: во-первыхъ, подобныя сношенія несравненно легче всякихъ другихъ; во-вторыхъ, только при нихъ можно дѣйствовать твердо, не вызывая со стороны жителей никакихъ излишнихъ подозрѣній; въ-третьихъ, мнѣ не было ни малѣйшей надобности хитрить; наконецъ, своей прямотой я надѣялся сгладить неблагоприятное впечатлѣніе, внесенное сюда нашими первыми джигитами.

Мирза оказался дѣйствительно весьма симпатичнымъ и образованнымъ человекомъ. Съ первой же встрѣчи бросилось мнѣ въ глаза его выразительное, красивое лицо. Правильный паджикскій типъ сказывался и въ открытомъ лбѣ, и въ горбатомъ носѣ, и въ роскошной полусѣдой бородѣ. Но главная красота свѣтилась въ его большихъ черныхъ глазахъ. Словомъ, лицо меня не обмануло—Мирза былъ умица и очень добродушный человекъ. Вести съ нимъ дѣло было бы пріятно гдѣ угодно, а здѣсь, среди наивнѣйшаго горскаго населенія, онъ былъ просто находкой.

Лѣтъ 15—20 назадъ онъ жилъ въ Ковандѣ, познакомился съ тамошними обычаями и приемами и даже имѣлъ отсюда жену

сартянку. Тамъ же онъ научился довольно недурно владѣть турецкими наръчіемъ, что было особенно выгодно для меня въ предстоящей обстановѣ.

Я объявилъ Мирзѣ, что раньше предполагалъ-было не останавливаться здѣсь, а ѣхать дальше до селенія, въ которомъ найдется аксакалъ (староста); теперь же, встрѣтивъ въ его лицѣ мѣстнаго старшину, я очень радъ погостить у него, пока Атабай съѣздитъ въ Барпянжъ съ письмомъ и подарками къ беку и привезетъ мнѣ отвѣтъ. Мирза остался доволенъ такимъ рѣшеніемъ, и мы двинулись на ту сторону.

Я остановился по близости поселка Мирзы, на ровной площадкѣ, среди нѣсколькихъ бѣдныхъ кустовъ ивняка.

## V.

Мнѣ некогда было вглядываться въ мелочи: я торопился заготовить къ завтрашнему дню письмо къ беку.

Вотъ его содержаніе, изображенное Мирзой съ большимъ мастерствомъ по-таджикски:

„Почтенному правителю Шугнана.

„Я русскій горный инженеръ, занимающійся изслѣдованіемъ состава горъ, камней и различныхъ рудъ. Съ чисто ученой цѣлью въ нынѣшнемъ году я отправился изучать горы въ пустыняхъ Памира и въ странахъ, окружающихъ Памиръ. Послѣ долгаго путешествія по пустынямъ у меня не хватило хлѣба, и мои люди начали болѣть, почему я и рѣшилъ дойти поскорѣе до жилыхъ мѣстъ. Шугнанъ и Дарвазъ были ближе ко мнѣ, и я двинулся въ ихъ сторону, какъ къ добрымъ и дружественнымъ сосѣдямъ русскихъ. Дойдя до перваго шугнанскаго селенія, гдѣ нашелся аксакалъ, я остановился и посылаю къ вамъ съ этимъ письмомъ и подарками своего человѣка, который и объяснитъ вамъ всѣ мои просьбы.

„Прежде всего прошу васъ принять мое письмо и подарки съ дружественнымъ расположеніемъ. Затѣмъ прошу вашего согласія на то, чтобы мнѣ вступить въ ваши владѣнія. Я увѣренъ, что получу отъ васъ въ скоромъ времени благопріятный отвѣтъ. До тѣхъ поръ я не двинусь съ мѣста и не обращаюсь къ жителямъ ни зачѣмъ.

„Пишу коротко, не имѣя своего писаря. Все, что нужно, поручаю передать вамъ посланному. Онъ же отвѣтитъ вамъ и на всѣ ваши вопросы.

„Да получится вами это письмо въ счастливое время. Еще разъ завѣряю васъ, что мои намѣренія самыя мирныя и дружественныя, что вамъ и всей странѣ, управляемой вами, кромѣ хорошаго я ничего не желаю.—Мѣсяца августа 1883 г. Подписью своею и туземной печатью удостоверяю мои слова“.

Подарки я посылалъ обоимъ наличнымъ афганскимъ бекамъ, посылалъ по обычаю, для удостовѣренія моихъ дружескихъ намѣреній. Къ сожалѣнію, долженъ признаться, что подарки были очень бѣдные и импонировать ими можно было, лишь скрѣпя сердце и рассчитывая на ихъ „европейскій“ видъ, за которымъ, быть можетъ, хотя отчасти скрадывалась бѣдность. Нужно сказать, что на нашу экспедицію отпущены были весьма скудные средства, размѣръ которыхъ сильно беспокоилъ насъ даже въ смыслѣ обезпеченія продовольствія. Собственно на подарки мы не имѣли ничего, кромѣ очень скромныхъ личныхъ средствъ. Понятно, что какіе-нибудь 400-500 рублей, затраченныхъ нами въ Ташкентѣ на цѣлую груду подарковъ, были черезъ-чуръ ничтожны въ виду сношеній съ владѣтельными беками, несмотря даже на то, что къ концу экспедиціи мы остались безъ собственныхъ револьверовъ, безъ ружей и тому подобныхъ вещей.

Многіе серьезно возстаютъ противъ „подарковъ“, возстаютъ главнымъ образомъ потому, что изъ этого дѣла практика создала цѣлую спекуляцію. Туземецъ „мужикъ“ <sup>1)</sup> приучился къ незаслуженнымъ подачкамъ, въ попрошайству, затруднилъ такъ называемыми „подарками“ (силая) расчетъ съ нимъ за приобретаемое отъ него продовольствіе и проч. Мелкій туземный чиновникъ сдѣлался разореніемъ для путешественниковъ, ибо цѣна его ничтожнѣйшихъ услугъ (въ родѣ встрѣчи за версту до города и проч.) должна быть оплачена соответственно его чину. Традиціонное „восточное гостепріимство“ обратилось въ концѣ-концевъ въ „гостинный налогъ“ для жителей той страны, куда пожаловали гости. То же гостепріимство первобытно тычется вамъ въ носъ со стороны хозяина: „вотъ какъ тебя угостили, ты долженъ быть доволенъ“... Съ другой стороны, по всѣмъ слухамъ, командировка въ бухарскому амиру считается равносильной самой богатой денежной наградѣ, такъ что подобнаго „порученія“ дожидаются и добиваются какъ вѣрной „поправки“; это сдѣлалось такимъ привычнымъ, „естественнымъ“ явленіемъ, что оно превратилось уже

<sup>1)</sup> Наши туркестанцы очень любятъ слово „мужикъ“, означающее по-узбекски „бѣднаго“, „оборванца“, и употребляютъ его вообще въ смыслѣ „чистого, сѣраго народа“.

въ басню о дойной коровѣ, въ которой стоитъ только подвести теленка, чтобы она дозволила себя доить кому угодно...

Но ташкентское уличное „силау“ (на чайекъ, милостыню) не тождественно съ „тартыхъ“ (поклонный даръ) коренного туземнаго населенія. Обрядность у жителей Туркестана занимаетъ слишкомъ твердое и видное мѣсто, чтобы игнорировать ее и переводить всюду на простую базарную расплату. Богатый киргизъ не возьметъ пятирублевой бумажки за зарѣзанныхъ для гостя традиционныхъ барановъ, но съ великимъ удовольствіемъ напялитъ на себя пятирублевый шелковый халатъ. Приѣздъ почетнаго гостя къ беку сосредоточиваетъ на себѣ все вниманіе жителей со стороны того, каковъ будетъ приѣмъ, какими подарками обмѣняется гость съ хозяиномъ. И эти обряды ведутся всегда торжественно, у всѣхъ на виду и т. п. Отвергнуть такіа коренныя народныя традиціи довольно мудро, часто невозможно и во всякомъ случаѣ требуетъ времени. Полагаю, что вся суть въ подобныхъ дѣлахъ, какъ и во всѣхъ, всегда и всюду, заключается въ тактѣ, въ чувствѣ мѣры, въ условіяхъ мѣста и минуты.

Въ данномъ случаѣ на посылку „подарковъ“ афганскимъ бекамъ меня побуждало только соблюденіе внѣшности въ глазахъ народа. Я выставлалъ знамя мира, не имѣя возможности заботиться о томъ, было ли оно выткано изъ парчи или спито изъ полотна съ кумачнымъ краснымъ крестомъ посрединѣ. Гражданскому правителю я подносилъ часы съ красивенькой эмалью; военному начальнику презентовалъ свой охотничій скорострѣльный карабинъ съ 30 патронами; ихъ правителю канцеляріи или, вѣрнѣе, „бурмистру“ предназначался атласный халатъ.

Мирза написалъ еще письмо отъ себя съ сообщеніемъ о числѣ людей, лошадей и багажа, пришедшихъ со мною. Его письмо пошло въ ночь. На завтра выѣзжалъ Атабай съ моимъ проводникомъ Ходжа-Мамбетомъ.

Инструкція для Атабая была выяснена подробно. Я прошу или пропуска въ Дарвазъ (хотя бы въ сопровожденіи конвоя изъ афганцевъ), или провіанта и поѣдовъ. Во всемъ держаться деликатнаго и твердаго тона. Не врать ни въ чемъ и не болтать зря.

Атабай нарядился щегольски: въ новый суконный бешметъ, новые сапоги, топы (ермолка) и шляпу, да еще на всякій случай захватилъ съ собою шелковый казакинъ. На дорогу я далъ ему достаточно бухарскаго и русскаго банковаго серебра. Безъ всякаго оружія, съ одной нагайкой, выѣхалъ мой „посланникъ“, на легкѣ съ удалымъ видомъ. Ходжа-Мамбетъ, съ закатанной въ

торока подарочной винтовкой, ѣхалъ съ нимъ въ качествѣ проводника и почетной прислуги.

Я остался безъ переводчика, съ одними собственными скудными знаніями тюркского языка для обиденнаго разговора. Остался на высидахъ, ждать „погоды“ съ афганскаго берега... Это имѣло и свою хорошую сторону, такъ какъ давало возможность отдохнуть и лошадямъ, и людямъ, позволяло мнѣ привести въ надлежащій порядокъ массу навопившагося матеріала. Но въ смыслѣ новыхъ работъ и наблюдений я находился въ самомъ не выгодномъ положеніи. Собираніе этнографическихъ и историческихъ свѣдѣній находится въ прямой зависимости отъ медленности движенія путешественника и отъ его близости къ жизни населенія. Долгія остановки, тѣсныя сношенія съ жителями, постоянный обмѣнъ мыслей, разспросы въ простой бесѣдѣ и проч., даютъ и обширные матеріалы. Для меня же какъ-разъ все складывалось обратно. Сперва я быстро двигался по пустынѣ, занятый всецѣло географическимъ матеріаломъ. Теперь, имѣя сравнительный досугъ, я запутывался въ сложныя политическія обстоятельства, попадалъ какъ бы подъ арестъ, безъ языка и возможности приглядѣться къ мелочамъ народнаго быта.

Доступный для меня кругъ наблюдений былъ крайне малъ. Пагода, маленькое поле, святая могила, Мирза да толкучка горцевъ у моей палатки, то съ ненужнымъ мнѣ масломъ, то просто съ празднымъ выматриваньемъ чужого человека. Вотъ и все.

Пагода все время (съ половины августа) стояла хорошая, теплая, тихая, какъ-разъ подходящая къ близкой уборкѣ хлѣба. Облачныхъ дней не было, и солнышко припекало во всю силу. Само собою, что это здѣшнее „тепло“ было на нашу, памирскую, мѣрку. Если же я скажу, что въ самое жаркое время года, во время посѣванія хлѣбовъ, при полной ясности и тишинѣ, наибольшая температура дня (въ тѣни) равнялась только  $21^{\circ}\text{R}$ , что ночью она падала до  $8^{\circ}\text{R}$  и что средняя темпер. сутокъ была  $14^{\circ}\text{R}$ , то объясненіе Мирзы, что выѣшнее лѣто милостивое, и что не всякій годъ вырѣваетъ пшеница, покажется весьма правдоподобнымъ.

Замѣчательной казалась царствовавшая тишина: легкій вѣтерокъ былъ пріятнымъ исключеніемъ. А въ то же время на ближайшемъ Памирѣ—Наяшиль-кулѣ, напр.—набѣрное дулъ весьма рѣзкій S-й вѣтеръ. Значить, памирское теченіе было самостоятельное, верхнее, не связанное съ Гунтомъ, хотя отсюда и вели туда два глубокихъ ущелья. Это, впрочемъ, было понятно уже и

изъ того, что теперь ночью на Памирѣ были морозы въ нѣсколько градусовъ <sup>1)</sup>).

Полевое хозяйство Мирзы врядъ-ли захватывало болѣе двухъ-трехъ десятинъ. Но онъ былъ богатъ, владѣлъ гладкими полями, сѣялъ много пшеницы; уродилась она ровная, сильная, густая. Пшеница еще наливалась, но ячмень пополамъ съ горохомъ (это здѣсь обычай) жали. Поля орошаются изъ маленькихъ каналовъ. На огородѣ растетъ только одна брюква. Говорятъ, что пробовали будто бы сажать другіе овоцы—вышла неудача. Плодовыхъ деревьевъ здѣсь не знали. Ниже по Гунту появляется яблоня, а въ Барянахъ шелковица, и сѣютъ дыни.

Видѣлъ я и въ святому.

Могила ничѣмъ не отличается отъ общаго типа таджикскихъ мазаровъ. Ниренькая хатка съ плоской крышей смазана изъ камня. Деревянная дверь, нѣсколько жердей съ хвостами ябонь, множество роговъ дикяго воала, рядомъ небольшая глухая роща изъ горныхъ тополеи, подъ тѣнью которыхъ выбивается родникъ. Роща насаждена самымъ сподвижникомъ въ незапамятныя времена, котя, судя по толщинѣ стволовъ, она не должна быть особенно стара.

Изъ всѣхъ разнообразныхъ чудесъ, связанныхъ съ именемъ и могилой святого, наиболѣе интересно было неотразимое вліяніе мѣстныхъ условій на характеръ самыхъ легендъ. Горецъ, окруженный со всѣхъ сторонъ камнемъ, не могъ обойти его и въ своихъ вѣрованіяхъ. Великая сила святого человека заключалась, между прочимъ, и въ томъ, что онъ, поселившись адѣсь, среди однихъ камней, создалъ бахчи, на которыхъ сѣялъ камни, а родились разные овоцы и фрукты. Въ доказательство чуда на могилѣ были собраны разные правильно оватанные валуны и гальки, соответствовавшіе величиной и формой арбузу, дынѣ, рѣпѣ. По цвѣту они подходили къ плодамъ и для большей наглядности были старательно вымазаны масломъ. Тутъ же находилась и верблюжья ступня, тоже каменная и тоже масляная. Великому чудотворцу камни служили во всѣхъ видахъ...

Сардымъ на лѣв. берегу Гунта состоялъ весь изъ хутора Мирзы въ 2—3 хаты. Я занялся Мирзой. Но наши сношенія были порядкомъ ограничены по части языка: дѣло въ томъ, что и Мирза говорилъ по-тюркски далеко не такъ чисто, чтобы между нами не было частыхъ недоразумѣній и самыхъ смѣшныхъ quiproquo. Поэтому я рѣшилъ составлять лексику шугнанскаго

<sup>1)</sup> По показанію г. Путятъ они доходили до 14°C.

нарѣчія <sup>1)</sup>, причемъ для безошибочности долженъ былъ принять бывшій у меня немудрый таджикскій словарь. Это было длинно, тяжело, скучно... Мирза быстро изнемогалъ; потребовалось разнообразіе: я поилъ его чаемъ разъ пять въ день, угощать покоемъ, показывать ему картинки, разныя европейскія вещи, рассказывать про желѣзную дорогу, телеграфъ и другія диковины.

Времени на это уходило множество, а тутъ еще горецъ одолѣлъ съ разной дрянью, которую ко мнѣ ставили отовсюду: кусокъ поскони, шерстяные чулки, чашку молока, масла, пригоршню шелковицы, лукошко ежевики, старую шкуру козла, рѣну, полудохлаго барашка, чулки,—ну словомъ, открыли полный базаръ. Но денегъ они не понимаютъ и даже не интересуются ими: давай имъ „товаръ“ или соли, которую сюда привозятъ съ Памира (именно съ небольшого соленого озера на Аличурѣ). Сами они за солью ѣздить боятся и дожидаются, когда ее привезетъ киргизъ, а киргизъ явится только тогда, когда поспѣетъ хлѣбъ. Какъ-то разъ мои казаки попробовали открыть мѣшокъ съ солью (у насъ тоже была не купленная, памирская) и дать пригоршню одному горцу. Тотчасъ же налетѣла цѣлая стая, начала просить соли, какъ дѣти сахару; наконецъ, десятокъ самовольныхъ рузъ забрался въ мѣшокъ, сталъ хватать, суетиться, нагребать въ полн—едва отбили и спасли половину мѣшка. Соль нужно было спрятать и беречь, какъ драгоценность. Товару, т.-е. подарочныхъ вещей, у меня было очень немного, и я ихъ берегъ. А съ ними, какъ съ солью: далъ кому-то аршинъ ситцу, послѣ этого никто денегъ не беретъ совсѣмъ, тащутъ кучу вещей и кланяться „товару“, торчать по полудню въ дверяхъ моей палатки. Совсѣмъ превратили меня въ „савдагара“ (коробейника).

Во всемъ Шугнанѣ нѣтъ и никогда не было ни одного базара—ни постоянного ни временнаго; ни лавки, ни лабаза, ни ярмарки. Мирза объяснялъ коротко: базаръ развращаетъ людей, они дѣлаются корыстолюбивы, обманщики. Торговля внутренняя въ Шугнанѣ ведется крайне просто: нужно чего—и спрашиваютъ одинъ у другого, потомъ обмѣняють на что нибудь, а то въ долгъ возьмутъ. Народу немного, всѣ другъ друга знаютъ, другъ другу вѣрятъ—дѣло чистое.

Какъ бы то ни было, но бѣдность страны собственными промывденіями и безбазарье ставить ее всецѣло въ экономическую зависимость отъ богатыхъ сосѣдей—прежде всего, конечно, отъ бли-

<sup>1)</sup> О немъ я скажу нѣсколько словъ ниже.

жайшаго Бадахшана, а затѣмъ уже отъ Кашгара и Кокана. Не говоря уже о мануфактурныхъ товарахъ, шугнанецъ не всегда бываетъ обеспеченъ даже и хлѣбомъ и въ неурожайные годы получаетъ его изъ Бадахшана. Торговля, конечно, самая убогая, ведущаяся исключительно караванами, проходящими Шугнаномъ по пути въ Бадахшанъ или обратно. Кромѣ того, мелкій офеня на одной, много на парѣ лошадей, завозитъ свой полугнилой товаръ въ селенія, торгуя съ опромненнымъ барышнемъ въ обмѣнъ на сырѣ или скотину.

## VI.

Пока я безтолково коротать свое полунѣмое сидѣнье между лексикономъ и базарчикомъ, тѣмъ временемъ посоль мой подвигался къ столицѣ Шугнана. Долина Гунта ниже Сардыма едва ли дѣлаетъ значительныя отклоненія отъ общаго своего направленія на западъ. Канъ долина горнаго типа, она имѣетъ многочисленныя изгибы, но мелкіе, и представляетъ рядъ суженій и расширеній, гдѣ при устьяхъ боковыхъ ущелій и ютятся поселки, пользующіеся ихъ ручьями для полевого орошенія. Скалы часто надвигаются къ рѣкѣ и заставляютъ дорогу обходить ихъ, подниматься на небольшіе скалистые перевалы или перебираться на другую сторону рѣки. Въ общемъ дорога мало отличается отъ той, которую мы видѣли на Гунтѣ ранѣе: она все время камениста, тянется тропой, часто переходитъ по осыпямъ и галечнымъ выносамъ.

Селенія раскиданы довольно рѣдко, бѣдно, но по мѣрѣ приближенія къ р. Пянжу, они группируются въ нѣсколько значительныхъ по-здѣшнему кишлаковъ. Много мѣстностей видимо разоренныхъ, заброшенныхъ, часто селеніе имѣетъ видъ простаго хутора въ нѣсколько хатъ. Мелкія горныя мельницы встрѣчаются весьма часто. Мостовъ мало. Тамъ и тутъ растетъ нѣсколько яблонь. Попадаются тугай.

Дорога сперва идетъ лѣв. берегомъ Гунта, верстъ 16 совсѣмъ пустыремъ до с. Чарпанъ (30 домовъ). Отсюда, вдоль небольшихъ поселковъ до группы кишлаковъ на правомъ бер. рѣки, посадики общее названіе „Гунтъ“ (60 д.), переѣздъ въ бродъ черезъ три рукава рѣки. Вскорѣ (в. черезъ 3—4) дорога снова перебирается на лѣв. сторону уже черезъ мостъ подъ с. Ривакъ (30 д.), чтобы верстъ черезъ 20 новымъ мостомъ перейти опять на правую къ укр. Сучанъ. На этомъ переходѣ, примѣрно на

половинѣ, есть мостъ черезъ значительное лѣвое ущелье Кара-дара, оберегаемый тремя „обстрѣливающими башнями“ (топъ-ханѣ).

Отъ Сучака до Барпаяжа верстъ 30 съ небольшимъ. На этомъ разстояніи двѣ группы селеній—Сучанская (40 д.) и Чинская (35 д.), послѣдняя въ углу между прав. берегами Гунта и Паяжа. На половинѣ пути есть еще „топханы“ (Бузырь и Сазанъ-булакъ). Онѣ, какъ и первыя, суть остатки прежняго военного времени и теперь, только при исключительныхъ условіяхъ, служатъ сторожевыми вышками. Лѣвый берегъ между Сучаномъ и Шахдарой, повидимому, вовсе не населенъ и малодоступенъ.

Сосчитывая примѣрное число домовъ вдоль р. Гунта и полагая въ среднемъ довольно хорошую цифру въ 7—8 душъ на одинъ домъ, населеніе долины въ 200 домовъ получается въ  $1\frac{1}{2}$  тыс. душъ. Въ Барпаяжѣ съ близлежащими поселками можно положить ровно столько-же. Если руководиться среднимъ расчетомъ домовъ на одно селеніе, то для Шахдары будемъ имѣть менѣе тысячи душъ. Считая же съ излишкомъ, для всего Шугнана получимъ 13.000 челов.<sup>1)</sup>; для Романа 9000 челов.<sup>2)</sup>. Значитъ, набрасывая еще на простетъ отъ 3 до 8 тыс. душъ, въ Шугнано-романскихъ владѣніяхъ будетъ не болѣе 25—30.000 чел. Это число какъ разъ соотвѣтствуетъ населенію одного Нижнетагильскаго завода (29.000 чел.) въ Демидовской дачѣ, съ поверхностью которой мы сравнивали ранѣе пространство владѣній Шугнанскаго хана.

Въ этомъ состояло все „царство“ Юсуфъ-Али-хана, сверженнаго съ „престола“ одновременно съ вступленіемъ нашей экспедиціи на Памиръ.

По скольку можно было выяснитъ печальную исторію Юсуфа-Али, она заключалась въ слѣдующемъ.

Унаслѣдовавши послѣ отца Шугнанское ханство, Юсуфъ-Али сохранилъ и старинныя традиціи въ своихъ отношеніяхъ къ Бадахшану: соблюдая внѣшнее почтеніе и восточные комплименты, онъ старался держать себя самостоятельно; то кокетливо именовался „меньшимъ братомъ“ и посылалъ „подарки“, которыя въ Бадахшанѣ выдавались за „подать“, то совсѣмъ забывалъ о „старшемъ братѣ“, отговариваясь пустыми фразами, бѣдностью и т. п.

Смотря по настроенію политической биржи, находившейся въ

<sup>1)</sup> Гунтъ съ Барпаяжемъ 5000 душъ, Шахдара 4000, вдоль р. Паяжа до Романской границы въ 11 селеніяхъ 4000 душъ.

<sup>2)</sup> Полагая въ Романѣ на Мургабѣ 20 сел. по 200 чел.—4000 чел.; Калан-Вамаръ (столица)—1000 чел.; до бухарской границы 4000 чел.

рукахъ такихъ „медвѣдей“, какъ Кундузъ, Бухара, Боканъ и Кашгаръ, горская мелочь — „зайцы“ (Каратегинъ, Дарвазъ, Шугнанъ и Ваханъ) — пользовались своимъ трудно-доступнымъ и промежуточнымъ положеніемъ и играли съ переменнымъ успѣхомъ на повышение и пониженіе тѣхъ или другихъ фондовъ. Это была та запутанная интрига чисто восточнаго мусульманскаго типа, въ которой разобратся было крайне мудрено. Даже при открытыхъ военныхъ дѣйствіяхъ нельзя было вполне положиться на искренность обѣщаній. Коварство въ разныхъ видахъ — обманы, измѣны, заманиванія, засады и т. п. — изворачивались на всѣ манеры; то было недоразумѣніе, то непослушаніе жителей, слабость и проч. Словомъ, „зайцы играли“ въ мелкую, уловить ихъ было трудно, закупить еще труднѣе, ибо здѣсь дѣйствовала конкуренція, а въ то же время партизанское положеніе, занимаемое ими, имѣло весьма серьезную цѣну въ глазахъ крупныхъ бойцовъ, политика которыхъ держалась почти всегда той же почвы азіатской интриги: для нихъ пограничная мелочь являлась и „языкомъ“, и подмогой, и ширмой. Горскіе владѣтели понимали все это отлично, да и старинная практика не допускала сомнѣній.

Шугнанъ естественно тяготѣлъ болѣе всего къ ближайшему сосѣду, Бадахшану, какъ бѣдный къ богатому, какъ привратникъ у важныхъ воротъ Памира. Но эта же самая бѣдность и припадочное положеніе придавали Шугнану и самостоятельность. Привычный къ суровой замкнутой жизни, горскій народъ могъ долго при слухѣ обходиться своими средствами, а затворяя или отрывая восточный проходъ, онъ уже являлся силой.

Самъ Бадахшанъ повторялъ лишь въ большемъ масштабѣ ту же исторію по отношенію къ Кундузу и Бухарѣ (и даже къ Кашгару), замыкая то съ однимъ, то съ другою и подавая собою отличный примѣръ маленькимъ горнымъ провинціямъ <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Такъ въ 1852 г. сынъ афганскаго эмира Достъ-Магомета, Афзаль-ханъ (отецъ теперешняго Абдурахмана) воюетъ съ Бадахшаномъ и принуждаетъ владѣтели его Джандархана выплачивать контрибуцію деньгами и драгоценными камнями. Но стояло въ Афганистанѣ произойти по смерти Достъ-Магомета 1868 г. затрудненіямъ, и Бадахшанъ уже замыкается съ Бухарой, а затѣмъ пользуется междоусобицей (Афзаль-хана съ братомъ Ширъ-Али), чтобы не считать прежнія обязательства дѣйствительными. Возвративъ себѣ престолъ (1868 г.), Ширъ-Али посмѣляетъ посольство въ Бадахшанъ съ требованіемъ исполненія трактатовъ, но получаетъ отказъ Джандар-хана. Афганскій Эмиръ прибѣгаетъ къ интригѣ, входитъ въ сдѣлку съ племянникомъ Джандара Махмудомъ, который устраиваетъ дворцовую революцію и затѣмъ, при помощи афганскихъ войскъ, захватываетъ Файзабадъ, въ то же время какъ братъ его занимаетъ Чиабъ. Эта-то поддержка бунтовщиковъ и ставитъ ихъ въ зависимость отъ Афганистана.

И что послѣднія умѣли пользоваться своимъ положеніемъ, лучше всего доказываютъ недавнія событія. Припомнимъ, что Каратегинъ и Дарвазъ окончательно подчинились Бухарскому эмиру совсѣмъ недавно и исключительно благодаря вліянію Россіи. Припомнимъ, что уже въ началѣ 70-хъ годовъ свергнутый съ престола владѣтель Бадахшана, Джандаръ-ханъ, послѣ скитаній въ Бухарѣ, укрывается въ Шугнанѣ. Понятно, что новый бадахшанскій ханъ, захватившій правленіе (Махмутъ), не позволилъ бы этого ни подъ какимъ видомъ, еслибы Шугнанъ считался простой провинціей Бадахшана.

Самостоятельность Шугнана признавалась въ то время и англичанами, какъ это ясно видно изъ дипломатическихъ переговоровъ графа Гренвила съ княземъ Горчаковымъ въ 1872 г. и изъ объяснительной карты къ установленной въ январѣ 1873 г. границѣ Бадахшана и Вахана <sup>1)</sup>.

По смерти Ширъ-Али, съ появленіемъ въ афганскомъ туркестанѣ новаго кандидата на кабульскій престолъ Абдурахманъ-хана, Бадахшанъ первый призналъ его верховныя права, тогда какъ маленькій Шугнанъ видимо игнорировалъ восходъ новой звѣзды на политическомъ небосклонѣ Средней Азіи. Абдурахманъ, близко знакомый со всѣми подробностями мѣстныхъ условий и событий, говорятъ, тогда же подчеркнулъ поведеніе Юсуфа-Али. Безъ сомнѣнія, инструкціи, выданныя имъ Кундузскому губернатору (Мулла-джану), довольно ясно указывали на непокорнаго Юсуфа и рекомендовали строгое за нимъ наблюденіе.

Понималъ ли Юсуфъ-Али новое положеніе вещей, наступившее съ воцареніемъ Абдурахмана, — трудно сказать. Человѣкъ онъ, видимо, былъ недюжинный, умный, искусившійся въ политикѣ. Но въ то же время въ характерѣ его было двѣ черты, губившія его: заносчивость и алчность. Первая остывляла его въ дѣлахъ внѣшней политики, вторая подрывала его авторитетъ среди подданныхъ и лишала всякой внутренней опоры. Появленіе сперва въ пограничныхъ бухарскихъ бекствахъ, а затѣмъ и въ самомъ Шугнанѣ русскаго чиновника, какъ кажется, давало ему широкія надежды на поддержку Россіи и Бухары. Съ Регелемъ онъ обращался крайне любезно, истолковывая по своему невинныя ботаническія занятія доктора, казавшіяся ему лишь дипломатической прикрышкой тайныхъ политическихъ цѣлей. На его взглядъ гербаризированіе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ была вещь совершенно непонятная. Мѣстная наука была проще: дешевое „сѣно“

<sup>1)</sup> О Шугнанѣ тогда и не упоминалось даже.

заинтересовать ее не могло, она требовала болѣе осязательныхъ и „дорогихъ“ результатовъ.

Алчность Юсуфа-Али всюду изыскивала средства наживы. Собирали ли онъ ежегодный оброкъ въ пользу „казны“, разбирали ли судебное дѣло, взыскивали ли натуральную повинность, — всегда чаще всѣхъ показывала чувствительный „походъ“ въ сторону хана; объявляли ли онъ виѣсный налогъ на уплату вассальной подати, подарковъ, — всякій разъ народъ узнавалъ, что добрая доля оставалась въ рукахъ хана и продавалась имъ въ свою пользу; взыскивали ли онъ экстренные расходы въ родѣ „русской подати“ (по случаю пріѣзда Регеля), — опять народъ легко видѣлъ, что это былъ только новый предлогъ для тяжелаго обложенія. Подозрительность горскаго населенія увеличивалась еще разностью религіозныхъ толковъ. Юсуфъ-Али, какъ магометанинъ, смотрѣлъ на шіитовъ не иначе какъ на еретиковъ, какъ на людей безправныхъ, заслуживающихъ наказанія за упрство. Это обостряло отношенія, преувеличивало многое, вызывало раздраженіе съ обѣихъ сторонъ. Съ давнихъ поръ среди сунитовъ шіитъ трактовался невѣрнымъ и обращался въ раба. Въ число контрибуціи, податей и подарковъ, посылавшихся младшими старшими, непременно входили рабы и рабыни, сдѣлавшіеся даже единицей цѣны при назначеніи куша. Ихъ можно было замѣнить определенной суммой денегъ, лошадей, скота и т. п. Наборъ рабовъ и рабынь обыкновенно совершался внутри страны изъ опальныхъ, навлекшихъ на себя гнѣвъ хана. Этими рабами онъ при случаѣ откупался отъ сильныхъ сосѣдей — преимущественно афганцевъ, иногда же продавалъ ихъ на базарахъ въ свою пользу. До чего дошла алчность Юсуфа-Али, показываетъ слѣдующій разговоръ жителей: ханъ раздавалъ всю свою скотину по разнымъ рукамъ на провормъ и чрезъ извѣстный промежутокъ времени требовалъ ея возврата не только въ цѣлости, но еще съ опредѣленнымъ приплодомъ; такимъ образомъ, скотъ хана являлся какъ бы бессмертнымъ и плодился чуть ли не по той ариметикѣ, которая предлагается иногда дѣтямъ въ видѣ курьеза для практики въ умноженіи, съ поразительнымъ результатомъ, получающимся отъ начальной единицы производительницы. Такая система въ особенности явилась разорительной при нѣсколькихъ надеждахъ на скотъ...

И когда настали трудные дни для Юсуфа-Али, онъ остался одинъ. Народъ не дрогнулъ, отдавая своего хана, и отнесся къ его исторіи на половину безучастно, на половину даже съ злорадствомъ. Ханъ воистину пожиналъ то, что посѣялъ.

Самый фактъ рассказывался такимъ образомъ.

Бадахшанскій миръ <sup>1)</sup> получилъ приказаніе вызвать ваханскаго и шугнанскаго правителей въ Файзабадъ. Юсуфъ-Али понялъ свой конецъ и сталъ отказываться. Повторилась старая система чисто азіатскаго пошиба: дѣйствовать прямо афганцы боялись и прибѣгли къ интригѣ. Они окружили Юсуфа тайнымъ надзоромъ и повели длинные дипломатическіе переговоры. Ханъ затѣялъ-было бѣжать въ Россію и, говоря, даже отправилъ свою семью въ Решанъ, но его отговорили подвергать себя такому риску. Главнымъ дѣятелемъ этой исторіи явился Парихать или Парихина—вліятельный въ Шугнанѣ ишанъ (протопопъ), съ которымъ афганцы вступили въ секретныя сношенія, воспользовавшись тѣмъ, что Ишанъ былъ когда-то обиженъ Юсуфомъ-Али. Ишанъ, получившій богатые обѣщанія отъ афганцевъ, успѣлъ образовать вокругъ себя вліятельную партію и съ помощью ея убѣдиль хана, что ему ничего не остается, какъ только ѣхать въ Бадахшанъ, и что вызывается онъ туда для простыхъ дѣловыхъ переговоровъ, послѣ которыхъ онъ снова возвратится въ Шугнанъ. Юсуфъ-Али поѣхалъ <sup>2)</sup>.

На первомъ же приѣмѣ политика дала себя знать. Сравнительно съ ваханскимъ правителемъ Али-Мурданомъ шугнанскій ханъ былъ наглядно униженъ. Гордый Юсуфъ-Али не растерялся, и варианты о его представленіи составили наиболѣе интересную страницу въ вустныхъ разсказахъ объ этомъ событіи.

Ханъ подошелъ къ Бадахшанскому миру и, снявъ съ себя свою золотую панку и пышную кисейную салля, положилъ ихъ передъ нимъ на коверъ.

— Я весь въ твоихъ рукахъ и готовъ на все, — произнесъ онъ, играя цвѣтами персидскаго краснорѣчія: если ты хочешь убить меня—вотъ моя сабля, убей меня ею. Вотъ моя салля—похорони меня въ ней какъ истиннаго мусульманина и природнаго хана.

Но для афганцевъ дѣло было не въ этой напыщенности. Главнаго результата они достигли—Юсуфъ-Али былъ въ ихъ рукахъ, остальное было дѣло времени и шпионства. Юсуфа они задержали, предъявивъ ему рядъ вопросовъ, требовавшихъ разъясненія: 1) когда-то въ его владѣніяхъ были убиты три или четыре афганца; 2) онъ не оказалъ должнаго почта Абдурахману; 3) уклонился отъ уплаты вассальной подати; 4) обращался жестоко и несправедливо съ населеніемъ; 5) держалъ у себя русскаго доктора и явно пред-

<sup>1)</sup> Миръ—сокращенное Омиръ.

<sup>2)</sup> По народнымъ свидѣніямъ отъѣздъ совпадаетъ съ 1-мъ іюня 1881 г.

почиталъ его афганскому агенту; 6) позволить доктору посѣтить бадахшанскія рубиновыя копи <sup>1)</sup>).

Юсуфъ-Али съ испытанной азіатской ловкостью парировать всѣ эти въ сущности ничтожныя обвиненія. Но та же опытность подсказывала ему, что участь его рѣшена, и онъ не выдержалъ: послать тайное письмо въ сыну Кувать-хану, убѣждая его забрать всѣ ханскія сокровища, семейство и бѣжать въ русскіе.

Письмо перехватили.

Положеніе дѣлъ въ Файзабадѣ не могло быть тайно для Кувать-хана и ранѣе. По первымъ же слухамъ изъ Бадахшана о приѣмѣ отца онъ рѣшилъ бѣжать сперва въ Дарвазъ, а потомъ на Памиръ, и дошелъ до Аличурскаго Яшилъ-куля. Афганцы, узнавъ объ этомъ, хитростью веротили его, обѣщая назначить его наслѣдникомъ отца, если онъ вернется. Кувать-ханъ поддался коварному соблазну и попалъ подъ арестъ.

Тогда Юсуфу-Али предъявили перехваченное письмо. Теперь уже обвиненія были не голословны, а основывались на неопровержимомъ документѣ. Онъ уговаривалъ сына передаться русскимъ, вывести туда всѣ сокровища! Значить, не даромъ онъ велъ дружбу съ русскимъ докторомъ. Онъ замышлялъ измѣну...

Юсуфъ-Али-хана объявили формальнымъ арестантомъ и заковали въ цѣпи.

Временно управленіе дѣлами Шугнана осталось въ рукахъ правителя Шахдари (Миръ-хасана), назначеніе котораго ханомъ и ожидалось было жителями послѣ того, какъ взяли Кувать-хана. Но вскорѣ въ Баряннѣ прибыли афганцы, и управленіе перешло въ ихъ руки.

## VII.

Судьба здѣшняго города, его исторія—вещи для насъ совершенно темныя. Онѣ скорѣе угадываются, чувствуются, чѣмъ основываются на какихъ-нибудь опредѣленныхъ данныхъ, приуроченныхъ къ историческимъ показаніямъ. Волны исторіи катились

<sup>1)</sup> Исторія этихъ копей заключается въ слѣдующемъ. Прежде онѣ всецѣло принадлежали Шугнану и славились своими камнями (кажется, рубиновая шпинель) на весь міръ. Естественно, что онѣ же представляли и соблазнъ для сосѣдей, старавшихся завладѣть ихъ въ свои руки... Лучшими подарками хана были его рубины. Они же сдѣлались впоследствии предметомъ контрибуціи. Податѣе давленіе Бадахшана выразилось въ сборѣ извѣстнаго процента съ добычи копей, такъ что шугнанскому хану предоставлялось лишь наживать на копѣ своихъ рабочихъ. Наконецъ, копѣ отошли всецѣло къ Бадахшану, хотя кажется уже въ то время, когда были окончательно истощены хищническими приѣмами разработки.

не здѣсь, на самой границѣ исполинской выси, а ниже — въ Балхѣ и Кундузѣ, въ Кашгарѣ и Хотанѣ, въ Самаркандѣ и Ферганѣ, по ту сторону Гиндукуша... Тамъ, среди богатства природы и населенія, разыгрывались шумныя событія, которыя такъ или иначе могли попасть въ лѣтописи китайскихъ, греческихъ или арабскихъ историковъ. Къ Памиру волна добѣгала позже, вскидывалась около неприютной выси, обдавала голый гранитъ своими брызгами, что-то смывала, что-то уносила, — но на это никто не обращалъ вниманія, какъ на тотъ бурунъ, который бьется объ отвѣсную скалу дикаго, нигѣмъ не посѣщаемого берега. Прибой этотъ знаетъ только та мелкая птица, та чайка, что гнѣздится по трещинамъ скалъ. Корабли далеко проходятъ мимо, сгнѣна къ богатымъ пристанямъ благодатныхъ береговъ и рѣдко взглядывая въ смутную даль, гдѣ стоятъ нехорошія скалы. Какое имъ дѣло до этой мелкой жизни, загнанной на выступы камня, въ разсѣлину горы? Они знаютъ, что и туда проберется охотникъ и промышленникъ, выберетъ изъ гнѣздъ что нужно, добудетъ пугливую птицу и принесетъ свою добычу къ нимъ же на шумные базары; они оцѣнятъ, узнаютъ, что это „надалека“, „со скалистыхъ береговъ“, купятъ задешево и пустятъ въ оборотъ заведеннымъ порядкомъ... Кому же придетъ въ голову изучать ту малую, бѣдную жизнь, которая складывается „исторію“ чайки? Кому интересенъ переполохъ, борьба, крики, драмы и новыя заботы, внесенныя въ это убогое царство людей появленіемъ хищнаго человѣка? Такой рассказъ можетъ только заинтриговать кого-нибудь въ частной бесѣдѣ, въ минуту досуга курьезами охотничьихъ походовъ и богатыми результатами мелкой добычи.

Несмотря на то, малая жизнь идетъ, дышетъ, бьется и, какъ она ни мала, дѣлаетъ „исторію“. Она сгубила не одного смѣльчака промышленника, сбросивъ его со скалы, засыпавъ обваломъ, утопивши въ пучинѣ, обойдя лѣнивымъ... Она не оставила и живыхъ: наложилъ на нихъ свою печать — увела отъ мирнаго очага, одичала, заставила многое забыть и усвоить новое, заставила, наконецъ, полюбить эту новую жизнь...

Какія бури и грозы, какіе потоки крови утнали сюда, въ тѣсныя ущелья припамирскихъ странъ, то населеніе, которое мы встрѣчаемъ здѣсь въ настоящее время? Ничего мы не знаемъ. Но взглядываясь въ этихъ людей, знакомясь съ ихъ мировоззрѣніемъ, характеромъ, бытомъ, съ ихъ культурой, мы встрѣчаемъ такъ много своеобразнаго, глубоко-любопытнаго, наконецъ, симпатичнаго, — что мелкая „чайка“ невольно пріобрѣтаетъ въ нашихъ глазахъ другую цѣну, совсѣмъ новое освященіе.

Уже одно то, что припамирскій горецъ таджикъ, ариецъ, останавливаетъ на себѣ вниманіе. Въ Средней Азіи таджиковъ много, но такихъ, какъ шугнанецъ, очень мало. Знакомые намъ туркестанскіе таджики такъ давно ассимилировались съ другими народностями, приняли столько общихъ характерныхъ чертъ культурной мусульманской полосы, что мы не всегда можемъ видѣть ихъ изъ общей массы, изъ того общаго, хорошо намъ знакомаго типа, который я условно называю „туркестанскимъ“. Туркестанецъ поглощаетъ въ себѣ одинаковаго и таджика, и узбека, и персіянина, и киргиза. Въ центрахъ культурныхъ оазисовъ Туркестана мы имѣемъ крайне однообразный, средній типъ населенія. Здѣсь все сливается, индифицируется, теряетъ свои индивидуальныя черты, затираетъ народности, языкъ и вырабатываетъ ту среднюю господствующую величину, которая называется „сартъ“. Каково историческое происхожденіе этого слова, каково его филологическое значеніе—для насъ не важно. Бытовой современный смыслъ его очень опредѣленный: это именно тотъ средній типъ туркестанца—торговца, промышленника и земледѣльца, котораго мы видимъ въ Бухарѣ, въ Балхѣ, въ Ташкентѣ, въ Маргеланѣ, въ Капгарѣ и т. д. и который даетъ всему свой тонъ, является заправилой мѣстной жизни. Безспорно, что на сторонѣ таджика вся сила славной исторіи Туркестана, который культивированъ и спасенъ, только благодаря ему, мирному земледѣльцу, садоводу и промышленнику. Безспорно, что и теперь въ Туркестанѣ мы встрѣтимъ такіе районы, въ которыхъ будетъ преобладать таджикъ или узбекъ; мы разглядимъ ихъ отличительныя свойства, подмѣтимъ ту или другую особенность. Но, отойдя отъ нихъ, мы все-таки унесемъ въ своемъ представленіи ихъ общій портретъ; такъ много уже встрѣтится въ нихъ нераздѣльнаго, сходнаго, такая тяжелая печать наложена на нихъ однообразиемъ мусульманства и другихъ жизненныхъ условий.

Не таковъ горецъ. Если мы, принявъ центромъ Памиръ, очертимъ нѣсколько концентрическихъ окружностей, то довольно легко представимъ себѣ приблизительную этнографическую схему Туркестана. Первый центральный кругъ придется на пустынное степное плато Памира <sup>1)</sup>. Слѣдующее очень тѣсное кольцо займетъ нѣмнѣ таджикъ горецъ <sup>2)</sup>. Далѣе, широкое и самое богатое

<sup>1)</sup> Оно занято очень бѣднымъ кочевникомъ киргизомъ, котораго врядъ ли хватитъ по 2 человека на 1 кв. г. милью поверхности.

<sup>2)</sup> Едва ли нужно оговариваться, что приведенная схема во многихъ подробностяхъ не удовлетворитъ той простотѣ, въ которой я беру ее. Такъ кольцо горцевъ окажется во многихъ мѣстахъ прорваннымъ и т. п.

пространство будетъ занято „туркестанцемъ“ или сартомъ. Внутренняя часть этого пространства будетъ густо закрашена таджикской краской, но по мѣрѣ приближенія къ внѣшней окружности, сила ея будетъ постепенно ослабѣвать, пока не сольется съ другимъ широкимъ тономъ огромнаго внѣшняго кольца монгольскихъ народностей—киргизовъ, казѣковъ, туркменовъ и т. п. создающихъ царство кочевья <sup>1)</sup>).

Такимъ образомъ, таджикъ горецъ является какъ бы припертымъ къ Памирской выси, загнаннымъ до предѣла, ибо за его бѣдѣйшими поселеніями уже „нѣтъ ничего“—одна „крыша міра“. Понятно, что добровольно уйти туда: едвали бы онъ рѣшился. Онъ уступилъ какой-то силѣ, какой-то злой судьбѣ, сладить съ которой силъ не хватало, покориться—душа не вытерпѣла. Соблюдая эту душу, завѣты отцовъ, все, что принесено имъ, быть можетъ, изъ далекой свободной страны, горецъ и забрался сюда, въ непривѣтныя, дикія горы, которыми своей труднодоступностью обезпечивали ему дорогую для него свободу совѣсти, сохраненіе его бытового строя. Сюда принесъ онъ свою религію (шиитскій толкъ), сюда привелъ незаутанную женщину, здѣсь сталъ пѣть свои душевные пѣсни, продолжалъ говорить на своеобразномъ нарѣчій.

Другіе его братья таджики, оставшіеся въ богатыхъ долинахъ, поступились прежде всего своей религіей и перешли въ лагерь правовѣрныхъ магометанъ (суни). Этотъ переходъ сейчасъ же потребовалъ отъ нихъ созданія гарема, затворничества женщины, измѣненія всего строя семейной жизни. Онъ же подчинилъ ихъ однообразной регламентации шаріата во многихъ другихъ отношеніяхъ. Мало-по-малу таджикъ сталъ вводить въ свой лексиконъ чуждыя ему слова, усваивать чуждые обычаи, культуру... Если мы прослѣдимъ таджика отъ центра къ периферіи, отъ границы Памира чрезъ Дарвазъ, Каратегинъ до Бухары,—для насъ съ необыкновенной наглядностью представится постепенность этнографическаго перехода.

Въ Шутганѣ мы встрѣтимъ наиболѣе сохранившагося представителя расы. Правда, онъ достаточно дикъ и наивенъ сравнительно съ жителемъ долины, но въ этомъ „динаръ“ живетъ очень много своего, стародавняго, чистаго. Онъ хранитъ съ неподдѣльной ревностью эту чистоту, эту самобытность и не хочетъ поступиться ничѣмъ. Проходя Дарвазомъ, мы почти не замѣтимъ пере-

<sup>1)</sup> Понятно, что схема эта не распространяется за Гиндукумъ, гдѣ этнографическія условія уже иного рода.

хода, хотя здѣсь горюетъ таджикъ уже сунѣ, о чемъ свидѣлствуютъ его многочисленныя мечети. Но весь складъ жизни и мировоззрѣнія остаются тѣ же. Мусульманство, закрывающее женщину отъ посторонняго глаза, достигло въ этомъ отношеніи здѣсь только одного: женщина набрасываетъ себѣ на лицо бѣлый или шелковый вуаль, когда она ѣдетъ дорогой, слѣдуя чужими мѣстами. Но у себя дома, въ своемъ селеніи и городѣ она не знаетъ завѣсовъ<sup>1)</sup>. Въ Каратегинѣ мечети являются въ подавляющемъ числѣ. Но эти же мечети отводятся проживающимъ гостямъ (напр., русскимъ) подъ построй, какъ лучшія и свободныя помѣщенія. Таджикъ здѣсь преобладаетъ и совершенно давитъ рѣдкаго киргиза, который исчезаетъ въ арійской расѣ. Многое еще напоминаетъ Дарвазъ, однако, уже чувствуется всюду вліяніе запада, вліяніе „туркестанскаго“ режима. Съ движеніемъ къ этому западу въ жизни таджика все болѣе и болѣе сказывается сартъ. Въ его пріемахъ, обычаяхъ, обстановкѣ и проч. мы уже не встрѣтимъ ничего для насъ, знакомыхъ съ Туркестаномъ, новаго особеннаго, оригинальнаго.

Портретъ коренного горца рѣзко измѣняется, смотря потому, возьмемъ ли мы молодого или вполне возмужалата человѣка. Молодое лицо, съ первыми зачатками бороды, смотритъ правильно, вроткимъ, открытымъ, смѣлымъ и довѣрчивымъ. Этому въ особенности помогаетъ преобладающій темно-русый цвѣтъ волосъ. Лишь нѣсколько глубоко поставленныхъ глаза подъ сильной бровью да часто низковатый лобъ производятъ впечатлѣніе нѣкоторой дичливости. Когда же мужчина вполне обростетъ бородой, волосатость совершенно измѣняетъ выраженіе лица. Густыя нависшія брови дѣлаютъ взглядъ изъ подлобья. Сильно опущенныя рѣсницами глаза, поставленные въ глубокихъ орбитахъ, кажутся совсѣмъ черными, сурово сверкающими изъ-подъ навѣсовъ сердитыхъ бровей. Густая борода захватываетъ почти всѣ щеки, доходя до скулы, а на подбородкѣ, упираясь въ самую нижнюю губу. Что-то черезчуръ строгое, непривѣтливое, дикое, даже звѣрское или разбойничье кажется въ этомъ лицѣ съ перваго взгляда. Прибавимъ къ этому темный цвѣтъ загара, крупныя, глубокія морщины, рваное, заплатанное суконное платье, отсутствіе какихъ-либо искусственныхъ яркихъ красокъ въ одеждѣ, самодѣльныя чупаки, сильное сложеніе, увѣренную, нѣсколько тяжеловатую походку и грубую-

<sup>1)</sup> Извѣстно, что въ центральномъ, сартовскомъ Туркестанѣ женщина обязана появляться на улицѣ непременно чучелой въ безобразномъ халатѣ, надѣтомъ на голову (паранджѣ) и въ черной сѣткѣ на лицѣ (чиннамѣ).

грубую рабочую руку,—и передъ нами представится истинный припамирскій горецъ, вполне отвѣчающій дикимъ, суровымъ и бѣднымъ горамъ, среди которыхъ онъ поселился.

Но не поддавайтесь первому впечатлѣнію, не избѣгайте близости съ этимъ дикаремъ и вглядитесь пристальнѣе, тоньше въ его непривѣтливые глаза, въ его приемы, въ игру лица, прислушайтесь къ его голосу и рѣчи. Мирный пастухъ и земледѣлецъ, мирный хозяинъ хаты, добродушный житель, наивное дитя горъ, станетъ проявляться передъ вами. Крайне легко подмѣтитъ въ немъ все его основныя черты характера, свойственныя смѣлому, выносливому и трудолюбивому горцу и преслѣдуемому, разоренному еретіку.

Было бы излишне, конечно, распространяться о томъ значеніи, какое оказываютъ высокія горы на весь складъ человѣческой жизни, пріотивишійся среди нихъ. Это слишкомъ общеизвѣстно, такъ же какъ и значеніе моря, значеніе степи, обширнаго плато съ мирными долинами. Могучія горы, и въ ихъ пейзажѣ, и во всехъ основныхъ свойствахъ ихъ „горной“ природы, представляютъ цѣльный типъ, наложили свою „горную“ печать и на ихъ коренного обитателя. И въ Альпахъ, и на Кавказѣ, и на склонахъ далекаго Памира мы встрѣтимся съ тѣмъ интереснымъ общимъ впечатломъ того оригинальнаго типа, который такъ характерно опредѣляется словомъ „горецъ“. Смѣлый, выносливый, незнающій роскоши, страстно привязанный къ своимъ горамъ охотникъ, суевѣрный обожатель грандіозной природы высокихъ горъ, искренній поэтъ,—горецъ прежде всего дышетъ независимостью, увѣренностью въ самомъ себѣ; онъ черезъ-чуръ ревнивъ ко всему своему, родному, нажитому въ уединенныхъ, дикихъ, но прелестныхъ и дорогихъ горахъ... Но не надо забывать, что мы говоримъ о горцѣ таджикѣ, принесемъ къ Памиру прочную культуру земледѣльца, что кореннымъ образомъ отличаетъ его отъ горнаго киргиза кочевника. Основную черту натуры горскаго таджика составляетъ необыкновенная любовь къ осѣлости, къ землѣ, къ хозяйству, къ семьѣ. Добрый семьянинъ, мирный пастухъ и земледѣлецъ, онъ въ своихъ мелкихъ горныхъ гнѣздахъ является невольнымъ хранителемъ патріархальныхъ традицій и обычаевъ. То и другое выработало въ немъ крайнюю простоту жизни, тѣ идилическія черты, которыя не разъ увлекающіеся поэты силились облечь въ идеальныя краски полной непорочности сердца, чудной природной наивности „пастушковъ и пастушекъ“, противопоставлявшихъ тонкимъ пикантностямъ извращенной цивилизаціи. Безспорно, что сантиментальные поэты пастушеской иди-

ли крѣпко зажмуривались передъ дѣйствительностью, рисуя нѣжныя ручки пастушковъ и чесаную волну ихъ овечьихъ,—но простота, невычурность жизни были ими почувствованы во всей силѣ, точно такъ же какъ и истинно поэтическая черта въ характерѣ природнаго горца.

Къ сожалѣнію, жизнь нашихъ припамирскихъ „пастушковъ“ текла не въ тѣхъ счастливыхъ берегахъ, въ которыхъ она проносила въ фантастическихъ поэмахъ чувствительныхъ поэтовъ. Таджикъ вынесъ громадную тяжесть всевозможныхъ притѣсненій, разоренья и несправедливостей. Чтобы среди бурнаго азіатскаго океана дикихъ народностей уберечь себя и свои горныя гнѣзда, онъ долженъ былъ выдержать страшную, кровавую вѣковую борьбу съ сильными врагами, пойти на множество компромиссовъ съ тысячами угнетателей. Въ немъ развилось непримиримое озлобленіе къ притѣснителямъ, онъ еще крѣпче сплотился съ своими одноплеменниками въ отстаиваніи своей свободы. Но война, кровь и злоба, какъ всегда, дали свои неизбѣжные результаты, въ видѣ той недоброй черты, которую для краткости можно назвать политической низостью. Горецъ замкнулся въ своихъ горахъ, какъ въ осажденной крѣпости, и весь остальной міръ для него превратился въ злого врага, борьба съ которымъ допускаетъ всѣ средства.

Благодаря этому новому отпечатку, у таджика явилось какъ бы два лица, подобно актеру — на сценѣ и дома. Но гримировка горца, къ несчастію, не смывается съ такой же простотой и легкостью, какъ актерскія краски. Это историческое клеймо, недобрыя капли, всосавшіяся уже въ кровь. Поэтому-то, набрасывая общій портретъ нашего горца, мы не можемъ не отмѣтить и тѣ черты, которыя составляютъ второе, нехорошее, хитрое его обличье. Оно всецѣло проявляется, когда поворочено къ „чужимъ“, къ „врагамъ“, которыхъ нужно провести, во чтобы то ни стало, какими угодно средствами. Другое лицо—типичное, мирное лицо коренного, добродушнаго горца, когда онъ ведетъ дѣло съ „своими“, съ „забѣдными друзьями“. Вотъ почему въ общемъ портретѣ насъ поразятъ такіа, повидимому, непримиримыя вещи, какъ гордая смѣлость, любовь къ независимости, способность на честный открытый бой за свою горную свободу, — и въ то же время замѣчательную приниженность и рабскую лѣсть; восторженность природнаго поэта, уживающаяся рядомъ съ явной ложью и предательствомъ; пастушья незатѣйливость и простота рядомъ съ негоднымъ попрошайствомъ и бахвальствомъ; мирный взглядъ трудолюбивѣйшаго пахаря, способнаго однако и на самую заклятую ненависть.

Если и возможно сравнительно легко разобраться въ такомъ оригинальномъ смѣшеніи душевныхъ свойствъ горца, то лишь исключительно потому, что всѣ эти черты окрашены однимъ тономъ дичи и наивности. Передъ нами дѣти, съ глубокими задатками добрыхъ природныхъ инстинктовъ и здоровой культурной наслѣдственности, но въ то же время съ наложенной на нихъ печатью испорченности, свойственной невѣждѣ, рабѣ и сектанту вмѣстѣ.

Къ чести горца нужно добавить, что положительныя качества въ общемъ преобладаютъ въ значительной степени надъ отрицательными.

Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что горецъ спасенъ прежде всего своей любовью къ землѣ, къ пашиѣ и семейственности. Образцовое трудолюбіе таджика-земледѣльца было отмѣчено давно; оно поразило и Миддендорфа во время его путешествія по Фергану, заставивъ почтеннаго ученаго посвятить немало страницъ („Очерки Ферг. Долины“ 1882) этому отличительному свойству „туркестанскаго горца“. Но едвали не высшій предѣлъ земледѣльческаго труда затрачивается таджикомъ-горцемъ.

Земли здѣсь такъ мало, что всякій клочекъ, пригодный для пашни, давно высмотрѣли и приурочили къ дѣлу <sup>1)</sup>.

Но далеко не вся эта отвоеванная у суровыхъ горъ земли составляетъ достояніе горцевъ. Лучшіе участки считались „казенными“ (папалыгъ), т.-е. ханскими. Система управленія, царившая здѣсь до послѣдняго времени, отличалась крайней несложностью. Ханъ былъ деспотическій повелитель и владѣтель всей земли и народа. Онъ дѣлилъ все свое ханство на бекства и раздавалъ ихъ своей роднѣ. При миниатюрности этихъ „княжествъ“, они превращались въ простыя помѣстья, въ которыхъ все лучшее отбиралось „въ казну“. Бекъ строилъ себѣ курганъ (крѣпость) и обращалъ отрѣзанныхъ ему жителей въ крѣпостныхъ крестьянъ, сажая ихъ то на оброкъ, то на натуральную повинность. Оброкомъ облагался домъ, что, безъ сомнѣнія, и отозвалось на тѣснотѣ горскихъ хатъ и на нераздѣльности большихъ семей. Оброкъ взыскивался всѣми мѣстными произведеніями, кромѣ хлѣба: хата платила скотомъ, масломъ, сыромъ, сѣномъ, соломой, дровами; платила армяками, нитками, войлоками, арканами; платила деревянной посудой, лопатами, деревянными башмаками и т. п. Словомъ, все, чѣмъ обладало хозяйство горца, подлежало оброчной

<sup>1)</sup> Я не говорю въ данномъ случаѣ о тѣхъ брошенныхъ мѣстахъ, опустѣніе которыхъ зависитъ отъ историческихъ событій, разоренья и проч.

подати. Хлѣбомъ не брали просто потому, что было невыгодно — не съ чего было брать. Въ этомъ отношеніи удобнѣе была барщина: горцы выставляли нужное число рабочихъ рукъ для обработки казенныхъ земель, т.-е. для пахоты, посѣва, жнитва и уборки съ поля хлѣба. Это были регулярныя работы. Кромѣ нихъ народъ стонялся на общественныя, какъ, напримѣръ, исправленіе дорогъ, мостовъ, казенныя постройки и т. п. Само собою разумѣется, что вся работа въ бековскихъ курганахъ отправлялась тоже народнымъ трудомъ.

Словомъ, страна жила по той простотѣ, при которой бекъ становился непосредственнымъ доходчикомъ съ народнаго труда и оставлялъ народу только тѣ избытки, которые нужны для того, чтобы не умереть съ голоду. Сельскія произведенія бѣдной страны безъ всякаго внутренняго базара, конечно, имѣли самую незначительную цѣнность на внѣшнихъ рынкахъ, и доходы хана съ беками при капитализаціи переводились бы на ничто, еслибы они всѣми средствами не выжимали изъ народа послѣднихъ соковъ. Мелкая изобрѣтательность мелкихъ владѣтелей переходила въ алчность, понятную только при той системѣ замкнутаго управленія, которая опиралась почти на рабскій трудъ. Немудрый и безграмотный бекъ оказывалъ необыкновенныя способности по части разнюхиванія народнаго достатка. Не обязанный никакими заботами, кромѣ стяжанія, онъ могъ посвящать все свое время на борьбу съ угнетеннымъ народомъ по части добыванія изъ него доходовъ. Это было, конечно, тѣмъ легче, что жизнь каждаго селянина текла на глазахъ его повелителя, и послѣдній знать чуть ли не каждую деревянную чашку, сдѣланную такимъ-то кустаремъ, да кстати и всѣ „проступки“ этого кустаря, подлежащія наказанію.

До какой виртуозности доходила изобрѣтательность правителей, уже было отчасти видно изъ рассказаннаго о системѣ отдачи скота на прокормъ народу Юсуфомъ-Али. Все, что могло раздражить завистливые глаза мелкихъ властителей, что могло поправиться имъ, такъ или иначе выматывалось отъ горца, который съ своей стороны приучался прятать малѣйшіе свои достатки. Охотники, напримѣръ, обязывались непремѣнно всѣ дорогія звѣриныя шкуры (лисы, рысьи и т. п.) доставлять къ беку или хану, гдѣ за нихъ выдавалась произвольная подачка <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Поэтому горцы охотники не могли мѣть опредѣлитель стоимости на мѣстѣ той или другой шкуры: они ихъ никогда не продавали, а если даже и продавали, то воровски, за что придется.

Понятно, какъ должна была отозваться такая система управления на томъ самомъ народѣ, который при всѣхъ своихъ плотскихъ грѣхахъ, строго наказуемыхъ ханами, считался еще и величайшимъ духовнымъ грѣшникомъ, „еретикомъ“ шіитскаго толка. Я указывалъ уже, что практика создала высшую степень варь такому грѣшнику, переводя его на положеніе раба, торговля которыми еще и нынѣ ведется въ Средней Азіи. Если для шуганскихъ заправителей и приходилось мириться съ общимъ еретичествомъ всего ханства, то эта невольная терпимость не исключала однако возможности пользоваться при случаѣ и этимъ средствомъ, т.-е. доводить опалу надъ тѣмъ или другимъ шіитскимъ семействомъ до продажи его на базарѣ.

Много надо было имѣть народу упорства, требовалось весьма дорожить своей душевной самобытностью, крѣпко любить свои горы, чтобы не отречься отъ вѣры своихъ отцовъ, не сбѣжать окончательно изъ этого мелкаго грабительства и деспотизма, не испортить окончательно народную совѣсть. И я еще разъ позволю себѣ повторить высказанную выше мысль, что спасла горца его земледѣльческая культура, его страстная, органическая привязанность къ землѣ и ховяйству. Отдавши всего себя сельскимъ заботамъ, онъ прежде всего поглощался здоровымъ трудомъ, который такимъ образомъ оберегалъ его душу и отъ излишней злобы, и отъ праздної изобрѣтательности хитреца. Суровый трудъ заключалъ отъ него соблазны легкихъ выгодъ, изолировалъ его отъ развратнаго міра, связывалъ въ крѣпкую общину съ односельцами. Принесенная имъ сюда культура, сохранившаяся только благодаря его способности къ тяжелой земледѣльской работѣ, инстинктивно заставляла его хранить и весь тотъ строй бытовой и духовной жизни, который былъ нераздѣльно ранѣе связанъ съ его сельскими познаніями. Земля была для него главной основой, и на нее-то онъ отдавалъ свои силы.

### VIII.

Убогіе клочки, способные въ обработкѣ, требовали затраты огромнаго труда на первое ихъ приспособленіе къ полевому хозяйству. Чтобы превратить въ поле дикое мѣсто, требовалось выбратъ съ почвы массу камней, и большихъ, и малыхъ, стащить ихъ въ кучи, сложивъ такъ, чтобы они занимали возможно менѣе пространства. Часть камней уходитъ на обдѣлку склона террасы, часть на межу, остальное складывается въ видѣ стѣнъ или

кутъ. Большіе камни, своротить которые люди не въ силахъ, остаются на межахъ, а часто и среди поля. Рядъ такихъ камней опредѣляетъ фигуры полей, нерѣдко принимающихъ отъ того крайне замысловатыя, узорныя очертанія. Такъ какъ самая почва состоитъ изъ камня, пережвѣаннаго съ землей, то выбирать камень начисто было бы непосильной работой. Поэтому почва пашни всегда является каменистой. Землистыхъ частей въ ней весьма скудное содержаніе. Наиболѣе богатыми считаются древнія ледниковыя морены. Но зато не сортированность ихъ матеріала требуетъ значительнаго труда для первоначальнаго устройства полей и проведеніе къ нимъ оросительныхъ каналовъ по бугристой поверхности. Всѣ поля, видѣнные мною въ Шугнанѣ, были поливныя <sup>1)</sup> и потому расположены горизонтально. Зато мѣстами террасы были необыкновенно мелки или шли крупными уступами.

Уже изъ того, что почва сильно камениста, можно легко заключить о небольшихъ сравнительно урожаяхъ. Но главная зависимость здѣшняго земледѣльца отъ климата: если весна ранняя, лѣто солнечное, осень сухая и продолжительная—горецъ можетъ навѣрное ожидать добрыхъ результатовъ; при обратныхъ условіяхъ хлѣбъ не успѣетъ вызрѣть, и большинство его придется бросить или перевести въ кормъ скоту.

Оросительная система вынудила горцевъ располагать свои поля преимущественно при устьяхъ боковыхъ ручьевъ долины, изъ которыхъ они съ значительными удобствами могутъ пользоваться водою для ирригаціи. Отдавая лучшіе участки подъ пашни, они скучиваютъ свои селенія обыкновенно на совершенно негодныхъ для обработки мѣстахъ: на кручахъ, на скалахъ, у края обрывовъ. Селенія располагаются всегда тѣсно. Хаты лѣнятся одна около другой или другъ надъ другомъ, представляя смѣсь низенькихъ домиковъ съ какими-то курятниками, на самомъ дѣлѣ хлѣвами.

Домъ горца вполне отвѣчаетъ и его характеру, и климату страны. Прежде всего онъ приспособленъ къ тому, чтобы на маломъ пространствѣ помѣстить все хозяйство, помѣстить удобно и тепло. Въ его хатѣ, которая всегда состоитъ только изъ одного помѣщенія, должны умѣститься не только всѣ домочадцы, но и всѣ его запасы, да кромѣ того и вся скотская мелочь, главное—ягнята и козлята, рѣже—теленки.

Хата строится, конечно, изъ того единственнаго матеріала, которымъ такъ неограниченно богата страна, который всегда и

<sup>1)</sup> Полей подъ дождь видѣть кромѣ Каратегина, я не видѣлъ.

всюду подъ руками: изъ камня на глиняномъ цементѣ. Искусство пользоваться камнемъ какъ строительнымъ матеріаломъ, доведено здѣсь до большого совершенства при всей простотѣ приѣмовъ. Горецъ беретъ ближайшій камень—большой, малый, остроребрый, окатанный, плоскій, кубическій—и весьма ловко комбинируетъ его, вяжетъ, подгоняетъ одинъ къ другому. Сложенная имъ насухо стѣнка отличается большой устойчивостью и извѣстной правильностью. При постройкѣ дома на цементѣ устойчивость достигается весьма значительная. Словомъ, по этой части онъ специалистъ. Набережная, дорога, береговые устои и настилка моста, караулка и лѣтній загонъ для скота одинаково легко и ловко мастерить онъ изъ камня.

Кроется домъ прямой почти совершенно плоской земляной крышей, покоящейся на горизонтальныхъ балкахъ и накатнигѣ. Въ срединѣ потолка дѣлается окно, дающее свѣтъ и выходъ дыму. Окно это образуется двумя или тремя вѣнцами брусель, положенныхъ одинъ надъ другимъ по индійской системѣ съ поворотомъ каждый разъ на  $45^{\circ}$ . Отъ этого получается нѣкоторая приподнятость крыши въ срединѣ и легкіе скаты ея къ краямъ. Изнутри балки подпираются нѣсколькими столбами, почему крыша можетъ быть сильно нагружена.

Крыша въ домашнемъ обиходѣ горца играетъ весьма серьезную роль, или вѣрнѣе роли, ибо приспособленія ея очень разнообразны. Прежде всего, она—самый главный и надежный складъ сѣна и хвороста, запасенныхъ на зиму (за сѣномъ туда не заберется ни одинъ козелъ-разоритель). Затѣмъ, она служитъ токомъ для просушки и очистки зерна. Для этого на ней имѣется даже приспособленіе: на нѣкоторомъ разстояніи отъ окна-трубы дѣлается круговой валикъ, и эта центральная часть крыши тщательно штукатурится глиной. Осенью почти всѣ крыши застланы войлоками, на которыхъ ровнымъ слоемъ сушится зерно. Эти заботы исключительно лежатъ на женщинахъ, и онѣ проводятъ долгіе часы, ползая и сидя на крышахъ, отбирая изъ зерна камни и соръ, переворачивая его, или просѣвая и отвѣивая начисто на центральномъ кругѣ крыши. На крышѣ же сушится и брюква. Наконецъ, та же крыша нерѣдко служитъ и балкономъ, сборищемъ въ сумерки или въ другое досужее время... Вообще крыша является самымъ удобнымъ, просторнымъ и чистымъ мѣстомъ снаружи дома, замѣняя дворъ и надворныя службы.

Внутренность горской хаты имѣетъ много вариантовъ, но въ общемъ главный ея характеръ выражается тѣмъ, что вокругъ стѣнъ сдѣланы высокія нары съ узкимъ проходомъ между ними

отъ двери. Нары пустыя внизу и забраны со стороны прохода глиняными стѣнками. Помѣщеніе подъ нарами раздѣлено перегородками и предназначено для мелкой соломы (саманъ), для козлятъ и другой живности, почему изъ подъ нихъ въ проходъ выходятъ разныя двери. Нары обыкновенно дѣлаются не одной высоты, а раздѣлены ступенями на участки, выполняющіе разныя назначенія: „чистаго“ или „гостинаго“ отдѣленія, кухни, бабьяго угла, дѣтской и проч.

Кухня всегда занимаетъ самое почетное и обширное мѣсто. Она состоитъ изъ очага, врызаннаго въ нарахъ такимъ образомъ, что топка выходитъ въ проходъ, а отверстіе для котла приходится на уровнѣ наръ; общее устройство ея напоминаетъ нѣсколько нашу плиту съ одной комфоркой, расположенной близъ устья топки. Остальная поверхность плиты представить полъ кухни и въ то же время и столъ: хозяйка забирается туда со всей утварью, причемъ ни она никому не мѣшаетъ, ни ей никто. Въ большинствѣ случаевъ на кухонныхъ нарахъ устраивается въ уголѣ еще другой, подручный маленькій очагъ для котелка или кувшина.

Бабій уголъ, т.-е. особый участокъ наръ, всегда имѣетъ въ себѣ стойки тѣщаго станка—это его примѣта.

Другая характерная черта внутренняго устройства хаты заключается во множествѣ печурокъ и шкафчиковъ, надѣланныхъ всюду, гдѣ только можно: и внизу, въ стѣнкахъ прохода, и вверху въ стѣнкахъ хаты. Печурки имѣютъ всевозможныя назначенія—для дровъ, углей, для кувшина, горшка, тряпки и т. п. Кромѣ того во всякой хатѣ найдется еще одно устройство—нѣчто вродѣ толстой стѣнки или большого ларя, иногда прислоненныхъ къ домовой стѣнкѣ, иногда же огораживающихъ участокъ наръ, преимущественно кухню. Эти стѣнки называются амбарами и открываютъ совершенно налитыя сусѣкамъ и ларямъ, для ссыпки зерна. Здѣшніе амбары также раздѣлены на сусѣки внутренними перегородками. Въ круглыя окна сверху засыпаютъ зерно, закрываютъ крышкою и замазываютъ глиной. Достаютъ зерно по мѣрѣ надобности, открывая маленькія отверстія внизу сусѣковъ, тоже съ особыми крышками.

Сдѣланное детальное описаніе внутренности горской хаты должно быть дополнено нѣсколькими словами общаго характера. Прежде всего нужно сказать, что вся внутренность тщательно штукатуруется плотной глиняной обмазкой. Такъ какъ штукатурка дѣлается домашнимъ образомъ и на глазъ, то въ ней, какъ и въ самомъ расположеніи разныхъ приспособленій нельзя искать

строгой правильности. Но за то все необыкновенно старательно и чисто обдѣлано, выглажено, ребра всѣ округлены. Во всемъ видна хозяйственность, удобство, свой глазъ, любовь къ каждому пустякамъ. Каждая ничтожная печурка импровизирована не зря, а со смысломъ, и какъ-разъ отвѣчаетъ своему назначенію. Вдоль нарѣ стѣны часто оттянуты цоколемъ, у шкафчиковъ подѣланы наличники, даже узоры и рельефныя украшенія. Мало того, въ болѣе состоятельныхъ домахъ стѣны и нарѣ выкрашены въ одинъ цвѣтъ (обыкновенно свѣтло-палевый), а цоколь въ другой—чаще въ красный. Все это въ общемъ производитъ впечатлѣніе и крайне оригинальное по своеобразности такого устройства, и симпатичное по той обдуманности и заботливости, которыми проникнуто все это хозяйство горца.

Причина его заключается въ томъ, что въ основѣ хозяйства кроется серьезное участіе женщины.

Я уже указывалъ на иное положеніе горской женщины, чѣмъ долинной таджички мусульманскаго Туркестана. Уже одно то, что она не завѣшена, не закутана отъ посторонняго глаза, не спрятана въ гаремъ, не изгнана изъ общества мужчинъ, ставить ее въ положеніе исключительное по отношенію къ остальному туркестанскому осѣдлому населенію. Но помимо этого, значеніе шуганки въ народной жизни выражается еще вслѣдствіе того, что самое положеніе ея, какъ хозяйки дома, несравненно выше, чѣмъ гдѣ-либо. Уже одно участіе ея рукъ въ подробностяхъ устройства дома придаетъ совершенно иной колоритъ всей обстановкѣ. Достаточно бѣлаго взгляда при входѣ въ горскую хату, чтобы почувствовать вліяніе женщины на складъ домашняго быта, понять, что эта аккуратность и уютность, этотъ бѣдный порядокъ и чистота обязаны женщинѣ-хозяйкѣ, и что вліяніе ея не можетъ пройти безслѣдно въ домашней жизни, разъ присутствіе ея вкуса, ея женской заботливой души, наложило на все свою печать. Когда входилъ въ магометанскій домъ, то въ его отдѣлѣ и расположеніи рѣшительно не находилъ никакой почти разницы со всякимъ другимъ. Все холодно, однообразно, все въ зависимости отъ искусства нанятаго присяжнаго мастера (я не говорю отъ богатства хозяина, ибо это вещь условная). Въ горской же хатѣ вы непременно встрѣтите въ каждой свою особенность соответственно индивидуальности хозяйки, принимавшей самое ближайшее и дѣятельное участіе въ отдѣлѣ внутреннего устройства. Поэтому въ шуганской хатѣ, при общемъ горскомъ типѣ, такъ много рѣзкихъ варьянтовъ.

Простота сельской патриархальной жизни бѣднаго населенія, недопускающая многоженства, ставитъ шугнанку еще болѣе самостоятельно. Сколько я могъ приглядѣться, участіе женщины въ работахъ положительно одинаково съ мужчиной, а никакъ не угнетенное. Она имѣетъ свои отдѣлы во всякомъ трудѣ. Такъ, напримѣръ, мужчина жнетъ хлѣбъ, женщина возится со снопами на току; мужчина таскаетъ дрова, женщина накладываетъ ихъ въ вязанки. Горецъ ходитъ въ лѣсъ за дровами и тащить ихъ на спигъ домой, его жена идетъ за водой и несетъ вувшинъ на головѣ. Кустарные промыслы тоже имѣютъ свое раздѣленіе: деревянные подѣлки—дѣло мужчинъ; гончарныя—исключительно женское. Этимъ вкстати объясняется, почему горскій домъ полонъ всякой глиняной посуды, почему всякому горшку имѣется своя крышка, у cadaго лаза своя заслонка. Отмѣчу, что все это исключительно ручная работа до послѣднихъ разводовъ на оригинальномъ стѣнномъ подсвѣчникѣ.

Одежда шугнанки такъ же проста, какъ и ея мужа: широкіе шаровары, схваченные на лодыжкѣ и довольно некрасиво свѣшивающіеся на ступню; длинная рубаха безъ обшивки у просторнаго ворота, съ прорѣхой посрединѣ груди и безъ всякой опояски, да большой платокъ, наброшенный на голову,—вотъ и все. Обувь одинаковая съ мужчинами (въ томъ числѣ и деревянные башмаки). Въ холодъ она окручиваетъ бедра суконнымъ кускомъ на подобіе малорусской плахты.

Шугнанки большею частью высокаго роста, стройны, держатъ себя прямо, поступъ у нихъ смѣлая, горская, гораздо болѣе красивая, чѣмъ у мужчинъ. Лицомъ онѣ отчасти напомнили мнѣ грузинокъ: тотъ же длинный овалъ, съ острымъ подбородкомъ, сильная бровь и густая рѣсница, строгія губы и выразительный острый носъ. Выраженіе лица и глазъ нѣсколько сосредоточенное, переходящее у пожилыхъ въ строгое, сдержанное, указывающее на твердость и опредѣленность характера. Она несетъ тяжелый крестъ бѣдной труженицы, но несетъ съ убѣжденіемъ, съ сознаниемъ долга. Даже крайняя бѣдность, рвань—„огнѣ присѣки“, болтающаяся на ней въ видѣ одежды, не производитъ своего отталкивающаго дѣйствія, благодаря серьезности, съ которой привычно держать себя шугнанка.

Объ общественной жизни горцевъ я знаю слишкомъ мало и отрывочно, и потому говорить о ней не буду. Скажу только, что и въ ней, видимо, участіе женщины довольно значительно, хотя, безъ всякаго сомнѣнія, далеко не такое, какъ мужчины.

Мнѣ осталось сказать нѣсколько словъ о языкѣ шугнанцевъ. Сколько извѣстно, изъ припамирскихъ горцевъ, говорящихъ на таджикскомъ языкѣ, имѣютъ свои мѣстные нарѣчія ваханцы и шугнанцы (сарыкольцы представляютъ смѣсь этихъ двухъ нарѣчій). Нарѣчія тѣхъ и другихъ настолько отличны между собой, что они не понимаютъ другъ друга. Основа шугнанскаго нарѣчія (которымъ говорятъ и рошанцы) въ массѣ указываетъ персидскій корень словъ; но есть и самостоятельныя слова, совпадающія со многими изъ индоевропейскихъ языковъ, въ томъ числѣ и съ славянскими (дистъ — десять, пиндъ — пять).

Д. ИВАНОВЪ.



ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ИЗДАЮЩЕГОСЯ.

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 7-я.

ЮЛЬ, 1885.

ПЕТЕРБУРГЪ.

# ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

---

СТО-ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ТОМЪ

---

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ

---

ТОМЪ IV

•

---

РЕДАКЦІЯ ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ: ГАЛЕРНАЯ, 20.

|                                      |  |                                     |
|--------------------------------------|--|-------------------------------------|
| Главная Контора журнала:             |  | Экспедиція журнала:                 |
| на Васильевскомъ Острове, 2-я линія, |  | на Вас. Остр., Академич. переулокъ, |
| № 7.                                 |  | № 7.                                |

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

---

1885

---

# ШУГНАНЪ

АФГАНИСТАНСКІЕ ОЧЕРКИ.

---

Окончаніе.

IX \*).

На третій день послѣ отъѣзда Атабая, передъ вечеромъ прискакалъ совсѣмъ замученный горецъ и объявилъ, что сюда сегодня долженъ пріѣхать какой-то „догъ“, „авганъ“, про котораго онъ ничего не зналъ: догъ пріѣхалъ въ ближнее селеніе (Чарпанъ), и оттуда тотчасъ же послалъ его сюда сказать, что ѣдетъ догъ — вотъ и все <sup>1)</sup>. Сколько афганцевъ — онъ тоже не знаетъ, ибо видѣлъ только одного, который его отправилъ.

Вечеромъ, дѣйствительно, къ нашему лагерю приблизилась верховая партія, человекъ въ пять-шесть. Подъѣзжая къ палаткѣ, она круто повернула въ сторону. Ахунъ, полагая, что за темнотой она не разобрала мѣста, крикнулъ-было по-таджикски: „здѣсь, сюда!“, — но ему не отвѣтили даже, проѣхали мимо и остановились въ четверти версты. Что это за люди, никто не зналъ. Ночь накрывала темная. На всякій случай я отдалъ приказъ о строгомъ караулѣ противъ такой непонятной таинственности.

Назавтра явился Мирза съ разъясненіями, что пріѣхалъ афганецъ посломъ, вслѣдствіе передового письма мирзы. Чиномъ авганъ — сотникъ (юзъ-баши). Съ нимъ главный старшина изъ Гунта

---

\*) См. выше: июнь, стр. 612.

<sup>1)</sup> Догомъ они называли верхового - нарочнаго, посланнаго съ какими-нибудь порученіями отъ начальства.

и нѣсколько туземцевъ. Вечеромъ они боялись побеспокоить меня, потому и проѣхали мимо. Атабай встрѣтилъ авгана на полдорогѣ и проѣхалъ дальше.

Часовъ въ 10 доложили, что пришелъ авганъ съ старшиной. По моему приказанію, ихъ, въ ожиданіи пріема, посадили на кошму въ приличномъ удаленіи. Восточный этикетъ не допускалъ торопливости. Распорядившись насчетъ чаю, я пригласилъ дога въ палатку.

Молодой человѣкъ лѣтъ 22-хъ, небольшого роста, съ не совсѣмъ сформировавшейся бородой, въ синемъ потертомъ суконномъ казакнѣ и шароварахъ на-выпускъ, съ жиденъкой салля (чалмой) на головѣ, въ пашкѣ и съ неизбѣжными громоздкими пистолетами за поясомъ, неловко отковырять мнѣ и еще болѣе неловко подаль руку. За нимъ ту же церемонію продолжалъ асакаль, щеголявшій совершенно новенькимъ халатомъ.

Я посадилъ ихъ на коверъ, посланный на полу передъ моей койкой.

Мирза былъ за переводчика, такъ какъ гости ничего не понимали по-турецки, а я по-таджикски говорилъ болѣе, чѣмъ дурно. Напротивъ, когда я велъ разговоръ по-турецки, рѣчь моя, въ искусномъ переводѣ Мирзы, была свободна вполнѣ того неловкаго впечатлѣнія, которое испытываетъ всякій, принужденный говорить съ лицомъ, плохо владѣющимъ языкомъ.

— Я очень радъ видѣть у себя посланнаго отъ афганскаго начальника, — началъ я мѣрнымъ тономъ, давая Мирзѣ возможность ясно понять каждую мою мысль и перевести ее въ законченной формѣ. — Я хорошо знаю афганцевъ, знаю давно. Вы такъ молоды, что не можете помнить, но, конечно, слышали, какъ лѣтъ 16 тому назадъ афганскій отрядъ съ Искандеръ-ханомъ бѣжалъ изъ Афганистана и перешелъ къ русскимъ; слышали, какъ этотъ отрядъ вмѣстѣ съ русскими воевалъ противъ бухарцевъ при взятіи Самарканда, и какъ послѣ того Искандеръ-ханъ удостоился милости Блага Царя и былъ взятъ на службу въ Петербургъ. Все это происходило на моихъ глазахъ. Я зналъ Искандеръ-хана, видѣлъ его афганцевъ въ бою. Я зналъ, наконецъ, самого Абдурахманъ-хана, когда онъ жилъ у насъ въ Самаркандѣ и въ Ташкентѣ. Въ теченіе десяти лѣтъ онъ жилъ среди русскихъ какъ гость, какъ другъ, пользуясь ихъ гостепріимствомъ. Русскіе помогли Абдурахманъ-хану пробраться въ Афганистанъ, чтобы сдѣлаться его повелителемъ. Мое знакомство съ афганцами убѣдило меня, что они народъ смѣлый, прямодушный. Съ ними мы давно привыкли быть добрыми сосѣдями. Вотъ почему я такъ довѣрчиво и

спокойно повернулъ сюда, несмотря на недавнее появленіе здѣсь афганцевъ. Вы встрѣтили моего посланнаго, онъ везъ письмо и подарки бекамъ. Теперь вы сами видѣли меня и весь мой отрядъ и, воротившись, можете передать своему начальнику то, что здѣсь видѣли и что слышали отъ меня.

По мѣрѣ развитія моей рѣчи Мирза все болѣе и болѣе воодушевлялся, тогда какъ авганъ видимо приходилъ въ смущеніе. Слушая рѣчь, онъ нескладно поддакивалъ и качалъ головой. Когда же я кончилъ, онъ совершенно сконфузился.

— Господинъ... одно правительство и другое правительство... оба велики... оба дружны... вы гость... я очень мелкій человѣкъ...

Больше онъ не нашелъ, что сказать, — дипломатическое порученіе было ему не по силамъ. Даже на этихъ нѣсколькихъ несвязныхъ фразахъ крупный потъ выступилъ у него на лбу.

Имъ подали чай. Сотникъ совсѣмъ растерялся, какъ быть съ сахаромъ: сперва хотѣлъ было бросить въ чашку, потомъ раздумалъ и положилъ цѣлый кусокъ въ ротъ, окончательно переконфузился, весь запотѣлъ, видимо чувствуя себя крайне неловко на официальномъ приѣмѣ.

Я отпустилъ ихъ.

Поспѣшно отвозырявши, козъ-баши выпшелъ и, отирая на свободѣ потъ съ лица, не утерпѣлъ и безтактно высказался передъ таджиками, какъ набрался страху до того, что чуть не подавился сахаромъ. Къ вечеру они должны были уѣхать. Я послалъ имъ маленькіе подарки, которые — по увѣренію посланныхъ — очень будто бы ихъ утѣшили. „Не намъ бы слѣдовало получать отъ гостя подарки, а ему поднести отъ насъ; но что же дѣлать — мы очень бѣдные люди“, отвѣтили они.

Мирза торжествовалъ и, по отъѣздѣ афганца, тотчасъ же явился ко мнѣ. Его выразительное лицо свѣтилось совсѣмъ иначе. Онъ увлекался, злорадно перетолковывалъ въ извѣстномъ тонѣ значеніе сценъ и разговоровъ и, усиливая подтруниванье надъ афганцами, далъ, наконецъ, полную мѣру своему сердцу.

— Вы знаете, что такое авганъ? — спросилъ онъ меня съ особеннымъ блескомъ глазъ.

— Нѣтъ, не знаю.

— Ав-гонъ! — отвѣтилъ многозначительно Мирза, готовый разсмѣяться („гонъ“ въ его выговорѣ выходило на манеръ французскаго hon).

Я не понималъ.

— Ав-ав!.. hon-hon!

Я все-таки не догадывался.

— Такъ лаетъ собака и кричитъ воронъ,—объяснилъ онъ и совсѣмъ уже весело продолжалъ снова: ав-ав!.. hon-hon!—Вотъ кто авгонъ, вотъ какіе звѣри въ немъ соединились, добавилъ онъ вдругъ измѣнившимся голосомъ.

— А вы не любите афганцевъ?—нашелъ я возможнымъ спросить послѣ этого.

— Что вы говорите!—чуть не воскликнулъ Мирза: да развѣ можно ихъ любить?!

Онъ разошелся и ударился въ длинныя разьясненія. Афганцы считаютъ людьми только афганцевъ. Всѣ остальные для нихъ поганья животныя. Туземца афганецъ считаетъ хуже собаки. Онъ никогда не отнесется къ жителю по-человѣчески. Туземецъ для него поганая тварь. Онъ не говоритъ съ нимъ, онъ только приказываетъ—и какъ приказываетъ! Ему все равно, кто передъ нимъ: старикъ, женщина, дитя—онъ одинаково презрительнъ, грубъ, дикъ. Другихъ словъ, кромѣ проклятій, самыхъ унижительныхъ, позорныхъ ругательствъ, у него нѣтъ для жителей... Всѣ жители ненавидятъ афганцевъ и очень рады, что пришли русскіе, и что афганцы такъ растерялись. Они васъ боятся...

— Когда пріѣзжаетъ ко мнѣ авгонъ—я не пушу его близко къ своему дому: я даю ему поганую чашку, даю пищи, и прошу убираться отъ меня подальше. Жри и спи, какъ собака, въ полѣ, гдѣ хочешь... Ав-ав!—hon-hon! кончилъ совсѣмъ уже зло свои изліянія Мирза.

— А сильно они притѣсняютъ жителей?—спросилъ я.

— Очень. Ослушаться ихъ нельзя, такъ они злы. Авгонъ сейчасъ же хватается за пашку, за пистолетъ, какъ дикій звѣрь. Насъ они еще опасаются. Теперь что бы они ни взяли у жителей изъ продуктовъ для войска, за все деньги платятъ. Это вѣрно, этого про нихъ нельзя сказать. За все, кромѣ натуральной повинности, деньги. Но это теперь, покуда, потому они еще сами боятся учителей... А тамъ, я хорошо знаю авгона—отъ него кромѣ гадостей ничего нельзя ждать...

Долго еще велъ свою сердитую рѣчь Мирза. Видимо было, что объ эти народности одинаково ненавидятъ другъ друга, одинаково презираютъ еретическую вѣру противной стороны, и вся разница была только въ проявленіи этой взаимной ненависти. Афганецъ имѣлъ право громко, открыто сквернословить въ сторону горца, презирать какъ побѣдитель. Горецъ же, какъ покоренный, могъ лишь сквозь зубы на своемъ, непонятномъ афганцу—языкѣ процѣдить соотвѣтственное проклятіе, могъ только за угломъ, въ средѣ своихъ, затаенно изливать злобу на „собаку“

ворона"... Натянутость отношеній видна была сразу... Что-то напряженное, ненормальное, подавленное чувствовалось въ воздухѣ—какой-то вопросъ, глухое выжиданіе... И чулось это не на одной сторонѣ горцевъ, а одинаково и въ лагерѣ афганцевъ. Слишкомъ рѣзко бросалась въ глаза и ихъ торопливость, ихъ недосказанность, недовѣріе, нездоровая сдержанность, неувѣренность за каждый моментъ.

Слухи изъ Барпянжа приходили все тревожные, раздражающаго характера слухи. Послѣдній эпизодъ съ Испалыханомъ окрашивался все болѣе въ „натуральныя“ азіятскія краски.

Перекованное письмо Юсуфа-Али повело къ розыску, розыскъ къ застѣнку... О какихъ богатствахъ писалъ ханъ къ сыну? Гдѣ эти богатства? Потянули ханскаго „казначей“; стали запирались. Начались пытки. На чисто выбритую голову капали кипящимъ саломъ. Сознался, показалъ, гдѣ скрыты яхтаны (вѣчные легкіе сундуки). За первыми десятками сундуковъ слѣдовали новыя пытки и открывались новыя сундуки. Застѣнокъ вошелъ въ азартъ: любо было искать дорогое добро. Набрали сотню яхтановъ и на пятидесяти лошадяхъ отправили ихъ въ Файзабадъ. Ключи отъ яхтановъ были у Юсуфъ-Али-Хана. Привели самаго Шугнанскаго властителя: отпирай! Самъ отперъ и присутствовалъ при описи. Сундуки оказались съ золотомъ, серебромъ и другими „драгоценностями“. Сундукъ за сундукомъ проходили передъ глазами старика хана.—„Это ты все у жителей награбилъ, собака? Какъ ты не подавился, проклятый?!. Оттого-то твои жители тавъ и „богаты“, старый ты воръ! И это все ты хотѣлъ утащить къ русскимъ?!.“ приговаривали за каждой вещью допрошники, сопровождая свои комментаріи самой распущенной восточной бранью...

Относительно самаго Юсуфъ-Али ограничились только кандалами. Въ этихъ кандалахъ онъ и былъ увезенъ изъ Файзабада въ Кабуль. Дальнѣйшая его судьба неизвѣстна.

Но розыскъ не кончился. Вымучивъ сундуки хана, застѣнокъ потянулъ достояніе его родни. Ищейки разсыпались по Шугнану и стали уже донюхивать скотину, домашній скарбъ. Стоило проболтаться кому-нибудь о пустякахъ, чтобы это сейчасъ же шло къ уголовному „дѣлу“... <sup>1)</sup>

<sup>1)</sup> До какой мелочности дошелъ этотъ розыскъ я имѣлъ случай лично убѣдиться. Юсуфъ-Али, какъ истый скрѣпа, покупалъ на ферганскихъ базарахъ старыя халаты для раздачи своимъ служащимъ. Два тѣла этого стараго вѣкъ нѣкій старый Гарипша, выѣхавшій изъ Ферганы вмѣстѣ съ нами. Узнавъ о судьбѣ Юсуфа-Али, Гарипша бросилъ тѣки на Памиръ и поѣхалъ одинъ въ Шугнанъ. Афганцы проникли и заставили старика привезти тѣки.

Слухи эти, передававшіеся народомъ изъ устъ въ уста, быстро разносились съ разными варьянтами изъ Бадахмана въ Шугнанъ и здѣсь изъ селенія въ селеніе. По существу народъ не могъ претендовать на расправу съ Испалыханомъ: онъ былъ дѣйствительно истый деспотъ-грабитель. Въ варьянтахъ отчетливо слышались комментаріи самихъ рассказчиковъ. пытки и другія истязанія никого не удивляли—это было въ обычаяхъ страны. Лично Юсуфа никто не жалѣлъ; „такъ ему и надо“! звучало всегда въ тонѣ рассказа.

Но вмѣстѣ съ этимъ никто не былъ и доволенъ такой расправой. Прежде всего расправа была произведена ненавистнѣйшими людьми—афганцами. Одно это роняло уже всю силу возмездія. Горечь постигшей Юсуфа-Али судьбы не имѣла вида заслуженной карой за грѣхи, а смотрѣла обидой. Афганцы обманомъ вызвали хана, обманомъ поймали сына въ ловушку, обманомъ заняли Шугнанъ войсками; пытками достали сокровища, и, осраивъ Юсуфа за „грабежъ“, какъ бы въ насмѣшку надъ „ограбленными“ жителями, увезли все отнятое у нихъ въ теченіе десятиковъ лѣтъ въ далекій афганскій Файзабадъ. Правда, взаимнъ этихъ богатствъ, населенію объявлена шестилѣтняя льгота отъ податей, но въ день моего пріѣзда въ Сардымъ было получено извѣстіе, что масса народа со всего Шугнана согнана на спѣшную разработку колесной дороги отъ Файзабада до Берпянжа. Такой сборъ народа въ самую рабочую полевую пору стоилъ уже доброй подати. Тѣмъ болѣе—дорога была внѣшняя, чисто военная афганская дорога. Жители своими руками закрѣпляли афганцамъ легкость доступа къ Шугнану. Розыски имущества Юсуфа-Али среди жителей вели къ массѣ несправедливостей, хлопотъ, расходовъ. Словомъ, народъ отлично понималъ и чувствовалъ, что дѣло хановъ разыгрывается на его спинѣ, что онъ мѣняетъ кукушку на ястреба. Испалыханъ былъ деспотъ и мучитель, но онъ все-таки былъ свой, „настоящій“ ханъ, который берегъ самостоятельность ханства, былъ хоть чѣмъ нибудь связанъ съ страной и народомъ, и хоть противъ афганцевъ отстаивалъ своихъ подданныхъ. У народа оставалась надежда, что преемникъ Юсуфа-Али будетъ съ другими, болѣе желанными личными качествами, и для бѣднаго населенія настанетъ наконецъ лучшая пора... Теперь передъ горцами были чужіе правители, злѣйшіе ихъ враги, тѣ афганцы, которымъ ихъ съпоконъ-вѣка продавали въ рабство. Уже не свой ханъ или его родня будетъ мудрить надъ ними, а станетъ издѣваться послѣдній солдатъ афганскаго войска. Что то роковое чулось сердцемъ народа—слов-

но стоялъ онъ передъ открытыми воротами, не смѣя затворить ихъ, и предчувствовалъ полный конецъ своей святыни, всего своего внутренняго бытія, сберегая которое, онъ ушелъ отъ несправедливаго челоуѣчества къ самому высокому Памиру, пригнѣзился подъ самой безлюдной и недоступной „крышей міра“...

## Х.

Къ вечеру того же дня нашъ лагерь снова оживился новостями. Пріѣхалъ Хаджа-Мамбетъ изъ Барпянжа съ полными куржунами яблоковъ и дынь и съ свѣжими разсказами о миссіи Атабая.

Ко мнѣ въ палатку онъ явился съ восторженной фیزیономіей, нѣжно-радостно бросился жать мои руки, точно вырвался изъ тюрьмы къ роднымъ братьямъ.

— Одинъ?—спросилъ я.

— Одинъ, господинъ мой! Атабай изъ Барпянжа послалъ меня впередъ къ вамъ съ извѣстіями.

Онъ весь сіялъ. Киргизская душа была пресыщена, онъ зналъ и чувствовалъ, что въ немъ теперь вся сила, въ немъ весь интересъ минуты, въ его рукахъ самыя дорогія, самыя свѣженькія новости, тотъ „хабаръ“, изъ-за котораго истый киргизъ не задумается промчатся безъ отдыха хоть сотню верстъ, куда угодно, безъ всякой надобности, только бы быть героемъ, разскащикомъ важныхъ новостей, сидѣть бы на первомъ мѣстѣ, говорить—говорить, а всѣ на него смотрятъ, слушаютъ, дивятся...

На этотъ разъ онъ былъ удовлетворенъ вполне. Въ палатку набилось много народу; въ открытыхъ дверяхъ торчали любопытныя лица тѣхъ, кому не хватило мѣста внутри. Всѣ улыбались, видя сіяющаго Мамбета, и вопросительно посматривали то на него, то на меня.

Началось повѣствованіе. Слова горячо лились съ неудержимаго языка Мамбета. Всякое событіе онъ представлялъ наглядно, играя десятокъ ролей разомъ, торжествуя, пугаясь, смѣясь и снова сіяя. Онъ гналъ такъ шибко! Атабай призывалъ его и сказалъ: Мамбетъ, вотъ яблоки отъ бека нашему господину. Скажи и разскажи все! Успокой ихъ поскорѣе!“ И онъ погналъ. Пропаду, сдохну, но дожду, разскажу... Наши дѣла идутъ отлично! Атабай такъ умѣлъ ловко всѣмъ распорядиться. Какое неожиданное и сильное впечатлѣніе произвело на всѣхъ посольство... Первое происшествіе было съ ними въ Сучанѣ, гдѣ ихъ задержали и не

хотѣли пустить дальше. Но такой Атабай смѣлый: „такъ вы ужъ свяжите меня, какъ вора—я вѣдь ѣду къ вашему беку съ подарками, посланниковъ вездѣ выжутъ!“ воскликнулъ онъ и протянулъ руки. Конечно, жители смутились и отпустили его дальше... Въ Барпянѣхъ они надѣлали еще больше переполоху. Атабая приняли тотчасъ же. Когда онъ вошелъ къ беку, всѣ афганскіе начальники—человѣкъ десять, сидѣли на полу полувольтомъ и передъ каждымъ лежала пашка. При входѣ Атабая всѣ поднялись на ноги. Лица были у всѣхъ вытянуты вотъ какъ!

„— Прошу садиться,—сказалъ Атабаю бекъ, указывая на приготовленное мѣсто.

„— Право сѣсть первому принадлежитъ вамъ: вы здѣсь старше всѣхъ! — ловко отвѣтилъ Атабай (другого такого смѣлаго нѣтъ нигдѣ!).

Атабай подаль письмо. Оно было въ подклеяномъ конвертѣ, бекъ сталъ вертѣть его въ рукахъ, не зная какъ распечатать (ни одинъ авганъ не умѣлъ этого сдѣлать!). Атабай говоритъ: „позвольте“, вынулъ ножъ, чикъ—и готово. „Извольте“, говорить. Стали читать—у всѣхъ лица стали проясняться: господинъ такъ хорошо пишетъ. Атабай поднесъ подарки: „Это—вамъ, это—вамъ“. Всѣ обрадовались. Взяли ружье, а ничего сдѣлать съ нимъ не могутъ. Атабай, говоритъ: „позвольте“. Какъ сталъ дѣлать, какъ сталъ дѣлать... разъ!—мѣдный патронъ стрекнулъ вонъ куда! Такъ всѣ авганы и завывли: „а-а!“ А Атабай еще, да еще, а авганы такъ и ревуть „а-ай, вещница!“...

„— Что же вашему начальнику угодно?—спросилъ бекъ.

„— То и то...

„— Я для него все сдѣлаю, я пронесу его на моей головѣ! <sup>1)</sup> Вашъ начальникъ—большой начальникъ“...

Замѣчательно, что ходжа Мамбетъ, не бывши при этомъ разговорѣ, передалъ съ необыкновенной наглядностью и вѣрностью всѣ мельчайшія подробности встрѣчи,—такъ сильно запечатлѣлся въ его киргизской памяти рассказъ Атабая. Но когда началась настоящая дипломатія, Мамбетъ сталъ врать, какъ всѣ киргизы вмѣстѣ. Вралъ онъ, конечно, съ той же увлекательностью, но для меня было ясно, что Атабая задержали для переговоровъ по главному вопросу, а потому я и предоставилъ счастливому вѣстнику идти на свободу—и тамъ, около кипящаго чайника, доканчивать его фантазіи.

<sup>1)</sup> Чисто киргизское выраженіе, означающее высшую степень готовности услужить.

Тысячные варьянты вранья таялись далеко за-полночь.

Утромъ меня разбудила новая вѣсть: Мирза торопливо сообщила, что ко мнѣ ѣдетъ самъ правитель Шугнана, Могаметъ-Фурузъ съ двадцатью афганцами, и что вчерашній юзъ-баши прибылъ снова сюда дожидаться бека. Будетъ сегодня.

— Мнѣ хлопотъ больше всего. Не хотѣлось бы угождать авгону, да это дѣлается для васъ: онъ, конечно, везетъ вамъ отвѣтные подарки—сказалъ Мирза, дружески сіяя и спѣшно скрываясь по хозяйству.

Надо было и мнѣ позаботиться о приѣмѣ гостя. Главное, требовалось приготовить казаковъ. Выйдя изъ палатки, я встрѣтилъ отдаленную „чуть“ юзъ-баши. Сегодня онъ уже не былъ для меня гостемъ и держался въ сторонѣ. Казаки мои, вполне уже освоившіеся съ моей системой „командованія отрядомъ“, отчетливо поняли новую инструкцію о самомъ вѣжливомъ и мирно официальном отношеніи съ афганцами и стали готовить „чистую одежду“, чтобы явиться франтами передъ гостями.

Вдругъ юзъ-баши и старшина исчезаютъ. Оказывается, приѣзжалъ какой-то горецъ и что-то передалъ...

Я послалъ за Мирзой. Онъ явился сконфуженный. Вышла „ошибка“: юзъ-баши встрѣтилъ на дорогѣ туземца, который сказалъ ему, что ѣдетъ бекъ съ афганцами, поэтому онъ и вернулся сюда дожидаться бека; а сейчасъ приѣзжалъ человѣкъ, разъяснившій, что это былъ не бекъ, а „рисалыдаръ“, который ѣхалъ не сюда, а просто по селеніямъ „провѣрять дома“. Юзъ-баши и уѣхалъ.

— Это все глупый народъ болтаетъ,—добавилъ онъ съ видомъ потихони.—Теперь вѣрить никому нельзя...

Наконецъ, послѣ полудня, приѣхалъ человѣкъ, которому можно было и вѣрить: возвратился Атабай съ другимъ афганцемъ. Оба были сильно измучены дорогой.

Новый догъ Рахматулла былъ „авгонъ“ совершенно въ иномъ родѣ, чѣмъ юзъ-баши. Уже пожилой, высокій, сухой и прямой, какъ палка. Длинная шея его не поворачивалась вовсе. Олицетворенная неподвижность и безстрастность—точно каменный. Лицо испитое, безъ кровинки, черные глаза безъ жизни, совсѣмъ потухшіе, какъ будто жизнь въ этомъ человѣкѣ тлѣла гдѣ-то глубоко, а вся виѣшность изображала ширму. Говорилъ онъ по два слова, сквозь зубы. При всемъ томъ онъ былъ сильно сложенъ, мраченъ, недоверчивъ, но спокоенъ. Это былъ типъ афганца-опіумофага, кавалериста и самаго педантичнаго служаки. Для него не было ни дома, ни привязанностей, ни сожалѣній. Онъ загорался послѣ опія, жилъ на сѣдлѣ и, какъ привидѣніе, молчаливо,

холодно, неотразимо повиновался службѣ. Передъ отъѣздомъ Ата-бая, его позвали къ беку: „поѣзжай съ нимъ, отвези это письмо, при тебѣ привезутъ провизію“; выслушавъ онъ приказаніе, стоя въ своей однообразной, свободной позѣ (руки на бедрахъ), молча отковырялъ, молча тутъ же сѣлъ на лошадь и выѣхалъ. Онъ исполнить только то, что онъ слышалъ.

И вотъ, передо мной сидѣла эта пожелтѣвшая страница съ оттиснутыми на ней десятью словами приказанія бека. Она молчала.

— Отъ кого онъ пріѣхалъ и зачѣмъ? — спросилъ я официально.

— Отъ бека письмо, — произнесла полумертвая страница первыя слова своей строчки.

Я получилъ нисъмецо, завернутое въ оболочку, на которой значилось:

„Достоуважаемому ученому“.

Бекъ писалъ слѣдующее (въ дословномъ переводѣ съ персидскаго):

„Основателю дружбы и знакомства слова слѣдующія: посланное вами письмо я получилъ и всѣ поименованныя въ письмѣ вашемъ обстоятельства понялъ и близко принимаю къ сердцу.“

„О, другъ и товарищъ! Сообщаю вамъ, и сами вы хорошо знаете, что пограничные начальники, безъ позволенія своихъ властителей и главныхъ командировъ, не имѣютъ права пропускать ни одного человѣка, на основаніи закона правительства. По дружбѣ пишу вамъ, что задержаніе васъ тамъ мнѣ непріятно столько же, какъ и вамъ. Но цари могутъ остановить и гору! Поэтому совѣтую вамъ возвратиться обратно, чтобы подъ какимъ-нибудь предлогомъ не причинились вамъ какой-либо вредъ и ущербъ, а также, чтобы и мнѣ самому не заслужить дурного имени и безчестія предъ высшими лицами высокаго повелителя.“

„Для блага вашего и моего я совѣтую вамъ возвратиться обратно. Больше ничего не имѣю добавить.“

(печать) Могаметъ-Фурузъ“.

Во время чтенія, Рахматулла видимо терялъ послѣднія силы отъ утомленія и рѣшился сказать два слова отъ себя, попросивши папиросу, которая тотчасъ же освѣжила его.

— Завтра утромъ сюда доставятъ провизію, — добавилъ онъ и конецъ своей служебной строчки.

— А подковы будутъ? — спросилъ я.

— Подковы нѣтъ, — изрекло привидѣніе.

Я сталъ объяснять, что мнѣ крайне нужны подковы и гвозди, Что безъ нихъ я не могу уйти.

Приведеніе не дрогнуло, но подъ полуопущенными вѣхами что-то скользнуло.

— Я кавалеристъ, знаю, что такое подкова, — процѣдилъ онъ сквозь зубы: — во всемъ Шугнанѣ нѣтъ гвоздя. Моя лошадь обь одной подковѣ.

Сказавъ это, Рахматулла окостенѣлъ окончательно. Я отпустилъ его. Онъ взялъ свое ружье, лошадь, отвелъ ее подальше къ кустамъ, привязалъ и опустился около нея на траву. Тамъ онъ провелъ все время до завтрашняго утра. Мирза выслалъ ему „поганую“ чашку и какой-то пищи, и этимъ ограничилъ свои сношенія.

Для меня дѣло было ясно съ момента возвращенія Атабая — надо было уходить на Памиръ.

Настаивать на пропускѣ и вести переговоры — значило терять время напрасно. Требовать пропуска, т.-е. двинуться внизъ по Гунту, — значило осложнять задачу экспедиціи, брать на себя чисто дипломатическое бремя и, затративъ время на политику, пренебrecь научными изслѣдованіями въ предѣлахъ твердо уже намѣченной программы. Не будь этого недавняго занятія страны, мои дальнѣйшія настоянія въ пропускѣ имѣли бы смыслъ: тогда я боролся бы съ личнымъ капризомъ правителя. Теперь же, при указанномъ напряженномъ положеніи дѣлъ, я долженъ былъ взять на себя ответственность за всѣ могущія произойти послѣдствія, и они могли быть очень сложны. Двинуться при подобныхъ обстоятельствахъ впередъ можно было только подъ условіемъ, что я, никоимъ образомъ, добровольно не поверну уже назадъ. Идти и потомъ отступать — было равносильно весьма неловкой, во всѣхъ отношеніяхъ демонстраціи. Рисковать именемъ и задачей экспедиціи въ этомъ смыслѣ я не могъ себѣ позволить.

Выступленіе я назначилъ на-завтра. Путь выбралъ по Тукузъ-булаку, какъ болѣе мягкой для моихъ полураскованныхъ лошадей, какъ новый для меня и позволяющій связать точнѣе окружную съемку Гунта съ Памиромъ.

Долго готовиться намъ не приходилось: нашъ обозъ былъ очень несложенъ, а привычка и порядокъ укладки и выючки уже выработались въ точности. Времени было вволю, и я заставилъ Атабая рассказывать его похожденія.

Послѣ отъѣзда Мамбета изъ Бариянжа, онъ дожидался отговътовъ до слѣдующаго дня, помѣстившись въ комнатѣ бековскаго расходчика. Могаметъ-Фурузъ самъ пришелъ къ нему для объясненій. Пришелъ одинъ, повазилъ Атабая крайней простотой и фамиллярностью обращенія. Просидѣлъ рядомъ съ нимъ, какъ

съ пріятелемъ, часа два и велъ бесѣду въ самомъ дружескомъ тонѣ. Онъ давно уже слышалъ, что русскіе на Памирѣ, что въ Сардымъ пріѣзжали джигиты, и не придавалъ этому никакого тревожнаго значенія. Лично онъ крайне расположенъ къ русскимъ, былъ бы готовъ услужить мнѣ, но при теперешнихъ обстоятельствахъ не смѣетъ. Кундузскій губернаторъ Мулладжанъ еще не скоро прійдетъ сюда. Посланное къ нему донесеніе пройдетъ долго—ждать отвѣта слишкомъ утомительно. Его совѣтъ—вернуться. Онъ очень смущенъ полученными подарками, ибо отплатить ему нечѣмъ.

— Вы видите, какъ бѣдно мы здѣсь живемъ сами. У насъ нѣтъ ничего, нѣтъ даже чаю. Спимъ, какъ на походѣ, едва кормимся. Мы простые солдаты. Вся одежда моя на мнѣ,—жаловался бекъ.

— Вы напрасно стѣсняетесь, господинъ, — отвѣтилъ Атабай:—подарки моимъ начальникомъ присланы не для обмѣна, а въ знакъ его дружескаго расположенія. Онъ будетъ радъ, если вы ихъ оставите у себя на память.

— Развѣ вы не мусульманинъ и не знаете нашихъ обычаевъ?—воскликнулъ Могаметъ-Фурузъ. Взять и не отдать—значитъ отдать себя на смѣхъ всѣмъ. Мнѣ очень жаль, но я приплю вамъ подарки, и вы увезете ихъ съ собой... Все, что въ моихъ средствахъ, я сдѣлаю... Но здѣсь въ Шугнанѣ ничего нельзя достать. Муи и крупы я отпускаю изъ нашихъ запасовъ. Можетъ быть, что-нибудь найдется у жителей... Но подковъ нѣтъ...

Бекъ очень долго болталъ съ Атабаемъ, повелѣ его показывать, гдѣ онъ предполагаетъ построить лавки для будущаго, перваго въ Шугнанѣ, базара, удивлялся шегольскому костюму моего джигита, даже справился, сколько въ Ташкентѣ стоятъ его прекрасные сапоги...

— Вонъ какъ у васъ и дешево, и хорошо. А мы здѣсь совсѣмъ оборванцами...

Словомъ, теперешній правитель большого ханства держалъ себя съ джигитомъ за панибрата. Видимо, простота была приущиннымъ его качествомъ. Около него не толклось ни джигитовъ, ни полицейскихъ, онъ не умѣлъ и не могъ важничать передъ подчиненными. Кажется, ему не придавали значенія и всѣ другіе афганцы. Да и вообще въ быту побѣдителей царствовалъ полнѣйшій сумбуръ, безпорядокъ.

Афганскаго войска при Атабаѣ было уже человекъ триста. Большая часть была пѣхота. За подтвержденіями въ Файзабадъ посланъ нарочный тотчасъ же по полученіи письма Мирзы. Ди-

сциплины солдаты не знали никакой, своихъ „офицеровъ“ трактовали, какъ плохіе солдаты плохихъ ефрейторовъ. На глазахъ Атабая шла стѣшная разсылка отрядовъ въ разные пограничные пункты. Ясно было, что мой прїѣздъ въ Сардымъ произвелъ перешлохъ, и афганцы не вѣрили, что сзади меня нѣтъ никого. Посылали на Гунтъ, Шахдару, къ Рошану. Крики и брань висѣли надъ войскомъ, солдаты ругались между собой, огрызались на офицеровъ, шла драка и путаница. „Командующій войсками“, какъ кажется, тоже не отличался выдающимися свойствами. Главнымъ заправилой и внутреннихъ распоряжковъ, и внѣшней политики былъ „рисалыдаръ“ (т.-е. „воинскій начальникъ“, по опредѣленію моего расторопнаго Атабая) — бывшій „военный агентъ“ при дворѣ Юсуфъ-Али-хана. Онъ, какъ знатокъ края и наиболѣе дѣятельный человѣкъ, давалъ всему тонъ. Не сомнѣваюсь, что этому-то именно тону я прежде всего и обязанъ встрѣченными затрудненіями. Сей агентъ оказался тѣмъ самымъ афганцемъ, который былъ лично замѣшанъ въ „исторію“ съ докторомъ Регелемъ.

„Исторію съ русскимъ докторомъ“ я слышалъ мелькомъ еще до прихода своего въ Шугнанъ. Здѣсь полученныя мною свѣденія мало разъяснили подробности, но суть подтвердилась во всѣхъ слышанныхъ мною вариантахъ.

Въ устахъ народа фактъ изображался въ такомъ видѣ. Въ Шугнанъ, еще въ царствованіе Аспалыхана, прїѣхалъ изъ Дарваза съ маленькимъ бухарскимъ конвоемъ русскій докторъ, который собиралъ траву (чопъ). Ханъ принималъ русскаго чиновника съ почетомъ, какъ гостя. Докторъ долго жилъ въ Шугнанѣ, ѣздилъ собирать траву. Докторъ былъ хорошій человѣкъ, за все платилъ деньги и жилъ съ ханомъ дружно. Авганамъ показалось подозрительнымъ проживаніе доктора въ Шугнанѣ, и они прислали агента къ хану. Случилось, что докторъ возвратился изъ поѣздокъ въ Барпьянжъ. Аспалыханъ задалъ для него праздникъ, на которомъ присутствовалъ и авганъ. Понятно, что ханъ оказывалъ доктору гораздо большее вниманіе, чѣмъ авгану. Агентъ оскорбился и высказалъ въ очень рѣзкой формѣ обиду, причемъ грубо задѣлъ доктора. Вышелъ крупный разговоръ. Докторъ не могъ простить брошенное ему публично оскорбленіе на словахъ, кинулся на авгана и далъ нѣсколько пощечинъ. Едва спасли задиру-авганца, а то бы застрѣлили изъ револьвера... Проученный агентъ не забылъ посрамленія и сталъ ковать ковы противъ хана и доктора. По его донесеніямъ, въ Шугнанъ прислали тридцать авгановъ. Докторъ уѣхалъ въ Дарвазъ, Аспалыхана вызвали въ Файзабадъ, а агентъ превратился въ „рисалыдара“...

Въ устахъ народа фактъ ссоры обратился уже въ легенду и изображался въ такомъ приблизительно видѣ <sup>1)</sup>.

Когда еще Аспалыханъ былъ, пріѣхалъ въ Шугнанъ изъ Дарваза русскій докторъ; съ нимъ сколько-то бухарскихъ джигитовъ. Принялъ его ханъ со всѣмъ почетомъ, какъ важнаго гостя. Жилъ русскій докторъ въ Шугнанѣ, ѣздилъ туда-сюда, собиралъ траву (чошъ). Хорошій былъ человекъ русскій докторъ— что возьметъ у жителей, сейчасъ деньги отдастъ; даромъ, что ханъ не велѣлъ... Жилъ, жилъ русскій докторъ, и дошло это до авгановъ. Сейчасъ они въ Шугнанъ авгана для досмотру (того самаго, что теперь рисалдаромъ). Вотъ сѣхался русскій докторъ съ авганомъ у хана. Посадилъ ханъ русскаго доктора на первое мѣсто, авгана на второе. Подалъ ханъ русскому доктору первое кушанье, авгану второе. Разсердился авганъ: такъ-то ты меня уважаешь,—говоритъ,— русскаго доктора первымъ гостемъ сдѣлалъ, а меня вторымъ? А русскій докторъ и спрашиваетъ: а тебѣ, говоритъ, авганъ, какое здѣсь дѣло, что ты спрашивать смѣешь? Ханъ здѣсь хозяинъ, ему и знать, какой почетъ оказать русскому гостю въ чинахъ, какой простому авгану. Авганъ ему: а по какому ты праву, русскій докторъ, въ этой землѣ живешь, ѣдишь туда-сюда, всякую траву собираешь?—На то ему русскій докторъ: не тебѣ, авгану, мнѣ отвѣтъ давать! Знаешь про то ханъ да Бѣлый Царь, а ты кто таковъ тутъ?—Авганъ и отвѣтъ: а вотъ я какой,—захочу, сейчасъ тебя изъ этого мѣста вышлю! Вотъ кто я такой! Вскочилъ русскій докторъ съ мѣста: Забылъ ты, поганный авганъ, съ кѣмъ говоришь! Видишь ты эти чины (погоны)? я своему Бѣлому Царю вѣрный слуга! А за безчестье, вотъ тебѣ! Да разъ его, да два его, да третью... Хотѣлъ было застрѣлить авгана изъ пистолета, да ханъ уговорилъ... Послѣ того авганъ злость взялъ. Того въ Бадахшанъ отписалъ, чего и не было. Оттуда сейчасъ тридцать авгановъ съ ружьями, а русскій докторъ уѣхалъ въ Дарвазъ. И сталъ авганъ съ того времени подъ хана подкапываться да и подкопалъ. За то его и рисалдаромъ сдѣлали... Теперь противъ васъ—это все его штуки. Все не можетъ забыть русскаго доктора...

Естественно, что я смотрѣлъ на эту курьезную легенду, какъ на очень характерную вещь, въ которую народъ наглядно уложилъ свои взгляды, симпатіи и антипатіи, причины и послѣд-

<sup>1)</sup> Данъ этому разсказу условно народную форму, которая невольно впадаетъ въ нашъ русскій деревенскій тонъ. По существу простионародный разсказъ туземцевъ не переводимъ, ибо въ немъ главное значеніе принадлежитъ драматизму, съ которымъ ведется самое повѣствованіе разсказчикомъ.

ствія цѣлаго политическаго событія... Сколько я могъ вслушаться въ нѣкоторые варианты, первое недоразумѣніе съ афганцемъ у доктора было дѣйствительно въ присутствіи хана, но оно ограничилось обмѣномъ нѣсколькихъ жесткихъ по смыслу фразъ и было замято Юсуфомъ-али. Агентъ сталъ слѣдить за докторомъ и, когда тотъ дѣлалъ поѣздку въ „рубиновыя“ копия (считающимися бадахшанскими), то вышли новыя недоразумѣнія изъ-за придирокъ афганца. Окончательная же ссора, кажется, произошла изъ-за довольно грубой выходки агента, задержавшаго силой докторскаго джигита съ письмами... Какъ бы то ни было, но афганская месть вылилась въ этой исторіи большой злобой на голову Юсуфъ-Али-хана. Она же теперь, хотя и крѣпко замаскированная, отзывалась, сколько могла, и на мнѣ, какъ на соотечественникъ доктора Регеля.

## XI.

Въ свѣдѣніяхъ, приведенныхъ Атабаемъ, кромѣ рассказанной официальной стороны дѣла, была другая половина иного характера. Она касалась вынесеннаго имъ общаго впечатлѣнія о настроеніи жителей. Какъ человекъ, впервые попавшій въ этотъ оригинальный закоулокъ, съ непонятнымъ для него языкомъ, — онъ не могъ точно ориентироваться среди мелькавшихъ передъ нимъ событій. Онъ понималъ только одно несомнѣнное для него обстоятельство, что настроеніе жителей было крайне неровно, ненормально, напряженно; его онъ испыталъ отчасти и на себѣ: такъ, горцы задержали его во время передняго пути, а когда онъ ѣхалъ обратно, то въ послѣднемъ селеніи (Чарпанѣ) видѣлъ, что населеніе было почти все вооружено, занимало караулы, толклось тамъ и сямъ съ своими длинными ружьями. Хотя онъ и слышалъ мелькомъ, будто въ Чарпанѣ было кромѣ того нѣсколько десятковъ афганскихъ солдатъ, но за миролюбивое отношеніе афганцевъ ему ручалось дружеское поведеніе бека.

Чтобы хоть сколько-нибудь разъяснить дѣло, я позвалъ Мирзу.

— Ты знаешь, что рисаладаръ съ афганцами въ Чарпанѣ? — задалъ я ему вопросъ.

— Знаю, господинъ, — отвѣтилъ онъ, измѣнившись въ лицѣ и желая маскировать это принужденной улыбкой. Но вдругъ глаза его прищурились и засвѣтились тѣмъ-то зловѣщимъ. Кроткое, открытое лицо его совершенно преобразилось отъ этого взгляда, и мнѣ показалось, что онъ смотритъ мнѣ черезъ плечо куда-то далеко, хотя передъ нимъ была одна стѣнка палатки.

— Развѣ я скрою отъ васъ что-нибудь?—началь онъ страстнымъ голосомъ.—Помните, вышла путаница изъ-за слуха, будто бегъ ѣдетъ васъ встрѣчать съ почетнымъ конвоемъ? Такъ думалъ простой народъ, потому что хотѣлъ видѣть въ васъ почетнаго гостя нашей страны. На дѣлѣ оказалось, что то былъ рисалидаръ съ тридцатью авганами, шедшій въ Чарпанъ заградить вамъ путь и наблюдать за вами. Вотъ истинная правда. А рассказъ о томъ, что онъ ѣздитъ по селеніямъ и дѣлаетъ описи домамъ—басня... Они васъ страшно боятся, и имъ не до счета теперь! Не вѣрьте ни одному ихъ слову, какъ они не вѣрятъ ни одному вашему. Развѣ я не писалъ имъ настоящую правду? Вы думаете, они повѣрили чему-нибудь? Ха!.. Послѣ моего письма они сейчасъ же выставили караулы...

— А затѣмъ же вооружены жители?—спросилъ Атабай.

— Все это вздоръ—ихъ вооруженіе!—отмахнулся Мирза:—во-первыхъ, авганы этого требуютъ, чтобы усилить свои караулы, а во вторыхъ... что еще можетъ выйти изъ этого вооруженія, одинъ Богъ знаетъ... народъ глупъ, но онъ добрый народъ,—прибавилъ онъ съ глубокимъ убѣжденіемъ, ясно не желая вдаваться въ дальнѣйшія разъясненія.

По уходѣ Мирзы на сцену выступилъ Ходжа-Мамбетъ. Онъ, какъ истый говорунъ-киргизъ, началъ нѣсколько издалева, съ красиваго „предисловія“ и таинственно важнаго тона.

— Господинъ! здѣшній народъ говоритъ сорочьимъ языкомъ, и его понять очень трудно. Послушайте меня!—мудрено заговорилъ Мамбетъ, выдерживая роль солиднаго знатока-совѣтника.—Я давно ихъ знаю, я умѣю стрекотать не хуже любой сороки. Я сижу около нихъ и какъ будто не слышу, но я слышу все...

Я не прерывалъ эту длинную интродукцію, предоставивъ моему оратору высказаться вполне. Я зналъ, что онъ привретъ многое, но для меня дорога была только суть, общій выводъ изъ наблюденій другой стороны.

Выводы Мамбета были какъ разъ противоположны предположеніямъ Атабая. Мамбетъ зналъ навѣрное, что всѣ жители за русскихъ. Народъ оскорбленъ тѣмъ, что меня не пропустили. Жители рады мнѣ служить, но боятся афганцевъ, а главное, боятся того, какъ бы афганцы не затѣяли какой-нибудь коварной штуки. Народъ подозрѣваетъ измѣну, опасается, что афганцы могутъ сдѣлать засаду, нечаянное нападеніе на русскихъ въ горахъ...

— За народъ я ручаюсь своей головой,—закончилъ горячо Мамбетъ, отвѣчая на возраженія Атабая.—Народъ хочетъ собрать человекъ сорокъ вооруженныхъ, чтобы проводить васъ, гос-

подинъ, чтобы оградить отъ хитраго авгана! Если вы вѣрите мнѣ, то повѣрьте и народу. Послушайте, что говорили сейчасъ старшины, собравшіеся у Мирзы... Нужно беречь себя, но беречь отъ авгана, а не отъ жителей...

— Какъ хотите разбирайте! — объявилъ мнѣ въ концѣ-концовъ Атабай по-русски, чтобы Мамбетъ не могъ понять: — мое дѣло было заявить вамъ... Мамбетъ говоритъ другое, а по моему все-таки вѣрить больше можно афганцамъ, чѣмъ этимъ людямъ. Чортъ разберетъ самого Мамбета: вѣдь онъ первый убѣжить, если что случится, а мы ваши, отъ васъ не уйдемъ...

Словомъ, приходилось держаться правила: „береженого Богъ бережетъ“.

Я позвалъ казаковъ, объяснилъ осторожно и кратко о слухахъ, отдалъ распоряженіе о строгомъ караулѣ ночью, приказалъ съ вечера же приготовить все къ выходу завтра, стянуть лошадей ближе и т. п. Повѣрка нашихъ артиллерійскихъ складовъ дала цифру въ 400 бердановскихъ патроновъ при шести винтовкахъ. На всякій случай я приказалъ приготовить для своей двустволки нѣсколько десятковъ патроновъ съ круглыми пулями, а самъ занялся укладкой вещей.

Сверхъ всякаго ожиданія картина съ патронами совсѣмъ особенно подѣйствовала на моего Мамбета. Сидя на колѣняхъ и припавъ къ нимъ локтями, онъ долго слѣдилъ за манипуляціями казака и вопросительно вглядывался въ наши лица, когда мы обмѣнивались какою-нибудь короткой дѣловой фразой.

— Сорокъ, ваше-діе, — объявилъ казакъ.

— Ладно, будетъ и этого, — отвѣтилъ я и мелькомъ взглянул на киргиза.

— Какъ ты думаешь, — обратился я къ нему полушутя потюрески: — довольно сорока человѣкъ убитыхъ изъ одного ружья, или мало?

Онъ былъ пораженъ и разразился рядомъ восклицаній.

— Вы вотъ шутите, господинъ мой, — закончилъ Мамбетъ свою рѣчь: — для васъ это привычная потѣха, а мы иначе смотримъ: за что будемъ пропадать?

— Ты пропадешь только тогда, если измѣнишь намъ, — отвѣтилъ я равнодушно.

— О, начальниѣ! я буду негодной собакой, если не отдамъ за васъ голову... — преобразился Мамбетъ въ преданнаго слугу.

— Тогда будешь цѣль, — улыбнулся я, и на всякій случай приказалъ секретно наблюдать за этимъ болтуномъ.

Надо было полностью выдержать весь этотъ тяжелый искусь.

Очень рано утромъ мы были совершенно готовы къ выступленію, но транспортъ еще не появлялся. На отлетѣ около кустовъ бродила одинокая тѣнь Рахматулли. Я послалъ къ Мирзѣ предупредить его, что сейчасъ приду къ нему прощаться и принесу ему подарки.

Посланный бѣгомъ возвратился ко мнѣ съ убѣдительною просьбой не ходить къ Мирзѣ: онъ самъ сейчасъ явится сюда. Почти вслѣдъ за нимъ, стѣшнѣно пробираясь вдоль небольшого лога, чтобы не быть замѣченными, пришелъ и самъ Мирза. Палатка еще не была убрана, и онъ вздохнулъ спокойнѣе, очутившись подъ ея прикрытіемъ. Но на его лицѣ еще отражалась сложная борьба: торопливость, конфузъ, но болѣе всего испугъ, тотъ сдержанный страхъ, который охватываетъ скрывающагося человѣка.

Не заботясь объ этикетѣ, онъ стѣшнѣно объясниться и убѣжать.

Мирза просилъ извиненія, что не могъ меня принять, и боялся, что я объясню это нежеланіемъ. Онъ былъ бы счастливъ видѣть у себя такого гостя, но на глазахъ у афганца—это рисковано. За Мирзой уже слѣдятъ, какъ за подозрительнымъ человѣкомъ; ходить слухъ, что онъ продалъ мнѣ свой языкъ... Онъ боится, ибо съ афганцами шутки плохи...

Получивъ кучу подарковъ и стѣшнѣно засунувъ ихъ подъ халатъ, онъ приготовился уходить, но задержался. Въ глазахъ у него снова засвѣтился вчерашній злой огонекъ.

— Присылайте сюда поскорѣе солдатъ,—сказалъ онъ, понижая тонъ:—много не надо, довольно одной роты... Вы увидите тогда, что тутъ произойдетъ: въ одинъ день не останется ни одного авгана! Жители, какъ одинъ человѣкъ, поднимутся... Солдатамъ нечего будетъ дѣлать...

Онъ поднялся. Волненіе захватывало ему горло. Глаза блестѣли.

— Право, присылайте... Мы будемъ ждать... Не говорите, что я былъ у васъ,—добавилъ онъ, выходя изъ палатки, скорчился и, какъ воръ, почти бѣгомъ направился къ своей хатѣ.

Уже солнце было высоко, когда изъ-за дальнихъ бугровъ на путнанской дорогѣ показались движущіяся фигуры. Приближались онѣ медленно, сильно растаянувшись по дорогѣ.

Транспортъ состоялъ изъ осла съ выюкомъ, сильно хромою лошади, на которой позади мѣшка, на самомъ крупѣ, сидѣлъ совершенно бѣлый старикъ, припавши грудью на выюкъ и обхвативши его руками; сзади тянулось четверо пѣшеходовъ, съ огромными корзинами за спиной, и самымъ послѣднимъ шелъ патокъ маленькихъ, до нельзя худыхъ барашковъ, немилосердно подгоняемыхъ двумя горцами.

Встрѣчали каждаго изъ нихъ специальными восклицаніями: „А, дѣдушка, привезъ таки! Вотъ съ инакомъ добрался, добрый человѣкъ! Ахъ, молодцы, устали, давай вамъ Богъ!“.

Каждый торжественно останавливался, сваливалъ мѣшокъ, произносилъ привѣтствіе, обтиралъ потъ съ лица и умильно показывалъ на кладь. Началась разборка. Бежъ прислалъ пуда два муки, фунтовъ 30 рису и пучекъ луку. Жители, по приказанію бега, доставили пятокъ барашковъ, нѣсколько чашекъ масла и турсуку кислаго молока. Когда все это сложили въ кучу, то эффектъ пропалъ совершенно — такъ бѣденъ оказался транспортъ. Зная хорошо мѣстныя цѣны, легко было опредѣлить стоимость всего. За доставку я увеличилъ сумму болѣе чѣмъ вътрое, а для политики передъ афганцемъ сказалъ слѣдующую рѣчь:

— Мнѣ доставлены вещи отъ бега и отъ жителей. Цѣнить ихъ я не стану и не хочу. За все искренно благодаренъ и принимаю какъ прощальный достарханъ. Но за доставку этихъ вещей я хотѣлъ бы отплатить (я зналъ, что здѣсь все хозяева) и прошу старшину раздѣлить вотъ это.

Атабай протанулъ полныя пригоршни бухарскаго серебра, и оно посыпалось въ полу старшинскаго халата.

Признаюсь, я никакъ не ожидалъ, чтобы это произвело такой восторгъ, такое чарующее дѣйствіе. Усталые и запыленные оборванцы, стоявшіе до сихъ поръ въ недоумѣніи, превратились въ рѣзвыхъ дѣтей, загудѣли на разные голоса, замахали руками, дѣлали мнѣ азіятскіе книксены и въ припрыжку окружили старшину, заглядывая въ халатъ и разыгрывая ребятишекъ передъ дѣлежкомъ пряниковъ.

Но на кого сильно подѣйствовало серебро — это на Мирзу. Онъ воодушевился, перебѣгалъ отъ группы къ группѣ, объяснялся на трехъ языкахъ, повторялъ мои слова, комментировалъ и, видимо, былъ болѣе всѣхъ доволенъ этой сценой. „Вотъ, посмотрите, какой это начальникъ, какъ онъ щедръ къ бѣдному народу, какъ онъ цѣнитъ трудъ простого мужика!“ такъ выражалось само собою его настроеніе, и въ тайнѣ навѣрное подчеркивалась еще одна фраза: „Это не то, что афганцы!“.

Онъ подскочилъ, наконецъ, ко мнѣ.

— Господинъ! это очень, очень хорошо вы поступили, — сказалъ онъ съ чувствомъ: — народъ, бѣда, какъ доволенъ вами.

— Я сдѣлалъ только должное, — отвѣтилъ я спокойно и обернулся къ Рахматуллѣ.

Онъ стоялъ въ той же самой позѣ, какъ въ началѣ — руки на бедрахъ, одна нога на отлетѣ и съ той же безкровностью въ

лицѣ смотрѣлъ на происходившее кругомъ. Въ его безучастномъ взглядѣ сквозило крайнее пренебреженіе ко всемъ этимъ людямъ, которыхъ онъ считалъ, конечно, гадинами.

— Рахматулла поѣдетъ со мной и будетъ меня провожать до границы?—спросилъ я.

— Нѣтъ, — процѣдилъ онъ. — Я не имѣю приказаній. Мнѣ вѣрно было ѣхать только до Сардыма.

Онъ попросилъ дать ему мою собственноручную записку и непременно по-русски.

— Тамъ прочитаютъ, пояснилъ онъ.

Трудно было этому вѣрить, и я полагаю, что ему нуженъ былъ только такой вещественный знакъ, который несомнѣнно доказывалъ бы, что онъ получилъ его отъ меня. Я написалъ.

Искренно простившись съ Мирзою, я быстро поѣхалъ догонять व्यюки, подходившіе уже къ ущелью Тукузь-булака. Черезъ нѣсколько минутъ меня догналъ на крупномъ галопѣ афганецъ. Онъ замѣчательно мастерски держался на лошади, сидя глубоко въ сѣдлѣ на длинныхъ стременахъ. Подъѣзжая ко мнѣ, онъ форменно красиво приложилъ руку къ салтѣ и сдѣлалъ военный полуборотъ грудью въ мою сторону. Несмотря на всю безстрастность его лица, на хмурый взглядъ, онъ положительно былъ красавецъ въ своей настоящей роли кроваваго кавалериста.

Начались бугры и овраги. Мы поѣхали шагомъ. Мнѣ показался оригинальнымъ способъ Рахматуллы носить ружье за плечами — стволомъ внизъ, такъ что весь прикладъ торчалъ выше плеча. Я спросилъ — по формѣ ли онъ носитъ такъ ружье или изъ простаго удобства. Мой вопросъ передали ему черезъ цѣлый рядъ провожавшихъ меня туземцевъ и, наконецъ, черезъ старшину.

— Я ношу такъ ружье потому, что его носилъ такимъ mannerомъ пророкъ Али, съострилъ кавалеристъ, — отвѣчая туземцамъ и видимо не понимая, что вопросъ былъ сдѣланъ мною.

Въ толпѣ горцевъ послышался ропотъ на ихъ родномъ языкѣ. Мамбетъ перевелъ:

— Вотъ, собака, поганый авганъ, какъ онъ издѣвается надъ нами алійцами!..

Вскорѣ мы разстались.

Проѣхали густой тугай, прошли самое узкое мѣсто ущелья, пересѣкли впадающій слѣва ручей Дузахъ-дара, по которому существуетъ переваль на Шахдару, и втянулись въ однообразную долину Тукузь-булака съ быстрымъ потокомъ и зарослью вдоль береговъ.

Начался походъ.

Шугнанъ не удался. Жаль было уходить изъ этой оригинальной и такъ мало извѣстной страны, уходить послѣ того, какъ столько было затрачено труда, времени и хлопотъ, когда уже переступилъ порогъ завѣтнаго уголка. Но такова ужъ Азія... Или же въ этомъ случаѣ виновата не Азія (давно ли въ томъ же Шугнанѣ экскурсировалъ д-ръ Регель), и даже на чисто ученыхъ изысканіяхъ отзывалась та страстная политика недовѣрія, которая создала традиціонный антагонизмъ Англіи и Россіи?

## ХІІ.

На Тукузъ-булакѣ мы снова встрѣчались съ несомнѣнными слѣдами недавней культуры и можемъ указать цѣлый рядъ бывшихъ поселеній. Всѣ они тянутся по правому болѣе просторному берегу ущелья, располагаясь какъ и ранѣе, на древнихъ ледниковыхъ образованіяхъ.

Дорога моя какъ разъ тянулась по правой сторонѣ, переходя отъ развалины къ развалинамъ, отъ одной брошенной пашни къ другой. Въ одномъ мѣстѣ (какъ, напр., Ношорташъ) встрѣчаешься съ очень обширнымъ поселеніемъ, видимо разореннымъ и брошеннымъ довольно давно. Въ другомъ (каковъ Ак-тайлякъ), напротивъ, слѣды жизни свѣжи: ясно видны остатки домовъ, даже фундаментъ кургана или кирпича. И дѣйствительно, селеніе это помнить хорошо мой проводникъ Ходжа Мамбетъ; оно разрушено не болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ и было населено какъ таджиками, такъ и киргизами. Судя по мѣстоположенію, селеніе дѣйствительно должно было быть „веселымъ“, какъ характеризовалъ его Мамбетъ. Расширенное ущелье, густой тугай по руслу, безъ сомнѣнія, составляли украшеніе мѣстности.

Выше по рѣкѣ встрѣчаемъ „горячіе ключи“ (Иссы-булакъ), когда-то славившіеся и своей цѣлебной силой, и мазаромъ возлѣ нихъ, и мѣстомъ ночлега для проезжающихъ (рабать). Теперь отъ всего того, что видѣлъ Мамбетъ, остались едва замѣтные, жалкіе слѣды. Только ключи бьютъ по старому, попрежнему горячи, но все кругомъ нихъ затянута тиной, едва сохранилась какая-то стѣнка, никто уже не приходитъ къ нимъ лечиться <sup>1)</sup>...

<sup>1)</sup> Измѣрять температуру источниковъ я не могъ, ибо имѣвшійся у меня термометръ соответствовалъ лишь 55°С. и наполнялся весь ртутью въ моментъ погруженія. Судя по этой быстротѣ и по ощущенію руки, температура должна быть около 70°С. На обширномъ и тонкомъ солонцѣ, окружающемъ ключи, значительныя выдѣленія углекислыхъ солей, но количество сѣри. водорода не должно быть велико, хотя за-

Послѣднія старыя пашни мы видимъ на значительной высотѣ въ 12,200 фут. абс. высоты <sup>1)</sup>. Пашни эти принадлежали киргизамъ, кочевавшимъ на сосѣднихъ степяхъ Памира, именно, въ верховьяхъ ущелья Сазъ-гоу, въ окрестностяхъ оз. Турумонтай-кули. Если вѣрить словамъ Мамбета, тамъ собиралось „до тысячи кибитокъ“, хотя вѣрнѣе будетъ считать эту фразу просто соответствующей неопредѣленному выраженію „много“.

Вскорѣ за этими послѣдними полями приходится проѣзжать оригинальной тѣсвиной съ гигантскимъ обваломъ горы, гдѣ, какъ на первомъ мудреномъ мѣстѣ у входа съ Памира въ живую долину Тукуза, стоялъ въ былое время постоянный караулъ, отъ котораго осталось нѣсколько стѣнокъ и непремѣнныхъ сторожевыхъ столбиковъ, сложенныхъ изъ камня.

Тукузская долина представляетъ наиболѣе полную картину разрушенія царствовавшей здѣсь когда-то жизни, и жизни мирной, земледѣльской, — жизни, добытой огромнымъ и упорнымъ трудомъ, доведенной до самаго крайняго предѣла, какой только допускала суровая природа. Видѣть причину разоренія только въ одномъ внутреннемъ насиліи, въ притѣсненіяхъ со стороны своихъ хановъ — врядъ ли будетъ вполне справедливо. Безспорно, что и собственные правители — хотя бы тотъ же Юсуфъ-Али — много способствовали гибели тукузской культуры. Но также несомнѣнно, что главной силой, истребившей эти селенія, была война. При всякомъ враждебномъ столкновеніи съ народами, жившими за Памиромъ, Шугнанъ терпѣлъ прежде всего въ своей пограничной полосѣ, по линіямъ тѣхъ трехъ путей, которые вели съ Памира въ Бариянжу: по Шахдарѣ, Тукузу и Гунту. На первыя селенія дѣлались набѣги, здѣсь бушевала баранта имущества, здѣсь же забирались еретики въ рабство. Помимо того, тутъ же шла непрерывная мелкая война съ кочевавшими на Памирѣ независимыми киргизами, съ этимъ жителемъ „междоцарствія“, съ этимъ представителемъ дикой степной баранты, забравшимся на „самую высокую крышу“ въ мірѣ, въ середину мирныхъ земледѣльцевъ. Чтò не успѣла сдѣлать война, то додѣлывалъ памирскій дикарь; чего не могли достигнуть цѣлыя полчища народовъ Азіи въ

шахъ его среди властныхъ топей и довольно чувствительнѣ. Со дна поднимается масса пузырей. На вкусъ въ водѣ врядъ ли существуетъ много щелочн. солей, и вѣроятно значеніе ключей было главнѣйше термальное.

<sup>1)</sup> Это наивысшій предѣлъ, до котораго здѣсь достигала полевая культура. Припомнимъ, что на Гунтѣ у Айрана она была на 11,500 ф., на Мургабѣ 10,600 ф., на Ваханѣ въ Саратѣ 10,900 ф.

своихъ великихъ и страшныхъ передвиженіяхъ, то доканчивалъ рѣдкій киргизъ, зацѣпившійся какъ-то на пустынномъ Памирѣ.

Есть данныя, заставляющія вѣрить показаніямъ жителей, что еще сравнительно недавно многія мѣстности Памира, теперь совершенно пустынные, служили кочевьями значительнымъ киргизскимъ родамъ, и что только послѣ цѣлаго ряда послѣдовательныхъ военныхъ предпріятій киргизъ былъ отчасти изгнанъ, отчасти истребленъ <sup>1)</sup>. Слѣдъ этого киргиза остался, между прочимъ, и въ наглядныхъ картинахъ разоренія восточнаго Шугнана. Наконецъ, не забудемъ и другую сторону—самихъ пограничныхъ шугнанцевъ. Если беспорядочность управленія отзывалась на центральныхъ областяхъ ханства, то на окраинахъ система произвола, безправія и распущенности должна была отразиться въ полной мѣрѣ. Предоставленные собственной защитѣ отъ нападенія барантачей, жители окраины невольно пріобрѣтали полунезависимое положеніе пограничныхъ поселеній. Наученные горькимъ опытомъ, что вооруженный набѣгъ, насиліе, измѣна даютъ самые легкіе и наглядные барыши, они усваивали себѣ то полуразбойничье поведеніе, которое не соотвѣтствовало мирнымъ занятіямъ земледѣльца. „Воспользоваться случаемъ“, какъ по отношенію къ сосѣднему вольному киргизу, такъ и по отношенію внутреннихъ ханскихъ затрудненій—дѣлалось привычкой. Алармистскій тонъ начиналъ преобладать. Выдвигались военные предводители, а съ ними и многочисленные самолюбія, самосуды, мелкія партіи. Самоуправство наложило руку на торговые караваны, взыскивая съ нихъ свои пошлины... Ханы далеко не всегда могли и умѣли сдерживать произвольныя выходки такихъ предводителей, а нерѣдко и сами заискивали въ нихъ, смотрѣли сквозъ пальцы на самоуправство, или даже прямо поощряли, пользовались такими партизанскими продѣлками, направляя ихъ противъ своихъ недруговъ. Если же временами и предпринималось ханами „усмиреніе мятежниковъ“, то всегда имѣло исключительную цѣль: взысканіе значительной пени, т.-е. граничило опять таки съ разореніемъ окраины.

Мира, прочнаго мира не хватало на границѣ „высокой крыши“. Желоба подгнивали и рушились. Ставить подпорки, возобновлять

<sup>1)</sup> Показанія многихъ путешественниковъ, будто они встрѣчали на Памирѣ развалины бывшихъ селеній, я считаю положительно невѣрными, ибо всѣ тѣ немногія развалины, которыя попадаются на Памирѣ, есть не болѣе, какъ разрушенные надгробные памятники или станціонные дома (рабаты). При всемъ вниманіи я нигдѣ не могъ найти даже намековъ на селенія—ни въ смыслѣ осѣдложъ, ни въ значеніи зимовокъ. Единственная бытъ можетъ развалина будетъ при устьѣ Акбайтала, да и та представляетъ военный курганъ.

строение среди этой бедности природы охотниковъ было мало. Наконецъ, предѣлы были преилены, и жители разбѣжались: первыми ушли киргизы, за ними потянуль черезъ пустыню и таджикъ — въ Кашгаръ, въ Коканъ; лишь немногіе остались вѣрны роднѣ и выселились съ окраины внутрь Шугнана, но это были рѣдкіе осколки...

Такъ погибъ Тукузъ. Также погибли Гунтъ и Шахдары. И сколько сотенъ лѣтъ пройдетъ еще, когда тѣснота внутри и сравнительное спокойствіе на окраинѣ снова призовутъ сюда трудолюбиваго герца, который одними своими руками вновь создастъ здѣсь мирную жизнь осѣдлаго человѣка, вновь обратитъ эту пустыню въ „веселый“ поселокъ, въ доброе поле съ живительнымъ арыкомъ? Тогда пригодится и коренной Памиръ съ его роскошными лугами, съ его просторомъ ковыльныхъ пастбищъ: тамъ будутъ лѣтомъ воевать обширныя стада окрестнаго горскаго населенія...

Но это все мечты, далекія, очень далекія фантазіи.

Дѣйствительность же задавала совсѣмъ другія задачи, преимущественно мелкаго свойства. Нужно было „беречься“, т. е. помнить, что мы можемъ вѣрить только въ себя и потому должны быть внимательны ко всѣмъ подробностямъ. Нужно было беречь лошадей и не дѣлать въ первый день послѣ долгой остановки большого перехода (мы остановились въ 16 вер. отъ Сардыма, на мѣстѣ послѣдняго бивака Путаты), а на другой день за то пройти все ущелье до выхода на степной Памиръ. Съ перваго ночлега я послалъ Ахуна назадъ въ Сардымъ за оставленнымъ тамъ башлыкомъ.

На завтра выступили тѣмъ свѣтъ, шли безостановочно весь день, сдѣлавши привалъ не болѣе часу. Но вотъ и ближе къ концу ущелью. Теперь уже разныя „догадки“ теряли большую часть своего значенія. Можно быть увѣреннымъ, что мы обезпечены отъ всякихъ засадъ и обходовъ. Можно отказаться отъ военной роли передового развѣзда и спокойно любоваться природой, вглядываться въ детали, неимѣющія ничего общаго съ боевою опаскою.

Поздно вечеромъ мы дошли до выхода изъ горъ, до послѣдняго небольшого подъема къ степному пространству, составляющему водораздѣлъ Тукузъ-Булака, Шахдары и Алигура. Оставалось всего версты три до Кой-Тезека—перевала на Аличурскую сторону.

На послѣдней тѣсной площадкѣ наменистаго оврага, по которому бѣжалъ съ шумомъ головной ручей Тукуза (близъ устья пра-

ваго его протока Упалы), мы разбили свой бивакъ. Переходъ къ Памиру чувствовался сразу: на высотѣ 13,280 фут. обнимало холодомъ; даже въ оврагѣ врывался рѣзкій вѣтеръ. Послѣдніе убогіе кустики лозняка остались въ сотнѣ саженей ниже, и вокругъ насъ царствовала лишь травянистая растительность. Съ послѣдними лучами солнца быстро упала температура: въ 9 час. в. было только  $+4^{\circ}$  С., а къ ночи морозъ достигъ  $-5^{\circ}$  С.

Уже темнѣло, когда снизу между камнями показалась голова въ салтѣ, за ней другая, третья, четвертая, пятая. Въ бинокль мы узнали знакомцевъ: Ахуна, Рахматуллу, Аксакова и двоихъ туземцевъ. Они остановились не вдалекѣ отъ насъ, и вскорѣ Ахунъ доложилъ всѣ подробности: проводивъ насъ, Рахматулла послалъ нарочнаго къ рисалядару и къ утру получилъ приказаніе проводить меня „до границы“, поэтому и пріѣхалъ.

Рахматулла отправился на Памиръ, какъ младенецъ: въ той же курточкѣ, въ которой выѣхалъ изъ Барпянжа, безъ куска пищи. Но форсить подобнымъ образомъ на „крышѣ міра“ безнаказанно было нельзя, и Памиръ съежилъ афганца до того, что онъ наконецъ не выдержалъ—пришелъ къ Ахуну и выпросилъ у него суконный халатъ.

Ахунъ, какъ истый горецъ да еще съ прелестной шубой, торжествовалъ.

— Пробрало афгана, замерзнетъ онъ ночью,—хохоталъ житель подснежной полосы:—хорошо тебѣ тамъ было, чортъ афганъ! нѣтъ, ты вотъ у насъ здѣсь покрутись...

Но, не смотря на это злораство, тотъ же Ахунъ не выдержалъ и напоилъ афгана чаемъ (пищу пріѣхавшіе, конечно, получили отъ отряда).

— Чортъ съ нимъ: пускай помнитъ русскихъ! — объяснял мой зеравшанскій таджикъ.

Чѣмъ свѣтъ утромъ мы уже были готовы.

Морозъ въ 6 ч. еще держался  $-4^{\circ}$  С., облѣпивши весь ручей иглами и сосульками. Въ 7 ч., съ восходомъ солнца, термометръ показывалъ  $0^{\circ}$ . Рахматулла для развлеченія выпалилъ изъ своего ружья въ какую-то птицу.

Когда я тронулся, онъ вскорѣ догналъ меня на галопѣ, и также молча и безстрастно, какъ третьяго дня, приложилъ руку къ тюбану.

Черезъ полчаса мы были на перевалѣ Койтезекъ. Я остановилъ отрядъ.

Койтезекъ — перевалъ чисто памирскаго типа: это плоскій, открытый водораздѣлъ, степь въ 14,000 фут. н. у. м., очень

любимая архарами, какъ пастбище. Къ югу отъ него ровно, однообразно поднимается подспива свѣговой Памирской горной цѣпи, бѣлые и массивные пики которой лежатъ отсюда верстахъ въ восьми. Изъ нихъ собираетъ свои воды руч. Тукузъ. Къ северу открывается просторная озерная долина Кара-дюмеръ (торфяная), приводящая въ своемъ низовѣ къ Аличурскому Булюнъ-кулю, сосѣду Яшилъ-куля. Передъ нами и вокругъ насъ былъ просторный, высокий, хорошо намъ знакомый Памиръ. Назадъ — быстро сбѣгающая внизъ темная горная трещина пройденнаго Тукуза.

— Здѣсь, на этомъ перевалѣ, кончается граница Шугнана, — обратился я къ афганцу и аксакаламъ: — далѣе идетъ божій Памиръ. Хозяинъ на немъ тотъ, кто пришелъ раньше. Я пришелъ сюда первый, и этотъ Памиръ мой. Какъ вы мнѣ не позволили пройти чрезъ шугнанскія владѣнія, такъ и я запрещаю вамъ ѣхать далѣе. Вы должны возвратиться. Владѣтель Памира — я.

Провожавшіе, кажется, этого не ожидали: они хотѣли непременно знать, куда я направляюсь, хотѣли проѣхать отсюда къ Яшилъ-кулю, гдѣ около Бураманъ-бели теперь долженъ стоять съ отрядомъ рисалдаръ, который приказалъ имъ доставить свѣденія о моемъ маршрутѣ.

— Куда я поѣду, я не знаю: Памиръ великъ, и дорогъ много, — отвѣтилъ я, не обращая вниманія на то, что дипломаты проболтались о „дружескомъ“ пикетѣ на Бураманѣ. — Скажите беку, что вы проводили меня до вашей границы, и что далѣе я самъ знаю дорогу. Прощайте. Торопитесь возвратиться — путь не близкій.

Рахматулла не измѣнилъ себѣ и остался также непроницаемъ, хотя, очевидно, понималъ меня хорошо. Онъ поднялъ руку къ тюрбану и процѣдилъ:

— Господинъ дастъ мнѣ записку.

— Опять по-русски? — улыбнулся я.

— Да, непременно: безъ долженъ видѣть, что я былъ при васъ.

Я написалъ на клочѣхъ нѣсколько словъ карандашомъ и тронулъ отрядъ.

Мы стали бодро спускаться по мягкой пологой дорогѣ среди веселыхъ луговъ. У казаковъ послышались шутки въ сторону провожатыхъ. Неизмѣнный Свиридовъ черезъ пять минутъ уже заливался длинной сибирской пѣсней, такой же просторной, перекаистой, далеко уходящей и независимой, какъ Памиръ. Свѣжо звенѣла она въ утреннемъ воздухѣ и также свѣжо отзывалась въ

душѣ. Что-то необыкновенно ясное, отзвучивое слышалось мнѣ въ ней: какъ будто все разрѣшала эта пѣсня, сваливала начисто всю скучную и ненужную дипломатію, развязывалась съ путанными пустяками. Добрый молодецъ встряхнулъ буйной головою и однимъ ударомъ кудрей покончилъ съ прошлымъ. Передъ нимъ быть просторъ и простота божьяго Памира, надъ которымъ неслась простодушная русская пѣсня. „Прошло—и слава Богу, и толковать нечего, а что впереди Богъ пошлетъ—тогда видѣе будетъ“,—говорила мнѣ эта пѣсня, и успокаивала, охватывала свѣжестью и миромъ. Проще жить лучше...

А сзади насъ, на перевалѣ, стояла недвижно, нерѣшительно кучка чужихъ людей и смотрѣла намъ въ слѣдъ. За маленькимъ поворотомъ и пониженіемъ дороги буторъ скрытъ отъ насъ афганца съ его спутниками. Черезъ нѣсколько времени ненадолго показались ихъ головы и опять пропали.

Вопросъ подковъ, однако, стоялъ передо мной во весь ростъ; къ нему примѣшивался и хлѣбный, ибо афганскаго „провіанту“ было крайне мало. Я долженъ былъ торопиться въ Рошанъ, и теперь предстояло рѣшить, какой дорогой пройти въ с. Серезъ: прямо ли, черезъ пер. Б. Марзянай, или въ обходъ отъ р. Акбайтала. За первый была близость — я могъ дойти въ три дня, тогда какъ второй былъ втрое длиннѣе. Но за то первый былъ сплошь каменный, и я могъ разстроить обозъ. Кромѣ того, — а если афганцы (хотя и мало вѣроятно) проникли уже въ Серезъ? Если они заставятъ меня вернуться еще разъ черезъ Б. Марзянай?

Къ разнымъ сомнѣніямъ Мамбетъ съ большой ловкостью прибавилъ и соблазны для другого пути: въ устьи Акбайтала теперь центръ осеннихъ киргизскихъ кочевьевъ, и мы достанемъ подковъ, достанемъ кузнеца. Дорога все время мягкая.

Я рѣшилъ за послѣднее. Мамбетка чуть не выпрыгнулъ изъ сѣдла отъ радости. Оказалось, что въ его аулѣ свадьба, и мы приѣдемъ какъ разъ вовремя, къ „тою“ (къ празднику).

Не стану рассказывать ни о дорогѣ до Акбайтала, ни о томъ, какъ рѣзко свернулся къ зимѣ. Аличуръ въ эти двѣ недѣли, въ которыя я его не видѣлъ; ни о томъ, какъ мы дѣлали подковы изъ стараго желѣза, каковъ былъ „той“ съ глупыми скачками; сколько хлопотъ стоило мнѣ договориться съ киргизомъ насчетъ дальнѣйшаго сопровожденія меня Мамбетомъ и проч., и проч., неотносящееся къ Шугнану.

Упомяну лишь объ одномъ, что встрѣтило меня передъ самымъ выходомъ къ р. Мургабъ.

Еще на выѣздѣ изъ Сардыма мнѣ передали смутный слухъ,

что Путятю „не пустили“ и онъ „возвратился“... Я былъ въ полномъ недоумѣнн: кто и куда не пустилъ, куда возвратился? Я сильно не довѣрялъ этому неясному слуху... И вотъ, версты за три до выхода на Мургабъ, передо мной появляются три хромыхъ лошади и на нихъ два мусульманина — одинъ изъ трехъ переводчиковъ Путяты, Миразисъ, и погонщикъ.

У меня сердце упало, когда я увидѣлъ это печальное шествіе: „Съ шопральскими отдѣломъ несчастье“, ударила меня первая мысль.

Благодаря Бога, были только однѣ неудачи.

Вполнѣ довѣрившись словамъ ваханскихъ властей, дозволивъ заманить себя въ ловушку и затѣмъ вынужденный сѣбно отступать вмѣстѣ съ бѣгущимъ населеніемъ по опасной карнизной дорогѣ, отрядъ Путяты вытерпѣлъ за это время тяжелыя испытанія. Много было серьезныхъ потерь, поломокъ и подмочекъ, еще больше насады и утомленія. Все это вмѣстѣ сдѣлало то, что отрядъ оказался обезсиленнымъ: лошадишибо подбиты и большинство хромыхъ (безшодовые), хлѣба никакого, продовольствіе поддерживалось на Памирѣ охотой. Миразисъ съ погонщикомъ посланы Путатой впередъ, со днями на верхнемъ Алигурѣ, въ Серезъ для покупки хлѣба, куда должны были явиться снова подъ видомъ купцовъ. По словамъ Миразиса, ихъ отрядъ долженъ былъ прійти къ Мургабу не скоро, ибо обозъ крайне обезсиленъ.

Эти свѣденія заставили меня поспѣшить выходомъ, чтобы не терять напрасно двухъ дней въ ожиданіи Путяты и поскорѣе добраться до хлѣбнаго Сереза. Миразиса, конечно, туда я не пустилъ, ибо теперь я хорошо зналъ, какъ удачно онъ разширивалъ „кашгарскаго купца“, ѣдившаго въ Сардымъ за хлѣбомъ.

Оставивъ письмо. Путятѣ и приказавъ Миразису заготовлять угли для кузницы, я выступилъ тотчасъ же, какъ только перековалъ лошадей.

### XIII.

Дорога отъ устья Акбайтала въ Серезъ, смотря по времени года, сильно измѣняется: въ началѣ зимы, когда крѣпкіе морозы сковываютъ Мургабъ льдомъ, а снѣжные заносы еще не велики, она направляется вдоль самой рѣки. Въ другое время ходу здѣсь нѣтъ. Ущелье дозволяетъ ѣхать только верстъ 30. Другая обходная дорога идетъ параллельно Мургабу верстахъ въ 15—10 отъ него въ сѣверу, отдѣленная Мургабскими высокими и скалистыми горами. Черезъ 115 верстъ она выходитъ на Мургабъ, откуда

до Сереза останется верстѣ 110. Обходная дорога проходима во всякое время года, но Мургабская часть только въ низкую воду. Въ половодье Мургабъ настолько глубока и быстрѣ, что переправы черезъ него немислимы. Въ сибирскія зимы заносы мѣстами такъ велики, что совершенно отрѣзаютъ Рошанъ отъ остальнаго міра. Время моего движенія (28 августа) было навѣрзъ благопріятнымъ.

Обходная дорога направлялась сперва долиной Пшарта, правяго притока Акбайтала. Путь здѣсь хорошій — и незамѣтно поднимается къ перевалу въ 14,700 ф. Долина Пшарта извѣстна среди киргизовъ здоровымъ климатомъ, а главное, своими ковыльными пастбищами, и лѣтомъ полна кочевьями. Линія мелкаго ручья дѣлитъ ее вдоль на двѣ части: правая сторона занята аулами одного киргизскаго подрода (Теитъ), лѣвая — другого (Гадырша). За Пшартомъ мѣстность сразу измѣняется: ущелья узки съ быстрымъ паденіемъ, горы совоимъ насаждаютъ и часто образуютъ тѣсныя. Все пустынно, дико, тропочка то и дѣло пропадаетъ, переходы со стороны на сторону черезъ ручей безпрестанны. Камня, обваловъ, загроможденій множество. Вскорѣ, уже на высотѣ 13,700 фут., появляются кусты вереска (*Miricaria*), а на 13½ т. ф. первый ивнякъ, что сравнительно съ сосѣднимъ степнымъ Памиромъ составляетъ рѣзкую разницу въ цѣлую тысячу футовъ относ. высоты<sup>1)</sup>. Безъ сомнѣнія, болѣе высокое положеніе здѣсь кустарной зоны зависитъ отъ закрытой мѣстности среди тѣсныхъ и высокихъ горъ, что спасаетъ растительность отъ вліянія рѣзкихъ памирскихъ вѣтровъ.

Подробное описаніе этого интереснаго пути увело бы меня слишкомъ далеко отъ программы моего настоящаго очерка. Горная мѣстность такъ богата своеобразными картинами. Тутъ на каждой верстѣ встрѣтишь что-нибудь новое, оригинальное. Контрасты такъ неожиданны. Вслѣдъ за уютнымъ, милымъ уголкомъ, полнымъ идиллической прелести, полнымъ ласки во всѣхъ мелочахъ, — словно по прихоти пылкой фантазіи, вступаешь въ дикую мрачную трещину съ гигантскими голыми стѣнами, съ хаосомъ страшнаго обвала, съ безпорядочнымъ ручьемъ, гдѣ все время косяшься на верхніе зубья и башни, грозящіе обрушеніемъ, или внимательно предостерегаешь лошадей отъ паденія среди камней, загромодившихъ рѣчку...

Особенной дикостью дышетъ тѣснина Апакаъ, гдѣ ручей дѣ-

<sup>1)</sup> На степномъ Памирѣ, напр., у Ямалъ-куна, верхній предѣлъ ивняка лежитъ на 12½ тис. ф.

даетъ два раза поворотъ подъ прямымъ угломъ, обтекая грандиозную гору правой стороны, отвѣсно бросающую къ самому ручью свои склоны изъ голаго камня и тѣхъ обломочныхъ отложений, которымъ всего приличнѣе называться „шапчатыми“<sup>1)</sup>. Глубокій размывъ узкими логами и трещинами еще болѣе увеличиваетъ дикую красоту и величіе этой стѣны-горы, украшенной наверху сказочно причудливыми остріями, шипами, столбами съ шапками, призмами и массой разнообразныхъ зубцовъ, невольно бросающихся въ глаза среди другихъ горъ еще издали съ пер. Пшартъ, за 17 верстъ разстоянія. Путь мимо горы лежитъ чересчуръ близко; подходя къ самой стѣнѣ или удаляясь всего десятка на три сажень. Это давитъ еще сильнѣе; воистину „шапка валится“, смотря на гору снизу, и съ каждымъ шагомъ открываются все новые и новые варианты въ формахъ и сочетаніяхъ тѣхъ фигуръ, которыя толпятся на ея круто-поднимающемся гребнѣ... Дичь, коренная, первозданная, и потому такая увлекательная.

А слѣва все время тянется, строгая своимъ однообразіемъ и простотой, острая цѣпь Мургабскихъ горъ, украшенная вдоль линіи гребня цѣлымъ рядомъ мелкихъ глетчеровъ, напоминающихъ о былыхъ временахъ грандиознѣйшаго ледниковаго покрова на Памирѣ, о тѣхъ, быть можетъ, величественныхъ временахъ, о которыхъ не вымерла народная память и запечатлѣлась въ Зендъ-Авестѣ подъ именемъ первой великой зимы, насланной злымъ Ариманомъ на центральную чудную и счастливую арийскую землю Веды...

Врядъ ли не той же ледниковой дѣятельности обязано и самое образованіе обходнаго ущелья, которымъ я двигался теперь до выхода на Мургабъ.

Съ Апака вдоль ущелья начинается древесная поросль, которая усиливается и дѣлается разнообразнѣе по мѣрѣ движенія на западъ. Съ 12,700 ф. появляется береза, а вскорѣ и арча (древесный можжевельникъ). Для здѣшнихъ мѣстъ я не знаю сочетанія древесной растительности, лучшаго противъ этихъ деревьевъ. Когда стройная березка, то веселая, то меланхолическая, съ бѣлой

<sup>1)</sup> Они образуются изъ обломковъ различной величины, сцементированныхъ болѣею частью глинкой и пескомъ. При выѣтриваніи и размывѣ образуются глубокіе, почти отвѣсные овраги и столбы. Если наверху такого столба окажется большой камень, то онъ, какъ зонтикъ, предохраняетъ отъ дождя лежащій подъ нимъ матеріалъ и въ концѣ концовъ получается нѣчто въ родѣ гриба или столба въ шапкѣ. Шапки эти, по большей части, встрѣчаются цѣлыми группами, часто весьма красиво и оригинально комбинированными.

корой и прозрачной, горящей на солнцѣ листвою, стоитъ рядомъ съ темной, непроглядной арчевой хвоей на коренастомъ спирально скрученномъ стволѣ и грубыхъ вѣтвяхъ, — тогда каждое изъ этихъ деревьевъ рисуется отчетливѣе, какъ бы дополнили и выделяли другъ друга. Лѣсъ изъ арчи, какъ и всякій хвойный лѣсъ, смотритъ слишкомъ мрачнымъ, тяжелымъ; березовая роща кажется черезъ-чуръ жидка, однообразно свѣтловата. А вмѣстѣ они вдругъ оживаютъ: березка дѣлается игривѣе, новелливѣй; арча тоже ласково улыбается, чувствуя близость этой живой свѣжести; лучъ свѣта становится инымъ, дрожить и радуется средь стройныхъ вѣтокъ и мелкозубыхъ листиковъ березы, и мягко делается густыми тонами по бахромѣ тяжелой хвои.

Къ сожалѣнію, и то, и другое дерево мало-по-малу истребляются здѣсь довольно сильно неправильной рубкой, и хорошие экземпляры встрѣчаются все рѣже и рѣже. Больше страдает береза, какъ матеріалъ чаще требующійся (арча годится только на постройки).

На дорогѣ до Мургаба отмѣчу два значительныхъ ущелья, впадающіе справа въ Кизиль-агылъ: Сассыкъ (вонючее) и Сауъ (холодное). Оба они выбѣгаютъ съ сѣвера въ видѣ серьезныхъ потоковъ. Ущелья схожи одно съ другимъ: головы ихъ сильно развѣтвляются и имѣютъ вверху ледники; длина ихъ отъ 30 до 40 верстъ; общее впечатлѣніе — суровая дивость. Черезъ верховье Сассыка есть переваль на верхній Акбайталъ; черезъ низовье Саука — выходъ къ Мургабу.

Ворота на Мургабъ очень оригинальны и выходъ на нихъ весьма труденъ. Ложе р. Саука лежитъ на нѣсколько десятковъ сажень выше Мургаба (болѣе 30), и на краю заканчивается барьеромъ изъ гигантскихъ валуновъ древней морены, которая образуетъ плотину небольшого озера. Прорвавшись черезъ эту плотину, ручей ниспадаетъ красивымъ крутымъ каскадомъ и затѣмъ разбѣгается многими рукавами между густой зарослью, образовавшейся въ его дельтѣ. На той сторонѣ Мургаба, прямо надъ рѣкою, высится (около 20,000 ф.) красивая пирамидальная гора съ снѣговой верхушкой и крутыми скалистыми склонами, образующими выше этого мѣста странную, непроходимую тѣснину на Мургабѣ.

Вторая половина пути до Сереза, т.-е. мургабская, весьма трудно поддается описанію. Будемъ ли мы чертить общую схему дороги, вдадимся ли въ многочисленныя детали — тому, кто не знаетъ дикихъ, трущобныхъ горъ, будетъ непонятна наша дорожная панорама. Только длиннымъ рядомъ художественно исполнен-

ныхъ рисунковъ и фотографій можно бы было ознакомить, до нѣкоторой степени, съ подробностями и общимъ характеромъ тѣснины Мургаба.

Путь до Сереза на всемъ протяженіи 100 слишкомъ верстъ зыбистой рѣчки представляетъ безконечный рядъ скалъ, обваловъ, осыпей, обрывовъ, подъемовъ, спусковъ, востогоровъ, переправъ и, наконецъ, множество всякихъ затрудненій. Камень, нескончаемый камень во всѣхъ видахъ вдоль всего пути, камень тяжелый, трудный, опасный, неодолимый камень. „Карнизъ“, т.-е. дорога приступомъ вдоль обрыва или крутого востогора, „балконъ“—висячая дорога, полка, перекинутая съ виступа на выступъ, „горумъ“—огромная осыпь, обвалъ, наконецъ, броды черезъ глубокую быструю рѣку,—вотъ самые характерные виды дороги. Самое опасное—карнизъ, самое тяжелое—горумъ, самое хлопотливое—броды... Мѣстами черезъ горумъ перейти прямо нельзя, и дорога входить въ рѣку, гдѣ продолжается по подводной осыпи вдоль берега...

Вездѣ, гдѣ только есть возможность, берега Мургаба и устья боковыхъ ущелій поросли деревьями и кустами, представляя множество новыхъ затрудненій своей густотой, торчащими вѣтвями, ломомъ и наносомъ, оставленнымъ полою водой. За всѣмъ тѣмъ крайне рѣдко можно встрѣтить среди этихъ узкихъ, чисто береговыхъ зарослей, сколько-нибудь сносный подножный кормъ для лошадей, почему выборъ стоянки вещь крайне мудреная. Но самымъ характернымъ для Мургабской долины нужно признать ея многочисленныя скалы, гребни и носы, спускающіеся отъ горъ прямо въ воду и въ большинствѣ случаевъ, заставляющіе переходить на другую сторону рѣки, чтобы обойти небольшую, но недоступную стѣнку. Мѣстами же доводится карабкаться на такой гребень по необыкновенной крутизнѣ, тропкой, висящей на краю опаснаго обрыва. То и другое въ высшей степени утомительно и почти всегда связано съ серьезнымъ рискомъ...

Я опускаю подробныя описанія подобныхъ „замѣчательныхъ“ мѣстъ: ихъ и черезъ-чуръ много, и они даже въ чтеніи утомительны...

Черезъ 40 верстъ такого пути отъ выхода на Мургабъ, я добралъ до устья праваго ущелья Карабулака, откуда отдѣляется дорога къ сѣверу и, за переваломъ того же имени, спускается въ бассейнъ р. Кокуй-бели, гдѣ я условился встрѣтиться съ Путятой. Отсюда до Сереза оставалось еще 70 верстъ, и потому, чтобы не таскать за собой напрасно 150 верстъ полный обозъ, я оставить его здѣсь, а самъ на-легѣ съ четырьмя казаками, проводни-

комъ и Атабаемъ, двинулся дальше, захвативъ съ собой двухъ вьючковъ.

Версть десять ниже Карабулаба, среди долины Мургаба, стоитъ красивая отдѣльная горка Карадунъ, черная, правильно обдѣланная въ видѣ сахарной головы; стоитъ она у самой рѣки и снизу красиво опушена древесной порослью. За ней, на правомъ берегу Мургаба, мы встрѣчаемся съ первыми признаками горскихъ поселеній. Небольшія террасовидныя площадки мягкой земли обдѣланы человѣческой рукой; деревья танутъ правильными рядами; тамъ и тутъ стоятъ шалаши-навѣсы, крытые вѣтвями и травой. Это „джайлау“, лѣтовка горцевъ, куда они на лѣто уходятъ изъ своихъ селеній на пастбу скота. Собственно Карадунъ не бытъ настоящей лѣтовкой. Истое „джайлау“ располагается въ горахъ, обыкновенно гдѣ-нибудь высоко, среди альпійскихъ луговъ; и предназначается исключительно для пастбища. Забравшись туда, таджикъ дѣйствительно чувствуетъ себя горцемъ, хранителемъ древнѣйшихъ пастушескихъ завѣтовъ. Едва доступная тропа вьется въ горы, по логамъ и гребнямъ, уводя къ высокимъ джайлау. Часто только для вьючнаго осла проходимы эти мудренныя дорожки. Тамъ, среди рѣдкихъ горныхъ луговъ разбиваетъ горецъ свои шалаши изъ вѣтоевъ, войлоковъ и покрывалъ, и устраиваетъ большую часть своего семейства. Оттуда видитъ глубоко внизу какой-нибудь клочекъ своей долины. Тутъ онъ дышетъ свободой, дышетъ своимъ горнымъ воздухомъ, чувствуетъ себя счастливымъ, несмотря на всю кажущуюся бѣдность своего хозяйства. Оттуда онъ выходитъ на смѣлую охоту за дикимъ звѣремъ, гдѣ стоитъ его хата и зрѣетъ поле. Оттуда же онъ любитъ просторомъ горъ, величественными пиками, причудливыми облаками, высокимъ-высокимъ небомъ... Здѣсь обнимаетъ его всецѣло дорогая ему природа, съ ея пейзажемъ, съ массой своеобразныхъ чудныхъ горныхъ звуковъ, съ плеядами духовъ, населяющихъ дикія трещины и снѣговые цирки; здѣсь онъ вѣрить въ небснаго бога, безъ мечетей, безъ гарема, безъ шаріата, въ бога трудолюбиваго земледѣльца, мирнаго, но свободнаго пастуха...

Карадунъ, видимо, лишь временно превращенъ былъ въ „джайлау“ и недавно еще эксплуатировался подъ пашню, на что указываютъ и правильные полевые участки, и оросительныя каналы. Съ полверсты дальше, на правомъ же берегу, стоитъ хуторъ съ оригинальнымъ названіемъ — Назаръ-бекъ. Здѣсь совсѣмъ хорошо; веселый ключъ, масса дикихъ розановъ и даже хатка. Съ верхней площадки красивый видъ на широкую спокойную рѣку и рощу. Переѣхавъ довольно глубокимъ бродомъ на лѣвую сторону, мы

вступили на обширную плоскую террасу изъ гребня и гравія, заполняющую бывшую котловину озера. Почти на половинѣ длины террасы, близъ оригинальнѣйшихъ воротъ къ рѣкѣ изъ двухъ каменныхъ сопокъ (Ношуръ-тажъ) стоитъ разрушенная хата, а недалеко, ниже по рѣкѣ, на правомъ берегу бѣлѣтся среди деревьевъ мазаръ Автамъ.

Ночлегъ нашъ противъ мазара былъ болѣе чѣмъ печаленъ: травы не было вовсе, песчаная почва была по лицу пескомъ и пылью при малѣйшемъ вѣтрѣ. Но къ ночи погода стихла, полная луна, рядомъ съ тяжелыми тѣнями, наложила на горный пейзажъ фантастическіе облики и заставила невольно забыть наше убожество: мы любовались красотою горной ночи. Подъ этими мягкими лучами мы долго вели уговоры съ Мамбетомъ, который долженъ былъ выѣхать завтра съ зарей впередъ въ Серезъ, предупредить о моемъ пріѣздѣ.

На слѣдующій день мы не дошли до Сереза верстъ 12—14, благодаря тяжелому перевалу, на который довелось взбираться въ обходъ мудреной скалы.

Спускаясь съ перевала по оврагу, мы натолкнулись на маленькую полянку съ двумя роскошными старыми березами, караулками и „полемъ“ ячменя. Я ставлю въ кавычкахъ слово: поле, ибо оно равнялось нѣсколькимъ квадр. саженьямъ. Это однако не была случайно заросшая ячменемъ полоска. Къ ней былъ проведенъ крошечный арыкъ, она была вспахана, около канавки торчала деревянная лопата.

Мы спустились къ рѣкѣ и остановились среди непріятнаго ивняка, покрывавшаго неровный галечный берегъ Мургаба. На той сторонѣ тоже тянулась густая береговая поросль и виднѣлась дорожка. Вскорѣ на ней показался пѣшій горецъ съ двумя коровами. Мы крикнули ему. Онъ испугался и бросился гнать свою скотину. Стали звать еще и еще. Горецъ приглядѣлся, бросилъ скотину, крикнулъ, что прійдетъ и исчезъ въ кустахъ.

Черезъ нѣсколько минутъ передо мной стоялъ высокій молодецъ, съ первой опушкой бороды, босой, робкій, но съ яснымъ взглядомъ и готовый отвѣчать на всѣ вопросы.

— Афганцы еще не пришли къ вамъ?—спросилъ я его.

— Нѣтъ, да они и не придутъ: къ намъ трудно пробраться,—отвѣтилъ онъ съ довѣрчивой улыбкой.

Оказалось, что онъ уже зналъ объ насъ—его предупредилъ Мамбетъ. Онъ кузнецъ и будетъ для насъ ковать гвозди. Онъ же хозяинъ и караулки, и того ячменнаго поля, которое было

у насъ наверху. Посѣялъ онъ его „такъ“, ни для чего: пришелъ и посѣялъ, какъ любитель...

За добрыя вѣсти я далъ ему двѣ бухарскія тенги (60 к.). Горецъ совсѣмъ растерялся отъ радости, благодарилъ и, въ знакъ особаго почтенія, приложилъ серебряныя монеты во лбу, потомъ провелъ ими по глазамъ и кончилъ поцѣлуемъ. Все это исполнилъ живо, ловко, очевидно—привычнымъ движеніемъ.

Полагая, что до Сереза дѣйствительно „очень близко“, какъ увѣрялъ Ходжа-Мамбетъ и подтвердилъ мой горецъ, я выступилъ на другой день поздно, рассчитывая, что Мамбетъ распорядился на счетъ всѣхъ заказовъ.

На дѣлѣ вышло все на такъ; до Сереза я ѣхалъ, благодаря плохой дорогѣ,  $2\frac{1}{2}$  часа; ни одинъ заказъ не былъ исполненъ, и я долженъ былъ пробить до 10 ч. утра слѣдующаго дня.

За нѣсколько верстъ до Сереза, Мургабъ, вырвавшись изъ узкой и мрачной тѣсницы, выбѣгаетъ на широкое русло, которое тянется до самаго селенія. Русло долины все изъ гальви и лишь кое-гдѣ поросло тугаемъ. Ясно, что во время полои воды Мургабъ несетъ здѣсь во всю ширину, отъ горы до горы и заливаеъ всю заросль.

На переправѣ съ лѣвой стороны на правую меня встрѣтилъ высланный горецъ, который отлично провелъ насъ мудренными косами и перекатами черезъ четыре рукава рѣки. Тотчасъ же начался сквернымъ косогоромъ крутой подъемъ на высокую террасу Сереза.

Съ края террасы отрывался видъ и на долину Мургаба, и на серезскую обстановку.

Немного выше по теченію, чѣмъ Серезъ (вер. 4), слѣва въ Мургабъ впадаетъ то ущелье Б. Марзяная, чрезъ которое идетъ переваль съ Япиль-куля. Судя по тому, что видно было отсюда, дорога туда должна быть крайне трудна и камениста, по массѣ горумовъ. Противъ устья Б. Марзяная, съ правой стороны Мургаба, вытягивается въ долину каменная длинная града, образующая оригинальный носъ водораздѣла и узкій водоспускъ Мургабской рѣки. Лѣвыя горы круто спускаются прямо къ ея руслу. Правыя отступаютъ версты на двѣ къ сѣверу и даютъ просторъ тому каменному уступу, на которомъ я теперь стоялъ, и который тянулся отсюда на западъ верстъ на шесть слишкомъ. На этой террасѣ возвышалось семь каменныхъ холмовъ, довольно правильной формы, круглой и эллипсической: три были вытянуты вдоль Мургаба по краю уступа, одинъ замыкалъ террасу съ запада,

два дѣлили ее поперекъ на двѣ равныя части, и одинъ стоялъ уединенно на сѣверѣ близъ склона горъ.

Въ восточной половинѣ находилось весьма немного полей, что зависело отъ скудости ея прошенія; самая богатая была восточная, гдѣ и расположенъ Серезъ. Видъ на послѣдній открывался намъ сразу, какъ только мы обогнули среднія круглыя горки.

У самой подошвы западнаго эллипсическаго холма, на очень маленькомъ и совершенно голомъ гранитномъ бугрѣ тѣсно сгущались хаты съ плоскими крышами. Въ центрѣ ихъ возвышаются двѣ башни (топханы) и придаютъ селенію оригинальную картинность. Высокія гнейсовыя горы красивой, точно шлифованной, сѣрой стѣной обставляютъ Серезъ съ сѣверной стороны. Изъ крутой осыпи, спускающейся отъ нихъ, бьетъ богатый „святой ключъ“ Піри-Сарабъ <sup>1)</sup>, орошающій всѣ поля, работающій на мельницахъ, дающій жизнь маленькой веселой рощицѣ изъ стройныхъ горныхъ тополей и ниспадающій веселымъ каскадомъ по высокому уступу террасы къ Мургабу. Около ключа подъ деревьями стоитъ памятникъ святого, который первый поселился здѣсь и положилъ основаніе Серезу.

Нужно отдать справедливость святому старцу въ выборѣ мѣста. Среди здѣшнихъ голыхъ неприютныхъ горъ трудно было выбрать болѣе оригинальный и красивый уголокъ. Поэтическое чувство святогорца удовлетворялось здѣсь вполне. Эта чудная гладкая стѣна, въ узкой прорѣзи которой, далеко — далеко вверху, виднѣлось бѣлое пятнышко снѣжника; эти странные, будто нарочно обдѣланные семь холмовъ; эти огромные, раскиданные у подошвы камни, среди которыхъ можно укрыться цѣлымъ семействомъ отъ непогоды, этотъ кристаллическій источникъ, здоровый, веселый, вѣчно болтающій, обросшій зеленью и цвѣтами; эти луговины съ мягкой травой, куда на пастбу спускалось съ высшихъ горъ стадо дикихъ козловъ, — весь этотъ самобытный міръ тихой природы долженъ былъ произвести чарующее впечатлѣніе на старца, искавшаго уединенія.

Но когда онъ выходилъ на край террасы, взбирался на холмъ

<sup>1)</sup> Въ буквальной переводъ „чистый ключъ Піра“; піръ — значитъ старецъ, но въ данномъ случаѣ этотъ старецъ изображаетъ святого мѣстнаго патрона. Піри существуютъ у мусульманъ во всѣхъ округахъ, представляя изъ себя какъ бы народныхъ блюстителей религиозныхъ традицій и нравственнаго кодекса. Піръ пользуется среди народа большимъ почетомъ и вліяніемъ. Обѣздъ имъ своей округи — составляетъ рядъ священныхъ празднествъ. Піръ — лицо выборное, но часто заслуги отца дѣлаютъ это мѣсто наследственнымъ.

и оттуда бросать взоры на окрестности, новыя чудныя картины отрывались передъ нимъ. Глубоко внизу онъ видѣлъ шумный Мургабъ, за которымъ поднимались крутыя высокія Аличурскія горы съ ледниками въ ущельяхъ. На западѣ долина быстро суживалась, переходила въ тѣснину; темныя острозубыя, совсѣмъ недоступныя горы тѣснились надъ рѣкою; тамъ, среди ихъ щелей и пиковъ собирались первыя грозныя тучи, оттуда улетало послѣднимъ мягкое облачко при восходѣ солнечнаго дня...

Теперь кругомъ Сереза были расположены поля мелкими ступенями поднимавшіяся другъ надъ другомъ. Хлѣба уже были сняты, снопы связаны и тѣсно, стоямя, поставлены близъ гумень, или сплошнымъ толстымъ пластомъ лежали на току, по которому, глупо толпясь, крутилась партія ословъ и быковъ, припряженныхъ къ четырехугольной плетенкѣ, составлявшей центръ вращенія. <sup>1)</sup>

#### XIV.

Меня остановили въ  $\frac{3}{4}$  версты передъ Серезомъ, подъ большими тополями съ травяной полянкой. Свѣжій вѣтеръ непріятно пронизывалъ насъ, несмотря на то, что было около 11 часовъ и солнце горѣло на ясномъ небѣ.

Вскорѣ изъ селенія къ тополямъ двинулась партія горцевъ челоуѣкъ въ двадцать пять. Впереди шли старики, настоящіе „бѣлобородые“ (аѣъ-савалы), въ новыя свѣтлыя суконныя чапанахъ и съ чистыми салля на головахъ. По бокамъ двигались огромныя деревянныя чашки. Депутация шла не торопясь, сохраняя восточную напыщенность. На лугу разостлали въ два ряда войлоки: одинъ для меня; другой для депутациі.

Встрѣча вышла вполнѣ радужная.

— Вы не повѣрите, какъ рады мы вашему пріѣзду, — заговорилъ старшина. — Такого гостя мы никогда не думали видѣть въ Серезѣ.

Я отвѣтилъ подходящей привѣтственной фразой. Мы усѣлись. Противъ меня выставили нѣсколько плоскихъ чашекъ съ діаметромъ около аршина. Въ каждой изъ нихъ было мѣстное, чисто горское кушанье. Изъ наиболѣе характерныхъ укажу на тонкія (въ 2 мм.) во всю чашку лепешки легко скатывающіяся въ трубу-

<sup>1)</sup> Всюду въ Туркестанѣ не знаютъ другого способа обмолота, въ общемъ напоминающаго пріемы малоруссовъ. Разница между таджикомъ и киргизомъ проявляется лишь въ томъ, что первый молотитъ тихо и главнѣйше бичами, а киргизъ шумно ѣздитъ на лошади.

ку; такія же большія лепёшки, но пышныя, напоминающія нашъ деревенскій „сочень“, съ подливкой изъ масла и сметаны; густую крупную запшу изъ тонкихъ четырехугольныхъ кусочковъ съ такою же подливой; понятно, что безъ простоквашы не могло обойтись ни одно угощенье.

— Теперь, когда вы пріѣхали къ намъ, мы считаемъ уже себя русскими подданными,—продолжали старики свою скорую политику: теперь уже мы не боимся авгановъ! Дайте намъ только отъ себя записку, чтобы никто не смѣлъ насъ трогать.

Я никакъ не ожидалъ такого рѣшительнаго оборота отъ свѣтскихъ деликатностей прямо къ подданству и признаюсь весьма стѣснялся присутствіемъ такой массы народа, передъ которой велись подобныя отеровенныя рѣчи. Быть дипломатомъ съ простымъ народомъ—вещь самая тяжелая, а мнѣ казалось, что положеніе мое теперь исключительно дипломатическое.

— Любезные друзья мои!—повелъ я свою дипломатію:—я долженъ благодарить васъ за радушный пріемъ, и надѣюсь съумѣю отплатить вамъ своимъ расположеніемъ. Но ѣхалъ я сюда простымъ ученымъ, который интересуется камнями, горами, рѣками и ледниками; не мое дѣло вмѣшиваться въ жизнь населенія.

— Мы это понимаемъ,—отвѣтили мнѣ:—у васъ такъ много своего дѣла! Но мы просимъ васъ, сами просимъ взять насъ подъ покровительство Россіи...

— Вы живете здѣсь вдали отъ большой жизни, — продолжалъ я,—и знаете, что подобныя вещи дѣлаются не такъ просто, какъ вы думаете. Принять васъ въ подданство никто не можетъ помимо воли самого Бѣлаго Царя.

При этомъ я тонко намекнулъ, что вести такіе разговоры врядъ-ли удобно имъ такъ публично.

— А! относительно этого мы не боимся,—оживились старики: у насъ предателей нѣтъ! Здѣсь одна семья, съ одной душой. Каждый изъ насъ думаетъ одинаково: всѣ, какъ одинъ, и одинъ, какъ всѣ. У насъ одинъ врагъ—авганъ!

Такая искренность сразу позволила мнѣ отказаться отъ дипломатической тяготы и повести простыя рѣчи съ этимъ простымъ народомъ. Я дѣлался только совѣтчикомъ ихъ, разъяснителемъ неизвѣстныхъ имъ порядковъ. Я указалъ, какимъ путемъ они могутъ дѣйствовать чрезъ русское начальство (ферганскаго губернатора), хотя не скрылъ, что ихъ изолированное положеніе въ горахъ, отдѣленныхъ отъ Ферганы Алаемъ и Памиромъ, ставитъ большія трудности въ смыслѣ осуществленія ихъ желаній о подданствѣ Россіи. Ближе было бы обратиться къ бухарскому эмиру.

— Мы уже пробовали это,—отвѣтили мнѣ.—Бухарцы затянули дѣло и на нихъ надежда плохая. Да намъ и самимъ не охота переходить подъ ихъ власть.

Послѣдняя фраза ясно намекала на разность мусульманскихъ религій.

— Ну, а какже афганцы?—спросилъ я.

— Афганъ къ намъ не попадетъ, мы его не пустимъ. Къ намъ изъ Шутнана только три дороги: здѣсь вотъ, Б. Марзянаемъ, да Ленгеромъ, или вдоль всего Мургаба. Идти ему здѣсь—трудно, а Бартангомъ <sup>1)</sup> совсѣмъ не пройти. Вы знаете теперь къ намъ дорогу по Мургабу сверху; такъ внизъ по Мургабу она въ десять разъ тяжелѣе. Тутъ можно вѣхать, а тамъ не вездѣ и пѣшкомъ проберешься... Нѣтъ, онъ къ намъ не пойдетъ!—увѣренно добавилъ кто-то.

Послѣ переговоровъ насчетъ моихъ заказовъ, я пожелалъ осмотрѣть Серезъ.

— Для васъ нѣтъ ничего запретнаго. Вы, какъ нашъ начальникъ, можете видѣть все,—отвѣтилъ любезно старшина.—Только едва ли найдете что-нибудь интересное—мы такъ бѣдны.

Серезъ, какъ я говорилъ уже, построенъ на небольшомъ гранитномъ бугрѣ. Выражаясь точнѣе, это былъ „бараній лобъ“ (*roche moutonnée*), слѣдъ ледниковаго періода, т.-е. скала, округленная и оглаженная спускавшимся черезъ нее древнимъ ледникомъ. <sup>2)</sup> На этомъ голомъ камнѣ въ видѣ каравая толпились безъ всякаго порядка хаты горцевъ, облѣпая бугоръ со всѣхъ сторонъ. Верхнее кольцо домовъ представляло жилища людей. Нижнее состояло изъ болѣе мелкихъ построекъ и изображало „скотные дворы“. Это было собраніе крошечныхъ хлѣбовъ, скорѣе похожихъ на курятники, что зависѣло, во-первыхъ, отъ мелкой породы мѣстнаго скота, а во-вторыхъ, отъ миниатюрности хозяйства горцевъ. Тамъ, гдѣ кончался голый камень, оганчивалось и селеніе, переходя непосредственно въ ряды полей и бахчи. Въ Серезѣ считается дворовъ 30—40. Представьте эти „дворы“ изъ трехъ-четырехъ хатокъ, включая сюда и хлѣвы, придайте имъ плоскія крыши, сбейте въ одну кучу другъ на друга—и вы получите нѣкоторое представленіе о самомъ селеніи. Чего-нибудь подобнаго улицамъ здѣсь нѣтъ совершенно. Для сообщенія между домами есть различные ходы: то идешь между домами

<sup>1)</sup> Такъ называется вся тѣснина Мургаба отъ Сереза до Калан-Вамара.

<sup>2)</sup> Внѣ всякаго сомнѣнія, что образованіе на террасѣ Сереза вышеупомянутыхъ семи холмовъ правильной формы обязано также дѣятельности ледниковъ, спускавшихся съ сѣверныхъ горъ и сливавшихся со многими другими.

по самородной каменной мостовой, то есть по самому „лбу“, то пробираешься около хаты по приступочку, то шагаешь по крышѣ, по другой, по толстому заборчику, снова по крышѣ, опять нѣсколько шаговъ по граниту и т. д. Дворъ въ тѣсномъ смыслѣ слова встрѣчается крайне рѣдко: въ большинствѣ онъ замѣняется хлѣвами. Для устройства дворовъ нѣтъ мѣста. Да они и не нужны, благодаря простотѣ горско-деревенской жизни. Нужно что-нибудь сработать—лучшее мѣсто на крышѣ, нѣтъ—на первой свободной площадкѣ. Веранда—непремѣнная принадлежность жаркой туркестанской низины—здѣсь встрѣчается какъ роскошь: во всемъ Серезѣ ихъ едва ли насчитаешь до десятка и то самыхъ микроскопическихъ.

Въ числѣ достопримѣчательностей Сереза я поставлю кузницу—курганъ съ башнями. Кузница впрочемъ ничѣмъ особеннымъ не отличалась отъ всякой туркестанской, только развѣ крайней тѣснотой, и замѣчательна была какъ единственное ремесленное заведение во всемъ Серезѣ. Бронзовый старикъ безъ рубашки обливался потомъ въ своей жаркой клѣткѣ, занятый выдѣлкой для меня гвоздей и подковъ. Онъ имѣлъ видъ какого-то библейскаго праотца въ моментъ рѣшенія судьбы цѣлаго народа—такъ онъ былъ погруженъ въ священнодѣйствіе на наковальнѣ. Слѣпой безъ выраженія подростокъ-мальчикъ ловко работалъ тяжелыми азіатскими мѣхами безъ клапановъ. Смотрѣть въ кузницѣ было нечего. Кузнецъ работалъ болѣе чѣмъ плохо, воздуху не полагалось совсѣмъ, жара невыносимая. Но всѣ собрались къ кузницѣ какъ къ чему-то восхитительному, всѣ хвалили нагого кузница и рекомендовали мнѣ его, какъ „лучшаго мастера: ужъ вы не беспокойтесь, ужъ онъ сдѣлаетъ! старикъ знаетъ!“ Хотя мнѣ и было ясно съ перваго взгляда, что въ этомъ „мастерѣ“ моя гибель, что его подковами и гвоздями проще всего перепортить лошадей,—но не менѣе ясно было также и то, что „безпокойство“ дѣйствительно бесполезно: библейскій старецъ былъ непоколебимъ въ своихъ пріемахъ.

Въ „курганъ“ (т.-е. крѣпость) меня не пустили, хотя совсѣмъ не изъ политическихъ соображеній. Официальная сила, Сереза, построеннаго на самой возвышенной площадкѣ гранитнаго лба, занимала менѣе сотни квадратныхъ саженей. Трехсаженные глинобитныя стѣны, ворота съ полубашнями, остатки зубцовъ на гребнѣ, мелкія бойницы, наконецъ, двѣ квадратныя башни по обѣимъ сторонамъ (топханы) съ блиндированными амбразурами, производили впечатлѣніе какого-то древняго замка. Этому способствовали и ветхость зданія, и импонирующее положеніе его

надъ мелкимъ городочкомъ. На самомъ дѣлѣ, конечно, грандіозность этого замка была чисто игрушечная, а рядомъ съ командующими холмами она теряла всякое значеніе. Безъ сомнѣнія постройка была затѣяна, какъ прихоть бека, пожелавшаго имѣть „дворецъ“.

Теперь внутри ея жилъ аксакалъ, и такъ какъ, подойдя къ воротамъ, я засталъ въ курганѣ всю его семью, то старикъ постѣснился ввести меня туда, боясь бабьяго переполоху и конфузаясь за безпорядокъ внутренности дворца. То, что мелькнуло передо мной въ первый моментъ черезъ отворенныя ворота, поразило меня крайней тѣснотой бековскаго помѣщенія. Самыя топханы, т.-е. башни, были сажень четырехъ съ небольшимъ высоты и вблизи смотрѣли немудрыми караулками.

Жители, видимо, не придавали никакой цѣны этому разваливающемуся сооруженію и понимали хорошо, что настоящая сила ихъ Сереза заключается прежде всего въ тѣхъ мощныхъ укрѣпленіяхъ, которыми окружила его сама природа.

По моей просьбѣ мнѣ показали домъ одного изъ зажиточныхъ горцевъ. Въ общемъ онъ изображалъ изъ себя собраніе какихъ-то мудреныхъ шкафовъ, печурокъ и перегородокъ, отвѣчающихъ по своему назначенію различнымъ комнатамъ и кладовымъ. Два угловыхъ шкафа, полузабранные стѣнками, назначались для мелкой соломы (самана) и открывались въ комнату окопками. Между ними помѣщался чистенькій шкафчикъ съ нарами, назначенный для гостей, какъ почетное мѣсто. Трое въ немъ не могли бы помѣститься. Напротивъ возвышенно располагалась кухня съ обширнымъ очагомъ, къ которому съ пола вели двѣ ступени. Налѣво отъ кухни въ темномъ стойлѣ помѣщалась женская рукодѣльная и рядомъ какія-то миниатюрныя палаты надъ маленькимъ шкафомъ. Вправо отъ очага нары отводились подъ спальню и дѣтскую съ люлькой. Все это было крайне тѣсно, нагромождено, налѣплено другъ надъ другомъ, точно всѣ эти печурки и полочки обѣжались сюда погрѣться вокругъ очага и прижались бокомъ къ боку постлѣ мороза. Закопченные стѣны, сплошь черный потолокъ, скудный свѣтъ чрезъ единственное окно сверху надъ серединой комнаты, дополняли впечатлѣніе чего-то страннаго и неладнаго.

Но когда я просидѣлъ съ полминуты, привыкъ къ темнотѣ и постепенно сталъ уяснять себѣ значеніе каждой подробности, — странное дѣло! — хата какъ будто становилась свѣтлѣе, изъ-за тѣсноты выглянула уютность и хозяйственность, высокій потолокъ съ серединой, построенной по индійскому типу, давалъ просторъ воздуху. Кругомъ меня на нарахъ и на ступенькахъ очага живо-

писно размѣстились горцы въ ихъ недѣланныхъ, свободныхъ позахъ. Русая голова мальчугана торчала съ палатей, другая выглядывала изъ-за столба, поддерживающаго крышу. Простыя лица, русыя головы, непринужденная болтовня, искреннее, но сдержанное любопытство къ моему живописанью, моему платью, моимъ вопросамъ, почему-то вдругъ напомнили мнѣ нашу глухую деревню. Что-то было схожее, давно знакомое, родственное, хотя всѣ детали были другія. Чѣмъ долѣе я вглядывался во все окружающее, на меня все крѣпче вѣяло миромъ. Мнѣ казалось, что этотъ народъ возбуждаетъ во мнѣ не одно простое любопытство своей оригинальностью, какъ интересная новость, а что въ немъ есть что-то симпатичное, понятное моему чувству, хотя и неуловимое по новости впечатлѣнія. Было ли это дѣломъ субъективнымъ, —случайной волной нѣкоторой излишней сентиментальности, или впечатлѣніе меня не обманывало? Мое пребываніе среди этого народа было слишкомъ кратко, чтобы можно было твердо отвѣтить на поставленный мною вопросъ. Но встрѣтившись вскорѣ съ родственнымъ хозяину горцемъ Дарваза и стараясь провѣрить себя въ этомъ отношеніи, я долженъ былъ признать, что первыя впечатлѣнія меня не обманули. И теперь, оглядываясь назадъ, я думаю также, что припамирскіе горцы таджики, дѣйствительно, народъ, имѣющій въ своей натурѣ много глубоко симпатичныхъ свойствъ, способныхъ невольно расположить къ себѣ съ первыхъ же дней знакомства съ этимъ народомъ.

Обойти весь Серезъ не составило никакого труда, до того онъ былъ невеликъ вмѣстѣ съ его основой. Я поинтересовался и хлѣбами.

Устройство хлѣвовъ обусловливается не холодной зимой, а полевымъ хозяйствомъ. Качество зѣлѣной каменистой почвы требуетъ значительнаго ежегоднаго удобренія. Потребность въ запахахъ навоза и создала систему содержанія скота зимою въ хлѣвахъ, откуда онъ выпускается только на водопой. Лѣтомъ скотина угоняется на джайлау, осенью пасется на сжатыхъ пашняхъ. Тѣснота хлѣвовъ и неподвижность, на которую обрекается скотина въ теченіе долгой зимы, не позволяютъ горцамъ держать киргизскаго курдючнаго барана: послѣдній любитъ просторъ, движеніе и не выноситъ заточенія. Курдючника здѣсь замѣнилъ „гадикъ“ — мелкій длиннохвостый баранъ, общимъ складомъ напоминающій нашего русскаго; только рога у гадика растутъ болѣе широко въ стороны. Остальная скотина (козы, коровы и ослы) тоже отличаются своимъ малымъ ростомъ, въ особенности коровы и ослы. Лошадей туземцы почти не знаютъ, и всѣ пере-

возки совершаютъ на ослахъ и быкахъ, которые ходятъ и въ плугъ. Ослы, несмотря на свой ничтожный ростъ, весьма выносливы и несутъ огромную службу, какъ и въ другихъ частяхъ Туркестана, съ той лишь разницей, что тамъ на бѣднаго ослика забирается пара взрослыхъ мужиковъ и разъѣзжаетъ какъ на праздникѣ, а здѣсь горецъ непремѣнно шагаетъ пѣшкомъ, перевоза на ишакѣ лишь вепи. Яки разводились здѣсь успѣшно, но въ нѣсколько пріемовъ чумы всѣ подошли, чему, конечно, какъ нельзя болѣе способствовала скученность ихъ по хлѣбамъ.

Собака здѣсь особенная—крупная, съ очень длинной лохматой шерстью, висящей кочьями, что придаетъ ей необыкновенно дико-свирѣпый и въ то же время какой-то отошальный видъ. Да и на самомъ дѣлѣ онѣ очень злы. Тѣ же самые псы не позволяютъ разводить куръ, истребляя ихъ до послѣдней. Это отсутствіе домашней птицы въ деревнѣ очень странно, но жители единогласно подтверждаютъ, что причиной „дурныя собаки“. Такое вліяніе собаки на хозяйство очень интересно тѣмъ болѣе, что всюду у сартовъ птица (особенно куры) разводится безпрепятственно; здѣсь же одолѣла собака—этотъ символъ дружбы.

Полевое хозяйство Сереза можно считать образцовымъ и по количеству посѣва, и по обработкѣ пашни. Каждое поле обнесено такой аккуратной каменной межей, такими прочными откосами на ступенчатыхъ сторонахъ, что смотритъ игрушкой. Камни, оставленные въ почвѣ, какъ необходимая примѣсь, отличались своимъ однообразіемъ, и потому вспахиваніе производилось однородно, посѣвъ и всходы равномерны на всей площади. Токъ обдѣлывается еще тщательнѣе: онъ обносится прочной и красивой каменной стѣнкой въ аршинъ высоту, чтобы можно было стлать снопы толстымъ слоемъ; для предохраненія отъ скота гребень стѣнки убирается колючимъ кустарникомъ. Воздѣлывались слѣдующія растенія: пшеница, ячмень пополамъ съ горохомъ (бурчанъ), просо (тарыкъ) и брюква (шалгамъ). Овесъ, довольно сильный, родится самъ среди ячменя, но посѣвается скорѣе и потому къ жатвѣ осыпается. Это усиливаетъ солому, а осыпавшееся зерно обезпечиваетъ всходъ овса на будущій годъ. Брюквы сѣютъ значительное количество. Ее рѣжутъ кусками, сушатъ и складываютъ въ амбары; она употребляется какъ приправа къ кушанью (это единственный овощъ, воздѣлываемый здѣсь) и какъ кормъ скоту.

Водяныхъ мельницъ штукъ до семи, но въ ходу было только двѣ. Устройство ихъ общеизвѣстное.

Земли въ Серезѣ вволю, и существуетъ еще порядочная пло-

щадь въ запасѣ. Хлѣба онъ производитъ столько, что добрую часть его сбываетъ памирскимъ киргизамъ.

— Вотъ, скоро уже должны пріѣхать за хлѣбомъ: соли намъ привезутъ съ Памира. Мы сами за солью не ѣздимъ. Теперь вотъ безъ соли сидимъ,—услышалъ я тѣ же жалобы, что и въ Сардымѣ.

Но здѣсь я узналъ еще, что тотъ же памирскій киргизъ является для Сереза посредникомъ въ торговлѣ. Трудный путь схода отбиваетъ охоту у савдагаровъ ѣздить сюда съ товарами, тѣмъ болѣе, что главный здѣшній продуктъ—хлѣбъ, не представляетъ для торговцевъ особаго соблазна. Савдагару выгоднѣе промѣнять свои товары киргизу на барана, разѣзжая при этомъ по удобнымъ памирскимъ дорогамъ. Вслѣдъ за этимъ киргизъ превращается въ торговца и везетъ товаръ въ Серезъ, вымѣнивая на него муку и крупу.

Единицей цѣнности при всякой мѣрѣ является здѣсь кусокъ бузи (бузь—хлопчатая, грубая, бѣлая ткань), изъ котораго выходитъ рубаха. Товаръ такъ и цѣнится: въ двѣ бузи, три бузи и т. д. Единицей мѣры зерна служатъ топы (ермолка). Изъ этой основной единицы образуются и другія, болѣе крупныя.

Здѣсь, какъ и Сардымѣ, я испыталъ обаяніе товаровъ на жителей и ихъ полное незнакомство съ деньгами. Памирскій киргизъ весьма хорошо знаетъ кашгарскія деньги и довольно сносно коканскія. Бухарскія <sup>1)</sup> и русскія беретъ неохотно, понижая сильно ихъ стоимость. Горецъ же, особливо серезецъ—не признаетъ никакихъ, и покупка у нихъ на деньги прямо разорительна, ибо онъ совершенно произвольно оцѣниваетъ свой товаръ, иногда запрашивая вдесятеро. Напротивъ, операціи съ товарами—мануфактурными и галантерейными (но главное съ первыми)—необыкновенно выгодны. У меня оставалось товару очень немного, и я испыталъ и то, и другое, на себѣ лично: бѣлая мука была покупать что-нибудь на дорогое бухарское серебро, и чрезвычайно быстро—обмѣнивать на самый немудрый ситецъ или миткаль.

Какъ ни были скромны мои заказы въ Серезѣ (пуда четыре муки, пудъ лепешекъ и 20 подковъ), маленькое селеніе съ его микроскопическими средствами изнемогло подъ такимъ необычайнымъ для него требованіемъ. Печеніе лепешекъ заняло многіе очаги, а малюта-мельница съ ея тихимъ ходомъ подавала муку

<sup>1)</sup> Бухарское серебро значительно выше коканскаго: такъ, бухарская тенга дѣлится въ 30 к., а коканская нѣсколько ниже—20 к.

невообразимо медленно. Я не говорю уже о подковахъ—къ нимъ я никакъ не могъ получить полного комплекта гвоздей. Все это заставило меня пробыть въ Серезѣ до 10 ч. утра слѣдующаго дня, когда, наконецъ, ко мнѣ стацили изъ разныхъ концовъ селенія горячія лепешки разныхъ видовъ и величинъ.

Ночлегъ я устроилъ въ верстѣ отъ Сереза, внутри небольшой загородки, которою было обнесено единственное здѣсь крошечное поле люцерны, и единственное абрикосовое дерево. И то, и другое представляли забаву—не больше, прихоть любителя: люцерна съ этой площадки съ каменистой почвой получалась низкая, рѣдкая, и снималась только одинъ разъ въ лѣто, а урюкъ не давалъ плодовъ и шелъ очень туго. Ко мнѣ набралась, конечно, масса народу и облѣпила заборъ, какъ воробы. Къ вечеру сдѣлалось довольно свѣжо, и рѣкій вѣтеръ, отъ котораго насъ спасала стѣнка, донялъ даже и горцевъ, бывшихъ снаружи: они разбрелись по домамъ.

При мнѣ остался только одинъ молодой красавецъ Рахматулла Яльбекъ, обладатель прекраснаго грудного тенора и замѣчательный знатокъ мѣстныхъ пѣсенъ. Какъ только взопла луна, онъ не вытерпѣлъ и предложилъ что-нибудь спѣть. Я, конечно, согласился. Онъ принесъ свой „ситоръ“ (трехструнная гитара) и оказался большимъ мастеромъ на этомъ несложномъ инструментѣ съ очень длиннымъ грифомъ.

Пѣлъ онъ прекрасно, выразительно, чему помогать его высокій нѣжный голосъ. Акомпаниментомъ на ситорѣ онъ владѣлъ въ совершенствѣ. Но что меня поразило въ его пѣніи—это мотивы пѣсенъ. Привыкши въ Туркестанѣ слышать горловые, натянутые голоса сартовъ и необыкновенно дивіе и однообразные мотивы, я ждалъ чего-нибудь подобнаго же и здѣсь. И вдругъ передо мной зазвучалъ какой-то хорошо мнѣ знакомый романсъ, точно отрывокъ изъ какой-то оперы... Понятно, что это не было ни то, ни другое, но вмѣстѣ съ тѣмъ что-то положительно знакомое, понятное, слышанное. Звучный оригинальный языкъ Шугнана еще болѣе вводилъ въ обманъ. Точно какая баркаролла, народный напѣвъ итальянца...

Алѣ мадыкъ,  
Алѣ разынъ,  
Кашикъ муфивъ,  
Худжб навинъ,  
.....  
Читтыкъ чапанъ,  
Нухра такинъ,

Тарту хяникъ  
Муна джикъ!

. . . . .

Молодой, полный голосъ пѣлъ безъ всякихъ усилій, модулировалъ свободно, пѣлъ съ чувствомъ и умѣньемъ. Пѣсня за пѣсней, мотивъ за мотивомъ проходили передо мной, показывая богатство и разнообразіе горской народной музыки. Мы всѣ невольно заслушались неумолимаго Рахматуллы, который чуть не до полуночи распѣвалъ свои любимые мотивы.

— Я ихъ тысячу знаю, — возразилъ онъ, когда я былъ удивленъ его музыкальными свѣденіями.

Получивши отъ меня ситцевый платокъ въ подарокъ, онъ ушелъ совершенно счастливый. Знакомство съ Рахматуллой было интересно для меня и въ другомъ отношеніи. Въ немъ я встрѣтилъ наиболѣе выразительный типъ молодого горца, полный хорошихъ задатковъ, безъ вычурности, съ искреннимъ юнымъ увлеченіемъ; сильный, веселый, разговорчивый, и въ тоже время крайне простой, чисто сельскій характеръ. Рахматулла былъ не простой музыкантъ: въ немъ таилась поэтическая нотка, онъ умѣлъ увлекаться не одной только пѣсней, но и вообще природой. Это слышалось въ его разговорѣ, въ его восхищеніи лунной ночью, даже въ его переводахъ шугнанскихъ пѣсенъ, воспѣвающихъ любовь...

Въ Серезѣ я долго не могъ понять толкомъ обращенныхъ ко мнѣ вопросовъ жителей о какомъ-то туземномъ письмѣ, которое я долженъ былъ получить и которое шло черезъ Бартангъ изъ Шугнана и направилось на Памиръ. Понялъ я эту исторію только тогда, когда встрѣтился съ Путятой, ибо письмо передали ему. Въ этомъ письмѣ повторялось увѣреніе шугнанцевъ и рошанцевъ въ желаніи перейти въ подданство Россіи и просьба о присылкѣ войскъ для избавленія отъ афганцевъ.

Покидая Серезъ, я снова ропталъ на судьбу, что она и здѣсь мнѣ не дала возможности ближе и дольше взглянуть въ жизнь этого интереснаго во всѣхъ отношеніяхъ народа. Мнѣ нужно было торопиться на соединеніе съ отдѣломъ Путяты и по скорѣе доставить ему добытый провіантъ.

Потребовалось полтора дня безостановочнаго хода и захватить даже часть ночи, чтобы добраться до Карабулака. Подъемъ отсюда на перевалъ того же имени былъ необыкновенно тяжелъ и въюки едва выбрались на него только ночью.

На четвертый день вечеромъ я, наконецъ, добрался до урочища Кокъ-джаръ — мѣста стоянки Путяты и Бендерскаго.

Посѣщеніе Кокъ-джара было для меня интересно не однимъ свиданіемъ съ другой половиной нашей экспедиціи, а еще и встрѣчей съ памирской и алайской знаменитостью — Саибъ-Назаромъ. Теперь уже золотое время его прошло: и самъ онъ, и одинъ изъ его сыновей — калѣки, да и старость самого атамана разбойничьей шайки значительно сбавила прежней энергіи. Но совсѣмъ недавно онъ былъ грозою всей округи. Его смѣлость и ловкость въ дѣлѣ баранты, его вліяніе, какъ независимой силы, вполне отвѣчали высотѣ и недоступности Памира, гдѣ онъ свилъ себѣ гнѣздо, отхвативъ въ свое владѣніе божій кусокъ этой громадной выси, въ видѣ обширнаго бассейна р. Кокуй-бели.

И вотъ, этотъ памирскій заправила, этотъ атаманъ лихой шайки, этотъ „соловей-разбойникъ“ Памира и Алая, этотъ кокуй-бельскій царекъ, передо мной во весь ростъ, въ его чертогахъ, среди его „есауловъ“ и „добрыхъ удалыхъ разбойничковъ“, окруженный не „непокорными сыновьями Адольфами“, а „вѣрными слугами“...

На самомъ дѣлѣ, ко мнѣ въ палатку вошелъ маленькій, плюгавенькій старикашка, съ типичной рожей бывалаго въ передѣлахъ киргиза, съ подобострастными манерами и лисьиимъ взглядомъ, тонко высматривающимъ, какой оборотъ долженъ принять дѣлаемый ему пріемъ. Сквозь узкія щелочки вѣкъ свѣтился еще огонекъ смѣливости и огромной хитрости. Пойманный въ-распlochъ калѣка, съ раздробленной рукой, Назаръ видимо игралъ съ нами въ „дружбу“, въ „вѣрнаго слугу“ всѣхъ русскихъ. Онъ откровенно каялся въ своихъ длинныхъ прегрѣшеніяхъ, причѣмъ невозмутимо вралъ съ-три-корова; плакался на болѣзни, снова вралъ; ласково представлялъ мнѣ барашка закланія, котораго сыновья его, по киргизскому обычаю, всовывали задомъ въ палатку для оцѣнки; просилъ лекарства отъ руки; еще и еще вралъ, пока я не объяснилъ ему, что аудіенція кончилась и онъ можетъ удалиться.

Словомъ, передо мной былъ въ сущности довольно заурядный киргизъ, совсѣмъ непредставительный, грязный, въ обстановкѣ далеко небогатой, если судить не на памирскую мѣрку. Окружали его огромные долговязы, силачи, всѣ безъ исключенія съ разбойничьими, звѣрскими рожами, суровые, подозрительные, люди, очевидно много практикованные въ дѣлѣ грабежа и разбоя. Есаулы и вольные ребята были подобраны не зря, съ расчетомъ. Недаромъ на границѣ Памира и Алая до самаго послѣдняго времени шла, да, безъ сомнѣнія, и теперь еще не сгнбла, горячая борьба, напоминающая древнія „баранты“ вольныхъ степей,—тѣ баранты, безпорядки которыхъ на нашихъ прежнихъ границахъ Оренбурга и Западной Сибири заставили насъ двигаться мало-

по-малу въ сторону Туркестана и, послѣ долгой и дорого стоящей борьбы, закончить занятіемъ Ташкента, Самарканда, Хивы, Бокана, Мерва.

Роковое совпаденіе: въ самомъ, повидимому, конечномъ предѣлѣ нашего умиротворяющаго степи движенія, на самой крайней границѣ, мы снова встрѣтились съ гнѣздами стародавней баранты — на востокѣ у Памира, на югѣ у Паропамиза. И тамъ, и тутъ, въ бассейнахъ двухъ рѣкъ съ однимъ именемъ — Мургаба...

Знакомясь ближе съ вопросомъ аллійско-памирской баранты, мы узнаемъ тотъ знаменательный фактъ, что нападенія Назара направлены на Верхній Алай, что борьба ведется преимущественно съ киргизами торкузъ-огулъ. Потомъ выясняется, что секретъ живучести порядковъ Саибъ-Назара кроется ближе къ намъ, чѣмъ мы могли предполагать. На Нижнемъ Алаѣ онъ имѣлъ крѣпкую поддержку въ родственныхъ ему киргизахъ, среди которыхъ огромнымъ вліяніемъ пользовался одинъ Манапъ (бѣлая кость), аристократъ, родовой князь, ближайшій кумъ Назара. Этотъ алайскій вельможа — видный, представительный, неглупый, пронырливый и властолюбивый — сумѣлъ очень ловко воспользоваться обстоятельствами занятія русскими Бокана и Алая, легко понялъ характеръ новыхъ властей, быстро втерся въ довѣріе, нахваталъ наградъ и получилъ важную должность киргизскаго волостного управителя на Нижнемъ Алаѣ. Заручившись съ помощью показной распорядительности и низкой лести довѣріемъ начальства, вельможа почувствовалъ себя на далекомъ Алаѣ еще сильнѣе, чѣмъ прежде. Теперь онъ давилъ не однимъ богатствомъ и связями, а еще именемъ русскихъ, именемъ „Аиръ-сакала“ (пробритая борода, такъ звали туземцы Ферганы М. Д. Скобелева), страшнымъ именемъ вездѣсущаго генерала-разрушителя, усвоившаго себѣ всѣ приемы суроваго хана, чинившаго быстро судъ и расправу и наводившаго великій трепетъ на всю Фергану. Времена перваго занятія ханства минули, Аиръ-сакаль уже былъ далеко, а на дальнемъ Алаѣ, въ этой отгороженной громадными горами странѣ, прижатой къ дикому Памиру, съ одной стороны, и къ новому бухарскому бекству (Каратегину) съ другой, царилъ старый порядокъ. Вельможа правилъ какъ хотѣлъ: пугалъ народъ русскими и деспотствовалъ, натравливалъ Назара то на Верхній Алай, то на Каратегинъ, то на Шугнанъ, а самъ, находясь въ срединѣ — ловко хрылъ концы своего кума-памирца.

До чего дошла дерзость этихъ людей, можно видѣть изъ того, что еще въ 1883 году вельможа, уже отставленный изъ волостныхъ, находилъ однако возможнымъ ставить свои „караулы“ на

путяхъ изъ Каратегина въ Коканъ и собирать въ свою пользу „пропускныя“ подати съ торговцевъ и скотопромышленниковъ, двигавшихся на базары Ферганы. И караулы ставились не заднимъ числомъ, ибо таможенные пункты лежатъ уже вѣвъ Алая, по ту сѣверную сторону горъ,—нѣтъ, а просто сей манапъ (т.-е. напъ киргизъ) выставлѣть собствѣнные пикеты по праву сильного, не пограничнаго, а промежуточнаго владѣтеля.

Изолированное самою природою положеніе нашего Алая и административное раздѣленіе его частями по нѣсколькимъ уѣздамъ естественно ослабляло непосредственное вліяніе тамъ русской власти; при маломъ же фактическомъ надзорѣ, при разбирательствѣ всѣхъ дѣлъ на Ниж. Алаѣ и въ пограничной каратегинской полосѣ не иначе какъ въ Маргеланѣ—все это дѣлало неуволнимымъ дѣйствительное положеніе вещей на сѣверной окраинѣ Памира и невольно отдавало ихъ въ руки широкой прочной, старинной воровской шайки, которая прикрывалась знаменемъ неуязвимаго Саибъ-Назара.

А между тѣмъ—стоить только взять въ хорошія руки напъ собствѣнный Алай, и Назаръ сокращается до нуля; памирскій атаманъ остается одинокимъ на пустой „крышѣ міра“; гроза Алая самъ придетъ отдаться въ руки, потому безъ Алая ему не прожить. Только Алай теперь кормить его барантой, только онъ позволяетъ ему быть складочнымъ мѣстомъ награбленнаго. Закройте Алай для Саибъ-Назара, предоставивъ ему все памирское царство, и этотъ памирскій практикъ скажетъ вамъ, что на высокой крышѣ ладно жить только тогда, когда хорошо кормятъ снизу, онъ сразу объявитъ вамъ миръ на вѣки за тѣ два окна, которыя вы оставите ему для мирныхъ сношеній съ Алаемъ, тѣ единственныя двѣ продушины въ богатому, родному и сильному сѣверу, которыя зовутся Кизиль-артъ и Тахта-горумъ.

Значеніе толковаго и прочнаго порядка на Алаѣ не ограничивается только отношеніемъ къ Памиру. Алай и въ особенности Нижній Алай, какъ земледѣльческій и лѣсной, врѣзывается широкимъ клиномъ въ отдаленныя горныя бекства Бухары и составляетъ для востока этой страны то же, что Самаркандъ для центра, Мервско-мургабскій оазисъ для запада...

Прочная организація управленія Алаемъ, непосредственное присутствіе на немъ (хотя бы только въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ) русской власти прежде всего устраняло бы этотъ широкій промежутокъ между Ферганой и окраинными заалайскими владѣніями. Прочный миръ и порядокъ на Алаѣ сейчасъ же отзовется на прочности бухарской власти въ верхнеамударынскихъ провин-

ціяхъ, точно такъ же, какъ нынѣ, самовольства Алая отзываются на сомнительномъ положеніи въ его сосѣдствѣ Бухары. При отсутствіи непосредственной гражданской границы съ нами, Бухарѣ не на что опереться, въ ней нѣтъ увѣренности въ недавно присоединенныхъ горцахъ, она изолирована, предоставлена самой себѣ, вынуждена держать въ Дарвазѣ бездѣятельный, но сильный гарнизонъ, и отказаться отъ всякаго вліянія на такія серьезныя событія на ея границѣ, какъ самовольное занятіе Шугнана и Ропана афганцами. Прежнее колеблющееся положеніе памирскаго населенія и припамирскихъ мелкихъ ханствъ обуславливалось исключительно тѣмъ, что у нихъ былъ просторъ подъ бокомъ, просторъ съ такими „соловьями“ какъ памирскій Назаръ, съ „князьями“, въ родѣ нашего алайскаго манана, или каратегинскаго датхи (киргизскій генералъ восточнаго Каратегина), которымъ было выгодно смутное время... Разорвите этотъ союзъ баранчаей, установите на Нижнемъ Алаѣ <sup>1)</sup> строгій наблюдательный постъ,—и Алай приобрететъ, наконецъ, свое важное значеніе, которое онъ по своему географическому положенію предназначенъ играть на нашей припамирской границѣ.

Д. ИВАНОВЪ.



<sup>1)</sup> Нижний Алай—земледѣльческій и лѣсной.